

ISSN 2072-8530 (print)
ISSN 2310-7227 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ

ПАТРИОТИЗМ КАК ФЕНОМЕН
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ
В РАБОТАХ МИШЕЛЯ ФУКО

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА
КАК ВИДЫ МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

2017/ № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8530 (print)

2017 / № 2

ISSN 2310-7227 (online)

серия

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета» (серия «Философские науки») включён Высшей аттестационной комиссией в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по философским наукам (09.00.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy» is included into the "The List of peer-reviewed academic journals recommended for publishing the essential outcomes of Candidate and Doctoral theses" (List of the Higher Certification Committee) on Philosophy Sciences (09.00.00). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russia).

ISSN 2072-8530 (print)

2017 / № 2

ISSN 2310-7227 (online)

series

PHILOSOPHY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционно-издательский совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — к. филол. н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)
Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к. ю. н., к. и. н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д. пед. н., академик РАО, член Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д. псих. н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д. ф. н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д. полит. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д. экон. н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д. пед. н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. — д. ф.-м. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухун Г.Т. — д. филол. н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

Редакционная коллегия серии «Философские науки»

Ответственный редактор серии:

Песоцкий В.А. — д. ф. н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора:

Загребин М.В. — к. ф. н., доц., МГОУ

Ответственный секретарь:

Картавцев В.В. — к. ф. н., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Бондарева Я.В. — д. ф. н., доц., Академия повышения квалификации и профессиональной подготовки работников образования (г. Москва)

Кокорин А.А. — д. ф. н., проф., Академия Федеральной службы безопасности РФ (г. Москва)

Бузук Г.Л. — д. ф. н., проф., МГОУ

Демина Л.А. — д. ф. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

Макеев С.В. — д. ф. н., проф., Адыгейский государственный университет (г. Майкоп)

Беркут В.П. — д. ф. н., проф., Военная академия РВСН имени Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации

Губман Б.Л. — д. ф. н., проф., Тверской государственный университет

Виноградов А.И. — д. ф. н., доц., Мурманский арктический государственный университет

Курабцев В.Л. — д. ф. н., доц., МГОУ

Семаева И.И. — д. ф. н., проф., МГОУ

Евстифеева Е.А. — д. ф. н., проф., Тверской государственный технический университет

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. — 2017. — № 2. — 108 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26302.

**Индекс серии «Философские науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40724**

© МГОУ, 2017.

© ИИУ МГОУ, 2017.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»:**

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 38

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow Region State University

————— Issued 4 times a year —————

Series editorial board «Philosophy»

Editor-in-chief:

V.A. Pesotsky – Doctor of Philosophy, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

M.V. Zagrebin – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

V.V. Kartavtsev – Ph.D. in Philosophy, MRSU

Members of Editorial Board:

Ya.V. Bondareva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Academy of Postgraduate Education and Professional Retraining of Educational Workers (Moscow)

A.A. Kokorin – Doctor of Philosophy, Professor, Academy of the Federal Security Service (Moscow)

G.L. Buzuk – Doctor of Philosophy, Professor, MRSU

L.A. Demina – Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State Law University

S.V. Makeyev – Doctor of Philosophy, Professor, Adyghe State University (Maykop)

V.P. Berkut – Doctor of Philosophy, Professor, Military Academy of strategic missile forces named after Peter the Great of the Ministry of defence of the Russian Federation

B.L. Gubman – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State University

A.I. Vinogradov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Murmansk Arctic State University

V.I. Kurabtsev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, MRSU

I.I. Semaeva – Doctor of Philosophy, Professor, MRSU

E.A. Evstifeeva – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State Technical University

Publishing council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Ph.D. in Philology, Professor, Rector of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph.D. in Philology, Head of Information and Publishing Department (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph.D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, Member of the Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolv – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of “Literaturnaya Gazeta”

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy. – 2017. – № 2. – 108 p.

The series «Philosophy» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26302.

**Index series «Philosophy» according to the union
catalog «Press of Russia» 40724**

© MRSU, 2017.

© Information & Publishing department of MRSU, 2017.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index (RSCI), has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of Bulletin of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru).

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Деникина З.Д.</i> ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА КАК ВИДЫ МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	6
<i>Курочко М.М.</i> СУЩНОСТЬ ФИЛОСОФИИ И ЕЁ РОЛЬ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	14

РАЗДЕЛ II.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Бакурадзе А.Б.</i> АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИДЕРСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РУКОВОДИТЕЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	23
<i>Горячев А.И.</i> ПАТРИОТИЗМ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	31
<i>Кафтан В.В.</i> ФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	39
<i>Курабцев В.Л.</i> ЗАПАД И РОССИЯ: ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ	48
<i>Петрий П.В.</i> ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	55
<i>Сурина В.А.</i> СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕЁ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ГРУППИРОВКОЙ ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО (ИГ) ДЛЯ СОБСТВЕННОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В МУСУЛЬМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ (УММЕ)	64

РАЗДЕЛ III.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Глинский А.В.</i> ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В РАБОТАХ МИШЕЛЯ ФУКО	72
<i>Колесниченко Ю.В.</i> ЛИЧНОСТЬ РАННЕГО ЛОСЕВА – ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ	82

РАЗДЕЛ IV.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Оборский А.Ю.</i> ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	94
--	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Калитин П.В.</i> ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ФАШИЗМ – ВНЕ И ВНУТРИ НАС	100
---	-----

CONTENTS

SECTION I.

ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY

<i>Z. Denikina.</i> PHILOSOPHY OF LAW AND GENERAL THEORY OF LAW AS METATHEORETIC KNOWLEDGE	6
<i>M. Kurochko.</i> THE ESSENCE OF PHILOSOPHY AND ITS ROLE IN HISTORY AND MODERN WORLD.....	14

SECTION II.

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>A. Bakuradze.</i> AXIOLOGICAL BASES OF SOCIAL LEADER'S POTENTIAL IMPLEMENTATION	23
<i>A. Goryachev.</i> PATRIOTISM AS A PHENOMENON OF MODERN RUSSIAN SOCIETY.....	31
<i>V. Kaftan.</i> THE PHILOSOPHY OF MODERN INFORMATION SOCIETY	39
<i>V. Kurabtsev.</i> RUSSIA AND THE WEST: CONFRONTATION OF CIVILIZATIONS	48
<i>P. Petriy.</i> PUBLIC IDEAL AS A FACTOR OF MODERNIZING RUSSIA IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION	55
<i>V. Surina.</i> THE SOCIO-PHILOSOPHICAL CONCEPT OF ISLAMIC STATE AND ITS USE BY ISLAMIC STATE TERRORIST GROUP (ISIS) FOR SELF-POSITIONING IN THE MUSLIM SOCIETY (UMMAH)	64

SECTION III.

THE HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>A. Glinsky.</i> THE PROBLEM OF POWER IN MICHEL FOUCAULT'S WORKS	72
<i>Yu. Kolesnichenko.</i> A. LOSEV'S EARLY YEARS – AN EXPERIENCE OF PHILOSOPHICAL PORTRAYING	82

SECTION IV.

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>A. Oborskiy.</i> ETHICAL ISSUES OF ECONOMIC REFORMS IN MODERN RUSSIA.....	94
---	----

SCIENTIFIC LIFE

<i>P. Kalitin.</i> OUTSIDE AND INSIDE LIBERAL FASCISM	100
---	-----

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 101.8

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-6-13

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА И ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА КАК ВИДЫ МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Деникина З.Д.

Финансовый университет при Правительстве РФ

125993, г. Москва, Ленинградский пр-кт, д. 49, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме методологического структурирования юридического знания. Различаются два типа правовой методологии: философский и юридический. Определяются парадигмальные параметры философско-правовой метатеории, согласно которой альтернативные концепции могут быть однопорядковыми в метатеоретическом смысле. Обосновывается положение, что тема конкуренции натуралистической и культур-центристской исследовательских программ вторична для философско-правовой парадигмальной метатеории. Предлагаются критерии однозначного правопонимания на теоретическом уровне юридического знания. Выявляются предельные и достаточные основания правопонимания.

Ключевые слова: философия права, теория права, правовая метатеория, парадигмальное знание, «широкое» понимание права.

PHILOSOPHY OF LAW AND GENERAL THEORY OF LAW AS METATHEORETIC KNOWLEDGE

Z. Denikina

Financial University under the Government of the Russian Federation

49, Leningradsky ave., Moscow, 125993, Russian Federation

Abstract. The article deals with the problem of methodological description of legal knowledge. There are two types of legal methodology: philosophical and legal. The paradigm parameters are determined of legal and philosophical meta-theory according to which alternative concepts can be one-order in meta-theoretic sense. It is proved that the topic of naturalistic and culture-centered research programs competition is secondary for legal and philosophical paradigm of

the meta-theory. The author proposes some criteria for unambiguous interpretation of law at a theoretical level of legal knowledge and identifies the limited and sufficient grounds of law interpretation.

Keywords: philosophy of law, theory of law, legal meta-theory, paradigm knowledge, 'broad' understanding of law.

В современном гуманитарном и социальном знании утверждается постнеклассический вектор развития науки. Философия права и общая теория права дистанцируются друг от друга в качестве различных видов метатеоретического юридического знания. Одновременно они сближаются в рамках общенаучной постнеклассической парадигмы, обращенной к междисциплинарным результатам. В первом случае обнаруживается несводимость философского и юридического знания. Философская метатеория рефлектирует весь спектр естественно-научных и социо-гуманитарных метатеорий, а общая теория права не выходит за границы дисциплинарного метатеоретического уровня, выявляя достаточные основания правовых концепций. Во втором случае речь идёт об идентичных парадигмальных способах исследования в духе Т. Куна, общности постановки проблем и их методологическом решении.

Тема правовой метатеории актуализируется в связи с проблемой множественности концепции правопонимания. Заслуживает внимание «секторальная» трактовка метатеории, предполагающая не синтез, а раздельное сосуществование основных концепций правопонимания. Концепции правопонимания – это «только ракурсы мышления о праве». Решение проблемы «видится в создании метатеории...» [5, с. 7]. Согласно этой позиции любой угол зрения на право представ-

ляет собой непротиворечивое знание и может разрастаться до масштабов целостного понимания права.

По меньшей мере два обстоятельства свидетельствуют о метатеоретической направленности современной общей теории права. С одной стороны, теория права следует в фарватере постнеклассической науки, изучающей системную реальность. Право как общественное явление состоит из различных структурных элементов: правового сознания, правовой деятельности, правовых норм, правовых отношений, правовых институтов. «Внутренняя» системность сопрягается с «внешней», право само по себе является параметром системного социального бытия, подверженного нелинейным изменениям.

С другой стороны, предметная область современной теории права расширяется за счёт акцентирования роли юридической рефлексии. Всё большее значение имеет полномасштабный сравнительный анализ различных концепций с целью нахождения однозначного, сбалансированного представления о праве.

Междисциплинарный характер современной науки повышает ценность дисциплинарных метатеорий. Дисциплинарная метатеория представляет собой наиболее высший уровень научного знания (научные знания имеют трехуровневую структуру [4, с. 254]). Философская метатеория совпадает с метафилософией науки, которая явля-

ется «с одной стороны, рефлексивным уровнем знания самой науки, а с другой – результатом применения когнитивных ресурсов той или иной общей философской системы» [4, с. 130].

Общая теория права и её метатеоретический уровень наряду с экономическим, социологическим видами знания образуют «тело» научной парадигмы, и философия науки исследует это образование. Выражение «постклассическая теория права» скорее означает появление нового вида метатеории, методологические новшества и изменившиеся онтологические приоритеты [7, с. 120–130]. Для философии права постклассическая теория права становится предметом специального парадигмального анализа. Иначе говоря, правовая метатеория не должна выполнять функции философии права.

В правовых, экономических, социологических концепциях проявляются общие черты сформировавшейся научной парадигмы. В дальнейшем философия науки сделает эту парадигму специальным предметом исследования, а философия права применит её потенциал для объяснения теории и метатеории права.

Уже имеющиеся в юридическом знании исследовательские стратегии – теории модерна и постмодерна, натуралистическая и культур-центристская исследовательские программы – изучаются в философии права наряду с системной, структурно-функциональной и деятельностной методологией:

а) как методологическое обеспечение совокупного научного знания;

б) как структурные компоненты метатеории права, меняющие свои парадигмальные характеристики [3, с. 11–37].

Так, например, классическая деятельностная методология, исповедуемая советской теорией права, во многом пересекается с натуралистической исследовательской программой в юридическом знании. В неклассической философско-правовой парадигме постперестроечного периода деятельностный подход ориентирован на преимущественно субъектно-гуманитарное понимание права.

Проблема различения философской и дисциплинарной метатеорий – одна из ключевых в современной философии науки [8, с. 24–28]. Метатеория права может отслеживать парадигмальность юридического знания в рамках собственных компетенций. Философия права эксплицирует предельные онтологические, гносеологические и аксиологические основания правовых концепций, выступает в качестве максимальной схемы интерпретации логики эволюции дисциплинарных теорий и метатеорий, в виде исходных представлений о природе права, принципах его изучения, ценностном статусе в обществе. «Подвижна» ли эта предельность, «открыт» ли предмет изучения? Именно в философии права применяются парадигмальный угол зрения на любые правовые феномены, концептуальные основания их изучения, т. е. для философии парадигмальная трактовка права имманентна. Смена углов зрения в философии права диктуется логикой развития философского и научно-правового знания. Благодаря эволюции философии науки, в которой дифференцируются различные типы научной рациональности, во многом становится понятным методологический алгоритм изучения права.

Оформление правовой метатеории в отечественной науке связано с проблемой широкого толкования права. Очевидно, эта тема не влечёт за собой сугубо онтологическую проблему определения природы права, скорее это эпистемологический вопрос о различных уровнях юридического знания, который не актуализировался ранее. Широкое толкование права – это проблема специфическая для методологии для теоретического и метатеоретического уровней в диапазоне от формально-логического языка описания до сложносистемного анализа. Широкое толкование права – это проблема конкуренции натуралистической и культур-центристской исследовательских программ, градации категориального аппарата, выделения семейств понятий. Так, понятие нормы имеет статичное операциональное содержание при узком толковании права и динамичные смысловые компоненты при так называемом широком понимании права. В первом случае на теоретическом уровне проясняется истинное понятие права, причем истинное не в смысле теории корреспонденции истины, а в смысле теории когеренции, внутренней согласованности.

Одна из актуальных задач современной теории права заключается в согласовании различных концептуальных позиций. На теоретическом уровне оно должно проводиться не в рамках дополнительности многосущностных трактовок права, а в границах однозначно понимаемой его социально-функциональной природы. Другими словами, трактовка права как меры свободы является «своим другим» понимания права как системы норм. На теоретическом уровне ни

один тип правопонимания не имеет концептуальных преимуществ. Юридическое знание предстаёт как единая концепция, которая не складывается индуктивным способом, – напротив, дедуктивный и операциональный характер единой концепции права на теоретическом уровне допускает её дальнейшее разветвление. В каждом из них исследуется то или иное проявление социальной природы права, и в любой ветви единой концепции фиксируется истинность такого правопонимания.

Как снять проблему множественности концепций правопонимания на теоретическом уровне юридического знания? Один из возможных путей решения – закрепление за теоретическим уровнем статуса классического научного знания. Это означает установку на его односущностное определение, изучение права, а не его интерпретации, включение всех подходов (в том числе и естественно-правового) в натуралистическую исследовательскую программу. Легитимность такого решения связана с невозможностью элиминации классической научной парадигмы в современном научном знании. На первый план выходят субстанциональные определения, поэтому трактовка права не может быть лишь узко формальной и процедурно функциональной, в ней обязательно сохраняются ценностно-целевые значения.

Онтологическое основание классического теоретического понимания права – замена этатизма на системное представление о социальной реальности, в которой право включается в механизм её сущностного воспроизводства. Цель социальной системы заключается в воспроизводстве ею

себя и единства своих частей. Аксиологические основания такого правопонимания: для общественной жизни сохранение социального порядка и нормативное поведение являются ценным. Гносеологические основания классического правопонимания: взаимное признание правил совместной жизни в результате коллективной и личностной рефлексии определяет меру свободы в социальной системе, а юридически значимые действия считаются справедливыми. На теоретическом уровне в любом типе правопонимания отражается определённый аспект правильного, справедливого, нормативного воспроизводства социальной системы и её частей.

На теоретическом уровне множественность правопонимания складывается не в результате кардинального различия концептуально-методологических позиций, а в результате многоаспектности проявления одномерной сущности права в системном социальном бытии. В каждом типе правопонимания выражается определённая форма бытия права как способа воспроизводства социального порядка. Показательно, что на теоретическом уровне многосущностные трактовки социальной реальности не влияют на однозначную дефиницию права. Социальная реальность может пониматься в духе К. Маркса, как классическое системное бытие экономических и социально-политических закономерностей. Социальная реальность может пониматься постнеклассически в духе Н. Лумана, как самовоспроизводящаяся система, состоящая из операций и событий. Своеобразную трактовку права как *типа рациональности* дают отечественные авторы Н.В. Михалкин

и А.Н. Михалкин [6, с. 50]. Любое понимание социальной реальности не выходит за рамки узкого подхода к праву, укрупняется лишь масштаб рассмотрения государства и права. Социально-функциональная трактовка права приемлема для микроправовой теории (право как функция государства) и макроправовой теории (выходящей на социальную реальность).

С другой стороны, современное юридическое знание входит в постнеклассический этап своего развития с привлечением междисциплинарного анализа. На метатеоретическом уровне общей теории права апробируются подобные исследовательские технологии, так называемое широкое право становится специальным предметом интерпретации. Эпистемиологическая «игра», конструктивизм продуктивны именно на этом уровне юридического знания. Широкая трактовка права включает в себя весь диапазон гносеологических и онтологических новаций. Задача правовой методологии – дать социокультурную и концептуально-методологическую оценку наличному юридическому знанию. Идёт рефлексия возможных смыслов существования и функционирования права.

В правовом смысле соотносятся исторические и культурные состояния социальной реальности, ментальные особенности индивидов и социальных групп, объективные социально-экономические обстоятельства, субъективные политические стратегии и многие другие факторы «средового» существования права. Факт неразделённости права и его среды расширяет онтологические основания метатеоретического уровня. Различные средовые условия определяют ценностные при-

оритеты этого времени, что приводит к ожидаемому расширению аксиологических оснований представлений о праве (о междисциплинарном подходе к исследованию базовых понятий правовой аксиологии [2, с. 50]). На мета-теоретическом уровне важны нюансы в трактовке социальной реальности, преобладание структурно-функциональной (Т. Парсонс), социально-герменевтической (М. Вебер), коммуникативной (Ю. Хабермас), системной (Н. Луман) точек зрения на социальность, которые формируют тот или иной («средовый») смысл права.

Другими словами, на метатеоретическом уровне превалирует контекстуальный анализ исторических условий и цивилизационных различий. С другой стороны, правовая метатеория обращается к методологической базе юридического знания, которая на теоретическом уровне лишь применяется. Так, например, сопоставление диалектической логики и феноменологического метода расширяет границы методологического обеспечения теоретического уровня. В отличие от теории права его метатеория является открытым знанием, апеллирующим не к значениям истинности, а к смыслу права.

Даже при широком понимании права его метатеория не совпадает с философией права, они различаются так, как различаются современная наука и философия науки. Правовая теория и метатеория образуют содержательную, эмпирическую базу, по поводу которой рефлектирует философия права. Делает она это сугубо философскими средствами, которые лишь терминологически напоминают «широкий» юридический язык. Так, философия права обращается к юридической герменев-

тике, выступающей типом правопонимания в теории права, способом интерпретации смысла права в метатеории и отдельным философским направлением. В философии права задействованы ресурсы философской герменевтики, но предельность объяснения обеспечивается контекстом соответствующей философско-научной парадигмы. Благодаря парадигмальному аспекту становится понятным, например, существенное различие в онтологических и гносеологических основаниях юридической герменевтики Древнего Рима и юридической герменевтики Р. Дворкина.

Таким образом, в отечественном юридическом знании актуализируются метатеоретические вопросы: является ли теория права полным и непротиворечивым знанием? Возможна ли интегративная теория права при культур-центристском алгоритме исследования (как, например, при консенсуальном подходе к пониманию права в отечественной философии [1, с. 54–57])? Оправдана ли смена онтологических приоритетов на аксиологические и гносеологические аспекты исследования?

Противостояние различных точек зрения приводит к пересмотру достаточных оснований понимания права, т. е. к корректировке монодисциплинарных теоретико-правовых идей и принципов, выполняющих метанаучную роль. Дискуссии об истинности типов правопонимания прямым и косвенным образом ускоряют становление современной правовой метатеории. Для её оформления продуктивен дальнейший анализ когнитивных возможностей философско-правовой парадигмальной метатеории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов Е.А. Консенсуальный подход к проблеме соотношения европейской и российской концепций философии права // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 2. С. 50–60.
2. Гостев П.Е. К вопросу о понимании ценностей в философии права // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 1. С. 49–56.
3. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография. М.: Российская академия правосудия, 2012. 580 с.
4. Лебедев С.А. Философия науки: словарь основных терминов. М.: Академический Проект, 2004. 320 с.
5. Лейст О.Э. Три концепции права // Советское государство и право. 1991. № 12. С. 3–11.
6. Михалкин Н.В., Михалкин А.Н. Закономерности организации общества и роль права в реализации обязанностей государства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 4. С. 46–56.
7. Честнов И.Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
8. Шагиева Р.В. Актуальные проблемы права: монография. М.: РУСАЙНС, 2015. 258 с.

REFERENCES

1. Agafonov E.A. A consensual approach to the problem of the relation of European and Russian concepts of the philosophy of law. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 2, pp. 50–60.
2. Gostev P.E. On the issue of values in philosophy of law. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 1, pp. 49–56.
3. Lapaeva V.V. *Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika* [Types of Law: Legal Theory and Practice]. Moscow, Russian Academy of Justice Publ., 2012. 580 p.
4. Lebedev S.A. *Filosofiya nauki: slovar' osnovnykh terminov* [Philosophy of Science: a Glossary of Key Terms]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2004. 320 p.
5. Leist O.E. Three Concepts of Law. In: *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1991, no. 12, pp. 3–11.
6. Mikhalkin N.V., Mikhalkin A.N. Patterns of social organization and the role of law in implementing the obligations of the state. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2015, no. 4, pp. 46–56.
7. Chestnov I.L. *Postklassicheskaya teoriya prava* [Postclassical Theory of Law]. St. Petersburg, Alef-Press Publ., 2012. 650 p.
8. Shagieva R.V. *Aktual'nye problemy prava: monografiya* [Current Problems of Law: monograph]. Moscow, RUSAINS Publ., 2015. 258 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Деникина Зоя Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ; e-mail: andenikin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zoya D. Denikina – Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: andenikin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Деникина З.Д. Философия права и общая теория права как виды метатеоретического знания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 6-13.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-6-13

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Denikina Z.D. Philosophy of Law and General Theory of Law as Metatheoretic Knowledge. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 2, pp. 6-13.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-6-13

УДК 1(09)

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-14-22

СУЩНОСТЬ ФИЛОСОФИИ И ЕЁ РОЛЬ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Курочко М.М.*Военный университет Министерства обороны РФ**123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация. В статье показано, что философия возникает в Античности как ответ на вызовы и угрозы социального хаоса и распада личности. Эту роль философия воплощала на протяжении истории. Раскрывается антифилософский характер софистики, на которую делают ставку субъекты современного глобального хаоса. Можно сделать вывод, что противостояние философии и неософистики в современном глобальном мире является выражением борьбы человечества за саму возможность быть.

Ключевые слова: философия, софистика, духовно-интеллектуальные практики, вызов, угроза, ответ, социальный хаос, распад личности

THE ESSENCE OF PHILOSOPHY AND ITS ROLE IN HISTORY AND MODERN WORLD

M. Kurochko*The Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation**14, Bolshaya Sadovaya st., Moscow, 123001, Russian Federation*

Abstract. The article proves that philosophy emerges in the ancient world as a response to challenges and threats of social chaos and disintegration of personality. This kind of role philosophy has been playing throughout the history. The author reveals anti-philosophical nature of sophistry in which the subjects of modern global chaos have a stake. It is concluded that the confrontation of philosophy and neosophistry in the modern global world is a realization of mankind's struggle for the opportunity to exist.

Key words: philosophy, sophistry, spiritual and intellectual practices, challenge, threat, response, social chaos, disintegration of personality.

Что есть философия? Ситуация такова, что ответ на этот вопрос в наши дни неоднозначен. Хотя казалось бы – чего проще? Ведь философия существует уже не одно тысячелетие. Разве физики или астрономы задаются вопросом «Что такое физика?» или «Что такое астрономия?». А вот с философией в её определении возникают трудности [8]. Исторически сложилось так, что чуть ли не каждая интеллектуальная школа, каждый мыслитель предлагают свои версии в качестве ответа на поставленный вопрос. А.В. Ахутин отмечает: «К каждому философу можно отнести слова, сказанные Шеллингом о Декарте: “Он начал с того,

что порвал всякую связь с прежней философией, как бы стёр губкой всё, что было сделано в этой области до него, и начал строить свою систему с самого начала, будто до него вообще никто не философствовал» [3, с. 17].

В осмыслении сущности и назначении философии сложились взаимоисключающие позиции. Приведём лишь некоторые из них. М. Мерло-Понти в своей работе «В защиту философии» [15] писал, что первейшей задачей философии является стремление к новому, неизведанному. Но хочется задать вопрос М. Мерло-Понти: античная философия изначально ставит вопрос об основаниях мира, вопрос о сущности «архе», почему же вы утверждаете, что философия – это мысль о новом, а не об изначальном? В. Дильтей связывал философию с тем, что является общим в отдельных фактах [8, с. 7].

Английский философ Альфред Норт Уайтхед утверждает противоположные позиции М. Мерло-Понти: «Наиболее правдоподобная общая характеристика европейской философской традиции состоит в том, что она представляет собой серию примечаний к Платону <...> Вещи, протекающие во времени, возникают благодаря своей причастности к вещам, которые вечны» [21, с. 32]. Для Уайтхеда философия должна исследовать трансцендентные начала мира, познанию которых и посвятил всю свою жизнь Платон.

В спор вступают Ж. Делез и Ф. Гваттари. В совместном исследовании [7] они предложили модель философии, в которой отдаётся предпочтение имманентности и пространству перед трансцендентностью и временем. Они полагают, что философия – это

творчество «концептов», чем она и отличается от «мудрости» и религии, апеллирующих к трансцендентным реальностям.

О сущности философии и необходимости её возрождения в условиях «империализма физики» и «терроризма эксперимента» в своё время прочитал курс лекций Х. Ортега-и-Гассет [17]. Он показал, что научная истина занимается частными вопросами устройства Универсума. Философию же он определял как познание всего Универсума: «Философия есть не что иное, как деятельность теоретического познания, теория Универсума» [17, с. 108].

М.А. Киссель отмечает: «Одна из характерных особенностей западной философии XX в. – “кризис метафизики”, т. е. распространенное убеждение в невозможности и даже вредоносности философского учения о “последних основаниях бытия и познания”» [14, с. 3].

Примером тревоги и обеспокоенности за судьбу человека и философии является работа И.А. Гобозова [6]. Он отмечает, что философия находится в удручающем состоянии. Постмодернисты превратили её в пустой дискурс обо всём и ни о чём.

Уместно говорить и о превращенной форме философии, о том, что в мире действует нечто, называющее себя философией, но по своему содержанию, духу и сути философией не являющееся. Следует говорить об антифилософии, которая, по моему глубоко убеждению, неразрывно связана с феноменом антихристианства. Если слово «философия» семантически означает «любовь к мудрости», то превращенная форма философии

выступает средством отчуждения от мудрости, лишь имитирует поиски и воплощение мудрости, любовь к ней. Примером превращенной формы философии является софистика, в борьбе с которой философия, собственно, окончательно и оформляется в качестве самостоятельной духовно-интеллектуальной практики.

Чтобы понять сущность философии, мы должны вернуться к её истокам во времена Сократа и к сути той полемики, которую он вёл с софистами. Нужно выявить совокупность тех интеллектуальных и духовных практик, в полемике с которыми родилась философия, установить их сущность и на этом фоне понять сущность самой философии.

Выявление сущности и роли философии напрямую связано с анализом интеллектуальной и духовной ситуации и в современном мире: а есть ли философия в наши дни, является ли философией то, что называется этим словом? Ведь не всё то золото, что блестит. Для этого проведём небольшой обзор работ, в которых ставится и решается вопрос о сущности философии, её роли и перспективах развития в наши дни.

К моменту возникновения философии в Древней Греции сложились следующие духовно-интеллектуальные практики: переживающая упадок языческая религия; рациональное богословие (Гесиод) [5]; историки – те, которые изучали историю возникновения мира и которых мы с легкой руки Аристотеля теперь называем физиками; специалисты по воспитанию молодежи (пайдейя), поэты, софисты.

Следует отметить, что к моменту формирования философии Древняя

Греция находилась в состоянии хаоса и распада: гражданские войны, военная интервенция персов, засилье олигархов, распространение неверия, прагматизм. Многие греки воевали на стороне персов против своей же собственной страны. Ситуация вполне сравнима с тем, что происходит в современном мире и России. В этих условиях социального распада окончательно оформляется философия как самостоятельная духовно-интеллектуальная практика в качестве ответа на вызовы этого распада.

Почётный профессор Коллеж де Франс, крупнейший знаток античной культуры П. Адо в своей работе [1] показывает, что в античности философия прежде всего была особым образом жизни. В другой своей работе [2] П. Адо различает философские речи и философскую жизнь и указывает, что философия – это не отвлечённая речь, а образ жизни, способ бытия человека: «Античная философия предлагает человеку искусство жить, а современная философия предстает, прежде всего, как конструкция технического языка, предназначенного для специалистов» [1, с. 273].

К позиции П. Адо примыкает своим исследованием А.-Ж. Фестюжьер [22]. На материале платоновских текстов автор недвусмысленно показывает, что влияние Сократа на Платона и его окружение обусловлено не чем иным, как мистическим опытом и силой старца, а возрождение платонизма во II в. н. э. связывается с мистическим импульсом к умному видению в раннем христианстве.

Работы А. Адо и А.-Ж. Фестюжьера показывают, что Сократ как родоначальник философии был больше ду-

ховно-нравственным подвижником, чем отвлеченным мыслителем Нового времени. Сократ ближе к пророкам и апостолам, православным старцам, чем к Декарту, Канту, Гегелю и им подобным.

Софисты используют слово «sophia» в качестве самоназвания, утверждая, что преподают молодым людям «мудрость», sophia. Для них sophia означает ловкость в политических делах, осведомленность в науках – хотя бы постольку, поскольку она составляет часть общей культуры [2, с. 36–37]. Сократ же утверждает, что мудрость абсолютна.

Фундаментальным принципом софистики станет высказывание Протагора: «Человек есть мера всех вещей!». Однако реализация этого принципа на практике ведёт к ситуации войны всех против всех: ведь каждый считает себя мерой всех вещей. Здесь в чистом виде возможны две стратегии борьбы: 1) «кто сильнее, тот и прав», 2) «кто хитрее, тот и прав». Практика показывает, что эти две стратегии дополняют друг друга в зависимости от ситуации. Принцип «человек есть мера всех вещей» генерирует принцип «человек человеку волк», и оба на практике ведут человечество к тотальной и непрерывной войне всех против всех. В античных Афинах подобная практика привела к поражению Афин в политической борьбе и представляла собой угрозу бытию всего человека. Ответом на эти угрозы и станет явление философии. Пониманию сути этого утверждения мешает тот факт, что исторически сложилась практика рассмотрения софистов в качестве направления философии. Подтверждением этого являются оглавления учеб-

ников по философии и её истории. Но в том-то и дело, что философия и софистика являются противостоящими друг другу духовно-интеллектуальными практиками. Софистика несёт в себе энергию уничтожения и представляет собой угрозу бытию человека как такового. А философия является ответом на вызовы и угрозы человеку, которые в себе несёт софистика. Именно здесь лежит причина противостояния Сократа и софистов, которая, в конечном итоге, приведёт к казни Сократа. Дело Сократа продолжит его ученик Платон. Н.С. Мудрагей отмечает, что разоблачение софистов Платон вёл по трём направлениям, показывая характер угроз, которые несли софисты: «в онтологии – софиста не занимает бытие, но он скрывается в тени небытия и случайности; в логике – он не взыскует истины, его цель – мнение, видимая согласованность, победа в ораторском поединке; в этике, политике, педагогике – он не ищет мудрости и добродетели, но алчет денег и личной власти» [16, с. 142]. Сказанное можно выразить и в другой форме: софист в онтологическом плане утверждает небытие, ничто, смерть; в гносеологическом плане – своё мнение и волю, он – волюнтарист и утверждает себя, своё слово и имя вместо Бога, отвергнутого на онтологическом уровне; в нравственно-политическом плане он живёт алчностью и ненасытностью.

Софисты были атеистами. Они утверждали, что всё условно, субъективно, ситуативно и относительно. Истины и добра как абсолютной, объективной и универсальной реальности нет. Нет объективных и общезначимых универсальных духовно-нравственных ценностей. По сути, именно этот

подход и позиция софистов ведут к принципу и социальной практике, дух которой будет выражен устами Ивана Карамазова: «Если Бога нет, то всё позволено». Он утверждал, что достаточно лишить людей веры в собственное бессмертие и «ничего уже не будет безнравственного, всё будет позволено, даже антропофагия» [9, с. 64–65]. В этом высказывании Ивана Карамазова слышатся тезис Ф. Ницше о сверхчеловеке и его утверждение о том, что «Бог умер». Тезис софистов «человек есть мера всех вещей» исторически воплотился в нескольких типах сверхчеловека: превосходство одного класса над другим (расы богатых над расой бедных, как утверждал Б. Дизраэли) [13, с. 421]; превосходство одной нации, этноса над другими (нацизм, практика Третьего Рейха, например); превосходство одной цивилизации над другими (европоцентризм и культ Запада).

По сути, против всех этих угроз и восстаёт Сократ, и в этом суть философии. Сократ утверждает несколько базовых принципов: 1) нужно постигать сущность вещей и называть их своими именами (в этом плане Сократ стоит у истоков понятия как формы мышления, в которой отражается сущность всех вещей); 2) мудрость неразрывно связана с благом (любящий мудрость не может быть безнравственным человеком, мудрость и благо едины); 3) познай самого себя, а органом самопознания является человеческий разум (хочешь быть – знай себя, что и какие силы действуют в тебе и каков их генезис); 4) будь нравственным, добродетельным существом; 5) только Бог мудр, а человек может быть только философом – любящим мудрость. Возникшее христианство станет практи-

ческим воплощением этих сократовских принципов, а первые христиане будут называть Сократа христианином до Христа, которому тоже в определенной степени были ведомы Бог-Логос и его Откровения [19; с. 17]. Сократ в этом отношении ведёт себя как пророк древнего Израиля и погибает за истину и нравственность точно так же, как и ветхозаветные пророки и новозаветные апостолы. Образцом же для всех является Христос.

После казни Сократа называть себя софистом станет опасно. Но дух софистики как дух тотального произвола, как выражение культа человекобога / сверхчеловека никуда не денется. Он примет на себя имя философии и на протяжении последующих тысячелетий вплоть до наших дней в таком виде и будет существовать, практически вытеснив из жизни народов и дискредитировав дух философии. Как только Ф. Ницше скажет о смерти Бога, как тут же появится голос и о смерти философии [4; 11; 23]. Засилье духа софистики в платоновской Академии станет причиной её закрытия императором Юстинианом. Одновременно он построит Софийский собор: этим самым он будет утверждать слова Сократа и Христа, что мудрость – это Бог, а человек может быть только философом, т. е. любящим мудрость. Сама семантика слова «философия» и дух философии, как её утверждал Сократ в полемике с софистами, напрямую идентичны содержанию первой заповеди Христа: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим» [12, 22: 37].

Б.С. Чернышев, пользуясь марксистским методом, покажет, что софи-

стика как духовно-интеллектуальная и социальная практика неразрывно связана с духом наживы, с хремастикой: «в богатстве – сила», «честь следует за богатством», «деньги делают человека», «с богатством и простолюдин становится благородным» [24, с. 15, 16]. Здесь тоже следует вспомнить слова Христа: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» [12, 6: 24]. Маммона – символ алчности, стяжательства, денег, связан с демоническими богами древнего Вавилона и является выражением определённого деструктивного типа религиозной практики. Стоит вспомнить, что герой романа Ф.М. Достоевского «Подросток» в своём стремлении стать Ротшильдом видит выражение религиозного чувства: «Тут тот же монастырь, те же подвиги схимничества. Тут чувство, а не идея» [10, с. 67]. Таким образом, дух софистики и дух наживы, воплощенный в настоящее время мировым финансовым интернационалом, идентичны. Философия и рынок с его жрецами-олигархами – явления совершенно несовместимые [18]. Служанкой рынка и маммоны является софистика со своими играми разума. И то, что философия находится в органическом единстве с христианским богословием, является выражением их общего метафизического основания. По сути, это две стороны одного явления – формирования богочеловечества. А вот синтез софистики и ростовщичества даёт противоположное явление – формирование человекобожества. Эти два духовных вектора в развитии человечества яв-

ляются взаимоисключающими. Эпоха западноевропейского Возрождения – это одновременное восстание ростовщиков и неософистов. Их совместными усилиями будет дискредитировано Средневековье, а в наши дни – нравственные и созидательные достижения СССР. Дух философии станет органической частью Византийской культуры, а позже перейдет на Русь и найдет своё выражение в русской словесности и русской классической литературе. Дух неософистики заявит о себе уже в рационалистическом богословии католицизма, в схоластике, в номинализме и интеллектуальных практиках Нового времени. В XX в. произойдет институционализация боевых неософистов [20; 25], которые на основе социально-гуманитарного знания будут разрабатывать и внедрять в практику технологии тотальной манипуляции сознанием в интересах власти мировых ростовщиков, мирового финансового капитала. Стоит помнить о том, что фашизм – это крайняя степень реакции мирового финансового капитала. Противоборство философии и неософистики в современном глобальном мире является выражением борьбы человечества за самую возможность быть. Быть или не быть – основной вопрос современности. И живи Сократ в наши дни, он вновь был бы осуждён за свою проповедь на смертную казнь в Гаагском международном трибунале, который оккупирован боевыми неософистами и является оружием мировых ростовщиков. Но сама история нам говорит о том, что на вызовы и угрозы софистов философия в лице Сократа дала достойный ответ. Сумеет ли мы воспользоваться возможностями этого ответа перед вызовами и угрозами,

которые несут в себе современные боевые неософисты, обслуживающие алчность мировых ростовщиков и генерирующие совместно с ними неофашизм – зависит от нас.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адо П. Философия как способ жить: беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном / пер. с франц. В.А. Воробьева. М., СПб.: Степной Ветер: Коло, 2005. 288 с.
2. Адо П. Что такое античная философия. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1999. 319 с.
3. Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. 784 с.
4. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М.: ИРИСЭН: Мысль: Социум, 2009. 312 с.
5. Гесиод Теогония // Гесиод Полное собрание текстов. М.: Лабиринт, 2001. С. 20–50.
6. Гобозов И.А. Куда катится философия. От поиска истины к постмодернистскому трёпу (философский очерк). М.: Издатель Савин С.А., 2005. 202 с.
7. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический проект, 2009. 261 с.
8. Дильтей В. Сущность философии. М.: Интрада, 2001. 154 с.
9. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. I–X // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. 512 с.
10. Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 13. Л.: Наука, 1975. С. 5–445.
11. Дугин А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Евразийское движение, 2009. 744 с.
12. Евангелие от Матфея // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf> (дата обращения: 20.02.2017).
13. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2004. 832 с.
14. Киссель М.А. Философский синтез А.Н. Уайтхеда // Уайтхед А. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. С. 3–55.
15. Мерло-Понти М. В защиту философии. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1996. 249 с.
16. Мудрагей Н.С. Трудный путь философии // Вопросы философии. 2001. Т. 54. № 10. С. 140–152.
17. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. М.: Наука, 1991. 408 с.
18. Островский А. Анатолий Чубайс – отец русских олигархов [Электронный ресурс] // ИноСМИ.ру: [сайт] URL: <http://www.inosmi.ru/translation/214630.html> (дата обращения: 20.02.2017).
19. Иустин Философ. Творения. М.: Паломник: Благовест, 1995. 492 с.
20. Сондерс Ф.С. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М.: Институт внешнеполитических исследований и инициатив: Кучково поле, 2013. 416 с.
21. Уайтхед А. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
22. Фестюжьер А.-Ж. Созерцание и созерцательная жизнь по Платону. СПб.: Наука, 2009. 497 с.
23. Хокинг С., Млодинов Л. Высший замысел. М.: Амфора, 2012. 208 с.
24. Чернышев Б.С. Софисты. М.: КомКнига, 2015. 176 с.
25. Эстуллин Д. Тавистокский институт. Минск: Попури, 2014. 368 с.

REFERENCES

1. Ado P. *Filosofiya kak sposob zhit': besedy s Zhanni Karlie i Arnol'dom I. Devidsonom* [Philosophy as a Way of Life: Conversations with Zhanni Charlie and Arnold I. Davidson]. Moscow, St. Petersburg, Stepnoi Veter Publ., Kolo Publ., 2005. 288 p.
2. Ado P. *Chto takoe antichnaya filosofiya* [What is Ancient Philosophy?]. Moscow, Izdatel'stvo Humanitarnoi Literatury Publ., 1999. 319 p.
3. Akhutin A.V. *Antichnye nachal filosofii* [The Ancient Beginnings of Philosophy]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 784 p.
4. Benda J. *Predatel'stvo intellektualov* [The Treason of the Intellectuals]. Moscow, IRISEN Publ., Mysl' Publ., Sotsium Publ., 2009. 312 p.
5. Hesiod. Theogony. In: Hesiod. *Polnoe sobranie tekstov* [Complete Collection of Texts]. Moscow, Labirint Publ., 2001, pp. 20–50
6. Gobozov I.A. *Kuda katitsya filosofiya. Ot poiska istiny k postmodernistskomu trepu (filosofskii ocherk)* [Where is Philosophy Going To. From the Search for the Truth to a Postmodern Schmoose (Philosophical Essay)]. Moscow, Izdatel' Savin S.A Publ., 2005. 202 p.
7. Deleuze G., Guattari P.-F. *Chto takoe filosofiya?* [What is Philosophy?]. Moscow, Akademicheskii Proiect Publ., 2009. 261 p.
8. Dilthey W. *Sushchnost' filosofii* [The Essence of Philosophy]. Moscow, Intrada Publ., 2001. 154 p.
9. Dostoevskii F.M. The Karamazov Brothers. B. V–X. In: Dostoevskii F.M. *Sobranie sochinenii. T. 14* [Dostoevsky F.M. Complete Works. Vol. 14]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 512 p.
10. Dostoevskii F.M. Teenager. In: Dostoevskii F.M. *Sobranie sochinenii. T. 13*. [Dostoevsky F.M. Complete Works. Vol. 13]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. p. 5–445.
11. Dugin A.G. *Postfilosofiya. Tri paradigmy v istorii mysli* [Post-Philosophy. Three Paradigms in the History of Thought]. Moscow, Evraziiskoe dvizhenie Publ., 2009. 744 p.
12. *Evangelie ot Matfeya* [The Gospel of Matthew]. In: *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'. Ofitsial'nyi sait Moskovskogo patriarkhata* [Russian Orthodox Church. Official Site of the Moscow Patriarchate]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf> (accessed 20.02.2017).
13. Kara-Murza S.G. *Manipulyatsiya soznaniem* [Manipulation of Consciousness]. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 832 p.
14. Kissel' M.A. A.N. Whitehead's Philosophical Synthesis. In: Whitehead A.N. *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected works on Philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1990. p. 3–55.
15. Merleau-Ponty M. *V zashchitu filosofii* [In Defense of Philosophy]. Moscow, Izdatel'stvo Humanitarnoi Literatury Publ., 1996. 249 p.
16. Mudragei N.S. The Difficult Path of Philosophy. In: *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2001, no. 10, pp. 140–152.
17. Ortega-y-Gasset H. *Chto takoe filosofiya* [What is philosophy?]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 408 p.
18. Ostrovskii A. Anatoly Chubais is the Father of Russian Oligarchs. In: *InoSMI.ru*. [Foreign mass-media]. Available at: <http://www.inosmi.ru/translation/214630.html> (accessed 20.02.2017)
19. Iustin Filosof. *Tvoreniya* [Creations]. Moscow, Palomnik Publ., Blagovest Publ., 1995. 492 p.
20. Sonders F.S. *TsRu i mir iskusstv: kul'turnyi front kholodnoi voiny* [The Cultural Cold War: the CIA and the World of Arts and Letters]. Moscow, Institute for Foreign Policy Studies and Initiatives Publ., Kuchkovo pole Publ., 2013. 416 p.
21. Whitehead A.N. *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected Works on Philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1990. 720 p.

22. Festugière A.-J. *Sozertsanie i sozertsatel'naya zhizn' po Platonu* [Contemplation and Contemplative Life according to Plato]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 497 p.
23. Hawking S., Mlodinow L. *Vysshii zamysel* [The Grand Design]. Moscow, Amfora Publ., 2012. 208 p.
24. Chernyshev B.S. *Sofisty* [The Sophists]. Moscow, KomKniga Publ., 2015. 176 p.
25. Estullin D. *Tavistokskii institut* [The Tavistock Institute]. Minsk, Popuri Publ., 2014. 368 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курочко Михаил Михайлович – кандидат философских наук, профессор, доцент кафедры философии и религиоведения Военного университета Министерства обороны РФ;

e-mail: m.kurochko@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail M. Kurochko – PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor at the Department of Philosophy and Religious Studies at The Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation;

e-mail: m.kurochko@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Курочко М.М. Сущность философии и её роль в истории и современном мире // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 14-22.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-14-22

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Kurochko M.M. The Essence of Philosophy and Its Role in History and Modern World. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 2, pp. 14-22.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-14-22

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 124.53

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-23-30

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИДЕРСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РУКОВОДИТЕЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Бакурадзе А.Б.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются аксиологические основания лидерского потенциала руководителя социальной организации, к которым относятся ценности лидера и его воля в отношении к таким ценностям. Социально ответственность руководителя-лидера детерминруется его волей к положительным ценностям, что ставит задачу формирования и развития его личного лидерского потенциала. Автор делает вывод, что результатом подготовки руководителя должна стать ориентация его сознания на положительные ценности-цели и ценности-средства управленческой деятельности. Кроме того, социальная ответственность генерирует творческое напряжение в организации, что даёт возможность осуществлять различные по глубине изменения в социальной организации.

Ключевые слова: ценность, ценности управления, социальная организация, положительные ценности, руководитель, лидер, лидерский потенциал, власть, социальная ответственность руководителя.

AXIOLOGICAL BASES OF SOCIAL LEADER'S POTENTIAL IMPLEMENTATION

A. Bakuradze

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the axiological foundations of social leader's potential which includes leader's values and his will to acquire them. The author concludes that the result of leadership training should be focusing leader's mind on positive values-goals and values-means of management. The responsibility of leader-managers is socially determined by their orientation to positive values, which poses the problem of forming and developing leader's personal potential. Furthermore, social responsibility generates creative tension within a social organization, which allows of carrying out various changes in it.

© Бакурадзе А.Б., 2017.

Keywords: value, management values, social organization, positive values, manager, leader, leadership potential, power, leader's social responsibility.

Ценности задают образ действия социальных организаций, их руководителей и работников, определяя, что есть должное в деятельности. Однако, как справедливо замечают В.А. Песоцкий и В.М. Чугунов, в структуре человеческой деятельности аксиологические аспекты тесно взаимосвязаны с волевыми и познавательными [1, с. 78]. Однако руководителю-лидеру требуется волевое усилие, чтобы направить себя и свою социальную организацию к положительным ценностям. Поэтому, с одной стороны, перед ним встаёт задача познания системы положительных ценностей управления, а с другой – задача формирования и развития личного лидерского потенциала, позволяющего реализовать на практике эти ценности.

Решая первую из названных задач, важно, чтобы процесс познания руководителем положительных ценностей завершался принятием таких ценностей в результате их свободного выбора. Отсюда непреходящее значение имеет воспитание управленческих кадров, которое понимается нами как формирование ценностного сознания личности, ориентированного на положительные ценности-цели и ценности-средства управленческой деятельности.

Однако человек постоянно сталкивается с конфликтом ценностей, которые побуждают субъекта выбирать то или иное направление, имея несколько альтернатив. В действительности ценности принимают не только форму ценностей-идеалов, которые выработаны обществом, социальной органи-

зацией, но и форму личного ценностного сознания. Поэтому руководитель на основании своего жизненного опыта, ориентируясь на актуальные для себя и своей социальной организации потребности и интересы, самостоятельно формирует собственную систему ценностей управления. Их опредмечивание проявляется в различных актах управленческой деятельности. При этом не подлежит сомнению, что в зависимости от ситуации руководителю приходится усилием своей воли выбирать между вариантами действий, имеющими различные ценностные основания.

Таким образом, феномен лидерства в аспекте социально ответственного поведения руководителя реализуется в воле к положительным ценностям. Воля представляет собой способность индивида определять цели и добиваться их достижения, преодолевая различные препятствия. По нашему мнению, воля к ценностям является составляющей лидерского потенциала руководителя. Такой потенциал представляет собой совокупность характеристик субъекта, необходимых для выполнения им лидерских функций.

Анализ различных исследований в области управления позволил нам выделить следующие составляющие лидерского потенциала: ценности, способности, личностные особенности и деловые качества, знания, умения и навыки. Ценности лидера и его воля к таким ценностям составляют аксиологические основания лидерского потенциала. Положительную или отрицательную модальность такого по-

тенциала определяет модальность ценностей лидера. Направленность и сила его воли являются результатом воспитания, социального опыта, компетенций и собственных усилий лидера.

В идеале воля к положительным ценностям должна пронизывать все действия руководителя-лидера. Управленческое решение является верным и правильным, если оно согласовывается с набором положительных этических стандартов и правил поведения, которых придерживается руководитель [1, с. 115]. В связи с этим необходимо заметить, что у любого человека, а у руководителя социальной организации особенно, всегда есть соблазн отказаться от таких стандартов и правил поведения в случае, когда следование им начинает доставлять неудобства или становится невыгодным.

Классический подход к лидерству определяет, что лидер – это особый человек, который принимает значимые для функционирования и развития социальной организации решения, вдохновляя своим примером работников на выполнение этих решений. В современной социальной организации, которая характеризуется как высокодинамичная и самообучающаяся, роль лидера существенно отличается от роли вождя-харизматика. Лидер такой организации является проектировщиком её функционирования и развития, наставником для работников [2, с. 78]. Он должен быть ориентирован на социальное служение в широком смысле, что невозможно без признания руководителем высших ценностей управления – человека и общества, без опоры в его деятельности на процессуальные ценности свободы, доверия и активности.

Роль лидера современной социальной организации требует от него умения формировать видение будущего своей организации, способности выявлять и опровергать препятствующие её развитию стереотипы, высокого уровня развитости коммуникативной, конфликтологической и андрагогической компетентностей. Последнее предполагает ответственность лидера за создание в социальной организации среды, делающей её самообучающейся.

Для руководителя самообучающейся организации важно признавать ценность творчества, что позволяет воплотить на практике принцип творческого напряжения [5, р. 30]. Творческое напряжение порождается осознанием руководителем, высококвалифицированными и высокомотивированными работниками разрыва между образом будущего социальной организации (идеалом состояния социальной организации) и реальностью, который необходимо так или иначе преодолеть.

Профессионализм руководителя-лидера и его управленческой команды заключается в использовании генерируемой творческим напряжением энергии на развитие социальной организации от реальной ситуации к идеалу. При этом следует помнить, что без осознания идеального состояния организации творческое напряжение не может возникнуть. Оно не рождается только лишь из неудовлетворенности реальностью, которая является следствием анализа происходящего в социальной организации и вокруг неё. Осознание реальности – это первый шаг к возникновению мотивации к проведению организационных изменений [3, с. 23]. Лидеру важно добить-

ся, чтобы у работников возникло такое понимание предлагаемого им образа будущего своей организации, которое представлялось бы работающим более значимым, чем настоящее. Безусловно, в ходе этой весьма трудной деятельности лидер должен использовать все имеющиеся в его арсенале стимулы, различные стили лидерства и формы власти. Очевидно, что процесс согласования идеального состояния (видения будущего) социальной организации между всеми участниками происходящих в ней производственных отношений, достаточно подробно описанный в научной и методической литературе по управлению, предполагает коррекцию первоначального идеала, предложенного лидером и его управленческой командой.

Невозможна и обратная ситуация – творческое напряжение не возникает при наличии только идеала будущего социальной организации, без адекватного реальности понимания её текущего состояния. Наличие идеала без его привязки к реальной ситуации свидетельствует скорее о цинизме лидера, нежели о признании им ценностей развития и творчества.

Реализация принципа творческого напряжения выступает одним из аспектов воли лидера к положительным ценностям. Этот принцип следует отличать от принципа ориентации руководителя на решение проблем, который лежит в основе так называемого ручного режима управления. В этом случае необходимая для изменений энергия возникает из желания избежать негативных влияний реальности. Возникшие перед социальной организацией проблемы, достигая угрожающего характера, побуждают руково-

дителей и работников к активности, которая ослабевает, как только иницировавшая её проблема разрешается или теряет свою остроту [4, с. 187]. Ориентируясь на принцип решения проблем, руководитель-лидер поддерживает механизм внешней отрицательной мотивации, базирующейся на ценности избегания возможных негативных последствий для субъектов. В то же время перемены, порожденные творческим напряжением, мотивированы системой внутренней мотивации руководителей и работников.

Понимание предназначения признающего высшие ценности управления руководителя-лидера как служения человеку и обществу ставит вопрос о его социальной ответственности. В настоящее время не существует единого понятия социальной ответственности. Она понимается как концепция юридической ответственности, социально ответственное поведение в этическом смысле, казуальная «ответственность за», социальная сознательность. Мы рассматриваем её как основанные на общественном доверии обязанности социальных организаций и их руководителей перед человеком и обществом.

Исходя из такого определения, необходимо прежде всего анализировать социальную значимость принимаемых руководителями-лидерами управленческих решений. Для этого следует определить социальные группы, на которые эти решения оказывают непосредственное влияние, и рассматривать принимаемые решения с точки зрения их представителей.

Идентификация и анализ требований заинтересованных в деятельности социальной организации социальных

групп позволяют внести позитивные изменения в процесс принятия решений руководителем-лидером. К таким заинтересованным социальным группам чаще всего относятся акционеры, потребители производимых организацией товаров и услуг, её работники и разнообразные деловые партнеры, местные сообщества, общество в целом. Кроме того, к заинтересованным или незаинтересованным в деятельности социальной организации субъектам следует отнести окружающую среду и будущие поколения населения.

Далее необходимо выяснить, что содержится в заинтересованности каждой из перечисленных выше групп в социально ответственном поведении руководителя-лидера. Так, принято считать, что основной интерес собственников социальной организации заключается в максимизации акционерной стоимости. И действительно, оценка действий руководителей в краткосрочный период, как правило, не предполагает анализа их социальных последствий. Однако при рассмотрении перспектив организации собственникам необходимо учесть влияние социально ответственного управления на показатели прибыли в долгосрочной перспективе, которые во многом зависят от её репутации.

Потребители ожидают от социальных организаций качественных товаров и услуг, а в случае, когда такие организации не предназначены для их предоставления (например, социальные организации силовых структур), – качественного выполнения служебных обязанностей. Отношения между отдельными потребителями и организацией, а значит и её руководителями, обычно основываются на неявных, не

оформленных официально условиях, таких как качество, сроки службы, уровень безопасности продукции и услуг и др.

Проведённый нами анализ показывает, что нет четких границ интересов различных социальных групп по отношению к деятельности социальных организаций. Максимально возможный учёт их интересов позволяет той или иной социальной организации получить конкурентные преимущества, так как предпринимаемые её руководителями-лидерами меры будут способствовать повышению репутации организации, степени лояльности к ней потребителей производимых ею товаров и услуг, различных партнеров. Социально ответственное поведение организации и её руководителей убеждает их и от потенциальных конфликтов с обществом и государством, а также от издержек, выражающихся в негативных воздействиях на репутацию и объёмы деловой активности социальной организации и её руководства, вплоть до прекращения их деятельности. Вместе с тем, придерживаясь социально ответственного поведения, руководители организации получают заметные преимущества. Их деятельность постоянно освещается в средствах массовой информации, потребители проявляют высокую лояльность к предлагаемым организацией товарам и услугам даже при отсутствии рекламы, что соответствует долгосрочным интересам самих организаций. Очевидно, что подход руководителей таких организаций к практике социально ответственной деятельности правомерно охарактеризовать как стратегический. Кроме того, выполнение организацией различных

социальных обязательств может послужить и дополнительным мотивом к труду для её сотрудников, способствовать формированию и поддержанию их гордости за принадлежность к данной социальной организации.

Социально ответственное поведение руководителя-лидера предполагает его поддержку подчиненным, оказавшимся в т. н. состоянии экзистенциального вакуума. Оно характеризуется потерей работником смыслообразующих ценностей, прежде всего ценностей трудовой деятельности. Такое состояние достаточно распространено в настоящее время, поскольку традиционные ценности перестают быть важными для людей, и попавшим в экзистенциальный вакуум становится непонятно, для чего им жить и работать, что часто ведёт к неврозам.

Формой проявления экзистенциального вакуума является скука, которая нередко выступает как следствие неосознанного признания работником ценности пассивности, приводящей к бегству от реальности. Оно порождает пристрастие человека к различным вредным привычкам и даже суициду, его ориентацию на демонстрацию асоциального поведения. Ещё одной формой экзистенциального вакуума является профессиональное выгорание, представляющее собой совокупность негативных психических переживаний, связанных с профессиональной деятельностью. Профессиональное выгорание приводит к развитию у работника чувства собственной бесполезности для социальной организации, эмоционального и физического истощения. Эффективность и результативность его трудовой деятельности, которые перестают быть для про-

фессионально выгоревшего работника ценностью, резко снижаются.

Поиск смысла труда, выражающийся в деятельности по мотивации трудового поведения, составляет содержание профилактики экзистенциального вакуума. Более сложная и тонкая работа необходима при организации поддержки тех работников, которые уже находятся в состоянии экзистенциального вакуума. Она предполагает комплексное влияние на них со стороны психологов, коллег по работе, различных социальных служб организации, которое координируется руководителем-лидером. При этом перед началом данной деятельности руководитель решает дилемму: идти на затраты ресурсов для выведения из состояния экзистенциального вакуума работника или найти способ расстаться с таким работником. Решение этой дилеммы носит аксиологический характер и связано, с одной стороны, с особенностями ориентации руководителя на высшие ценности управленческой деятельности, а с другой стороны – с оценкой ценности конкретного работника как ресурса для социальной организации и ресурсов, затрачиваемых на его реабилитацию.

Воля к положительным ценностям опирается на потенциал влияния руководителя, который формируется благодаря обладанию им властью, имеющей как организационные, так и личностные источники. Она имеет несколько форм, о которых речь велась выше и которые могут использоваться руководителем как отдельно, так и в сочетании друг с другом. Та или иная комбинация используемых форм власти детерминирована различными факторами, ведущим из которых вы-

ступают ценностные ориентации руководителя.

Компетентность руководителя-лидера в использовании власти является основой для формирования интегрального управленческого образования – авторитета. Он выступает обобщенным проявлением властных полномочий и личностных качеств руководителя-лидера, продуктом его длительного взаимодействия с подчинёнными.

Однако власть – это феномен двусторонний. Ею обладают как руководитель, так и его подчинённые, от которых он в той или иной мере зависит. В каждой конкретной ситуации между властью руководителя и властью работников складывается пропорция – баланс властей. Он определяет уровень зависимости руководителя от его подчинённых и подчинённых от руководителя. Руководитель-лидер, для которого представляет ценность зависимость от него работников, рискует вызвать у подчинённых желание продемонстрировать свою собственную власть, что может иметь негативные последствия как для него самого, так и для руководимой им социальной организации.

Поэтому ориентированный на положительные ценности-цели управления и процессуальные ценности активности и свободы рационально действующий руководитель-лидер будет поддерживать разумный баланс властей. Применяемая им власть должна быть необходимой и достаточной для достижения целей социальной организации и не вызывать при этом у работников ощущения манипуляции, что достигается ориентацией на отмеченные выше положительные ценности.

Подводя итог сказанному, следует констатировать, что ценности лидера и его воля к таким ценностям составляют аксиологические основания лидерского потенциала. Аксиологической целью руководителя-лидера является реализация в своей практике и практике деятельности руководимой им социальной организации положительных ценностей. Эта цель предопределяет задачу познания им системы положительных ценностей управления, а также задачу формирования и развития личного лидерского потенциала, позволяющего реализовать эти ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Песоцкий В.А., Чутунов В.М. Философско-методологические и политологические аспекты управленческой деятельности современного руководителя. М.: Информационно-издательское управление Московского государственного областного университета, 2016. 254 с.
2. Сенге П. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации / пер. с англ. Б. Пинскеро. М.: Олимп-Бизнес, 1999. 408 с.
3. Фрайлингер К. Управление изменениями в организации. М.: Книгописная палата, 2002. 264 с.
4. Шекшня С.В. Управление персоналом современной организации: учебно-практич. пособие. М.: Бизнес-школа «Интел-синтез», 2006. 300 с.
5. Hartman R.S. Formal Axiology and the measurement of values // Value Theory in philosophy and Social science, ed. E. Laszlo S. Hilbur. Gordon and Breach, Philadelphia: Science Publishers, 1973. P. 27–39.

REFERENCES

1. Pesotskii V.A., Chugunov V.M. *Filosofsko-metodologicheskie i politologicheskie aspekty upravlencheskoi deyatel'nosti sovremennogo rukovoditelya* [Philosophical, Methodological and Political Aspects of Contemporary Leader's Management Activities]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2016. 254 p.
2. Senge P. *Pyataya distsiplina: iskusstvo i praktika samoobuchayushcheysya organizatsii* [The Fifth Discipline: the Art and Practice of Self-learning Organization]. Moscow, Olimp-Biznes Publ., 1999. 408 p.
3. Freilinger C., Fisher J. *Upravlenie izmeneniyami v organizatsii*. K. Frailinger, I. Fisher [Managing Changes in the Company. C. Freilinger, I. Fischer]. Moscow, Knigopisnaya palata Publ., 2002. 264 p.
4. Shekshnya S.V. *Upravlenie personalom sovremennoi organizatsii* [Personnel Management of Modern Organizations]. Moscow, Biznes-shkola «Intel-sintez» Publ., 2006. 300 p.
5. Hartman R.S. Formal Axiology and the measurement of values. In: *Value Theory in Philosophy and Social Science*. Gordon and Breach, 1973, Philadelphia: Science Publishers, pp. 27–39.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бакурадзе Андрей Бондович – доктор философских наук, доцент, начальник отдела исследований Московского государственного областного университета;
e-mail: bondovich@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey B. Bakuradze – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Research and Development Department at Moscow Region State University;
e-mail: bondovich@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бакурадзе А.Б. Аксиологические основания реализации лидерского потенциала руководителя социальной организации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 23-30.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-23-30

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Bakuradze A.B. Axiological Bases of Social Leader's Potential Implementation. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 2, pp. 23-30.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-23-30

УДК 141,7

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-31-38

ПАТРИОТИЗМ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Горячев А.И.*Военный университет Министерства обороны РФ**123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются сущность и содержание феномена патриотизма в современном российском обществе. Основное внимание уделяется анализу многообразных трактовок патриотизма, представленных в духовном пространстве современной России. Показано, что во все времена в обеспечении могущества и безопасности России существенную роль играла патриотическая идея. Обосновывается необходимость формирования нового патриотического единства как крайне актуальная проблема, без успешного решения которой не создать подлинно суверенную Россию.

Ключевые слова: духовный кризис, кризис идентичности, отечество, общественное сознание, патриотизм, патриотическое сознание, патриотическое единство, патриотическое воспитание, либерализм, национальная идея.

PATRIOTISM AS A PHENOMENON OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

A. Goryachev*The Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation**14, Bolshaya Sadovaya st., Moscow, 123001, Russian Federation*

Abstract. The article describes the nature and content of the phenomenon of patriotism in contemporary Russian society. It focuses on the analysis of diverse interpretations of patriotism existing in the spiritual space of modern Russia. It is shown that the patriotic idea has always played a significant role in providing power and security in Russia. The author argues the necessity of forming a new patriotic unity without which a truly sovereign Russia may not be possible.

Keywords: spiritual crisis, identity crisis, motherland, social consciousness, patriotism, patriotic consciousness, patriotic unity, patriotic education, liberalism, national idea.

В последнее десятилетие в России патриотизм стал одной из самых дискуссионных тем, широко обсуждаемых в различных сферах российского общества. Разброс мнений достаточно велик: от дискредитации патриотизма как маргинального явления с фашистским и расистским уклоном до призывов первых лиц государства к единению российского народа на основе интеграционного потенциала патриотизма, принятия уже четвертой по счёту Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», а также «Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации», в

которой патриотизм определяется как «любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите».

Но, несмотря на то, что вышеперечисленные официальные документы вполне определенно трактуют понятие патриотизма и его роль на современном этапе развития российской государственности, в общественном сознании отношение к этому понятию далеко от однозначного.

Любовь к Родине, с одной стороны, простое и понятное, а с другой стороны – сложное и многосоставное чувство. Разные люди любят Отечество по-разному, а некоторым эта любовь не свойственна вовсе. Если попытаться выделить разновидности патриотизма, то можно говорить:

- об официальном государственном патриотизме как о некоей декларируемой властью идеологии;
- о территориальном патриотизме («почва») и чисто национальном самоощущении («кровь»);
- о патриотизме этническом и патриотизме гражданском;
- о просвещённом патриотизме, основанном на знании истории и национальной культуры и предполагающем терпимое отношение к другим народам и странам, и об узком, неграмотном, шовинистическом убеждении в превосходстве своей страны;
- о безоговорочном патриотизме, построенном на убеждении, что в моей стране всё хорошо и она всегда права, и о критическом патриотизме, при котором видятся недостатки своей страны и который стремится их исправить, а в каких-то случаях способен заявить: моя страна неправа [4].

Патриотизм как явление общественной жизни имеет множество аспектов: духовных, психологических, нравственных, исторических, политических, национальных. В принципе, этих оттенков и разновидностей столько, сколько людей, и если вспомнить о богатстве человеческого материала и психотипов в России, то можно сказать: да, мы богаты патриотическим разнообразием, и пусть расцветают сотни цветов патриотизма.

Приведённые подходы позволяют выделить следующие аспекты феномена патриотизма: привязанность к тем местам, где человек родился и вырос; уважительное отношение к языку своего народа; заботу об интересах Родины; сохранение преданности Родине; гордость за социальные и культурные достижения страны; отстаивание чести и достоинства, свободы и независимости страны; уважительное отношение к её историческому прошлому, обычаям и традициям народа; стремление посвящать свой труд укреплению и развитию Родины. Во всех своих вариациях патриотизм, безусловно, позитивное явление, оказывающее благотворное воздействие на личность, общество и государство. Об этом в своё время писал М.Е. Салтыков-Щедрин: «Идея Отечества одинаково для всех плодотворна. Честным она внушает мысль о подвиге, бесчестных предостерегает от множества гнусностей, которые без неё, несомненно, были бы совершены» [7, с. 97].

Вместе с тем в российском обществе всё ещё существуют и резко отрицательные мнения о патриотизме. Вот что пишет, например, некий С.А. Галкин в своей книге «Воспитание. Личность. Общество»: «...Па-

триотизм – предтеча фашизма. <...> Патриотизм – это фашизм. Меж ними нет принципиальных различий <...> Патриотизм – религия смерти. У патриотов земля – тотем, которому приносят человеческие жертвоприношения» [2, с. 66]. К сожалению, несмотря на все усилия государства по пропаганде патриотизма как исключительно положительного явления, подобные высказывания до сих пор весьма распространены в среде либеральной интеллигенции.

На первый взгляд, такого рода суждения для современного российского общества неактуальны, представляя собой частное мнение, а значит, и не опасны. Тем более, что в последнее время в России наблюдается явный всплеск патриотизма. С возвращением Крыма, на фоне успешной военной операции в Сирии, поддержки Донбасса любовь к Родине перестала быть смешной. Можно открыто говорить о своих патриотических чувствах и не бояться обструкции. Более того, не любить Родину или же любить, желая ей всяческих поражений, как это делают многие небезызвестные деятели, стало немодным. Говоря современным языком, патриотизм сегодня в тренде. Нынешняя российская власть глубоко патриотична, подавляющее большинство населения её в этом поддерживает. Патриотами провозгласили себя даже многие либералы. Казалось бы, налицо полная идиллия и гармония. Но так ли это на самом деле?

Действительно, события последних лет показали, что, несмотря на двадцатилетнее игнорирование темы патриотизма в России и его поношение либеральной прессой, патриотические чувства у российской нации отнюдь не

испарились: они живы и очень востребованы.

Возрождение, связанное с Русской Весной и возвращением Крыма, вселило в сердца миллионов людей надежду на то, что «наука побеждать» ещё не окончательно забыта нашим народом. С этой точки зрения патриотизм – это меч русской победы, который последние четверть века ржавел на складе нашей Истории. Ржавчину с этого меча стряхнула Крымская весна. Правда, есть мнение, что спасение страны нужно начинать не с патриотических деклараций, а с экономического обустройства жизни. Однако писатель-патриот Валентин Распутин незадолго до смерти сказал, что именно с патриотизма нужно начинать строительство страны, поскольку за ним стоит очень многое: и совесть, и долг, и истина, и добро, и вера, и личность, и гражданин, и многое другое: «Патриотизм – вот слово, которое представляется мне всеобъемлющим и если не спасительным, то в огромном клубке наших нравственных и духовных проблем тем узлом, который легче всего поддается распутыванию» [6, с. 118].

Распутин прав в том, что по настоящему обустроить Россию могут только люди патриотического мировоззрения. Казалось бы, таких людей в современной России большинство, и, будучи сплоченными идеями патриотизма, они способны решить любую проблему, в считанные годы возродить экономический и духовный потенциал страны, вернуть её в число великих держав.

Между тем главный факт нынешней ситуации в обществе состоит в том, что, несмотря на безусловно мощный потенциал патриотических настрое-

ний, его фактическая продуктивность, способность радикально изменить страну близка к нулю. Обществу и власти хронически не удаётся преобразовать этот потенциал в реальное дело национального возрождения.

В чём причины этого прискорбного явления?

В первую очередь из означенного факта, даже не углубляясь в специфику конкретных процессов, можно сделать заключение, что энергетика патриотизма где-то теряется. И происходит это, на наш взгляд, по двум основным направлениям: во-первых, на поддержание различных идеологических иллюзий патриотизма, во множестве владеющих общественным сознанием ещё со времен «перестройки»; во-вторых, на взаимную аннигиляцию патриотической энергии при взаимно исключающих идеологических позициях патриотических субъектов.

В целом, можно констатировать наличие значительного числа разнонаправленных мнений по вопросам патриотизма, отсутствие в обществе единого понимания патриотического воспитания, а также недостаточную системность и чёткость государственной политики в этой сфере. В общественном сознании катастрофически отсутствует стабильная идеологическая форма, способная аккумулировать патриотическую энергию общества для реализации значимого политического действия.

Патриотизм при всей его исключительной важности сам по себе не может стать движущей силой развития общества. Он становится таковым, будучи встроенным в национальную идею. Важно не просто любить Отечество, необходимо понимать, какую

Родину любит человек, какой он хочет её видеть. Об этом хорошо сказал Е.Н. Трубецкой: «Особенность русского патриотизма заключается в том, что он никогда не воодушевляется идеей родины как такой, служением русскому как такому. Чтобы отдаться чувству любви к родине, нам нужно знать, чему она служит, какое дело она делает. И нам нужно верить в святость этого дела, нам нужно сознавать его правоту. Нам нужна цель, которая бы поднимала наше народное дело над национальным эгоизмом» [8, с. 351].

«Мир меняется, но запросы на духовно-ценностные ориентиры в странстве социально-политического бытия у людей остаются. Эти запросы и есть первопричина идеологий» [5, с. 66]. Именно идеологический аспект патриотизма является сегодня той важнейшей сферой национального самосознания, где в предельно обнажённом виде сосредоточены главные противоречия развития страны. Именно в этой области находятся истоки нынешней смуты, и именно здесь (в идеологическом контексте) может быть разрешена проблема эффективности патриотизма как главного условия национального возрождения. Пока патриотический лагерь идеологически разрознён, пока он не видит общего смысла в национальном будущем, никакие патриотические декларации не способны восстановить тот базовый плацдарм подлинной государственности, которым является национальная идеология. Выработка этой единой государственно-патриотической идеологии на кризисном рубеже российской истории и есть первоочередная задача патриотического самосознания.

Это тем более необходимо, что за

фасадом официального патриотизма уютно устроилась антагонистичная ему по своей природе идеология либерализма. Несмотря на единодушный отказ в доверии этой идеологии со стороны общества (на прошлых и последних парламентских выборах), именно она фактически продолжает определять всю реальную политику нынешнего правительства: в экономике, социальной политике и культуре.

Этот парадокс предельно наглядно отражает циничную специфику нынешнего этапа социально-экономических реформ, осуществляемых под надёжной «крышей» патриотизма. Вся так называемая вертикаль власти, на которую так любят уповать наши новоиспечённые патриоты, служит лишь закреплению, развитию и удержанию тех рубежей и направлений либеральной модернизации России, которые были намечены реформаторами в 90-е гг.

Главным фактором, мешающим воплощению патриотизма в реальные дела и поступки, является равнодушие элиты, глубинный, ныне чаще всего скрываемый, непатриотизм и всепоглощающая любовь к Западу словно вирус, проникающий в иммунную систему всех слоёв населения и растлевающий его дух. Ещё недавно многие правительственные чиновники и депутаты имели двойное гражданство, недвижимость за границей, детей и жён, живущих в Европе и США, и с удовольствием проводили летний отдых на Лазурном берегу, а зимний – в Куршевеле.

Сегодня обстоятельства заставляют их мимикрировать, отказываться от второго гражданства, продавать имущество, приобретённое на Западе, пу-

блично произносить патриотические речовки, но насколько искренен их сегодняшний патриотизм? Где сокровище ваше, там и сердце ваше. Если в дореволюционное время царское правительство было «главным европейцем в стране», то сегодня оно в своём большинстве – «главный американец». К чему это приводит? К политике равнодушного и негативного отношения к человеку со стороны государства, выражающейся в стремительном росте бедности и нищеты и увеличении разрыва между стремительно беднеющими и стремительно богатеющими слоями населения.

Под прикрытием патриотизма можно годами и десятилетиями беззащитно почивать на лаврах на хорошей административной должности и спокойно обворовывать свой народ. Уже упоминавшийся русский писатель и вице-губернатор двух российских губерний М.Е. Салтыков-Щедрин даже такую закономерность выявил: чем больше патриотов в чиновных кабинетах – тем выше и изощрённее уровень воровства. Всем известны приписываемые М.Е. Салтыкову-Щедрину слова: «На патриотизм напирать стали, видать, проворовались».

По-прежнему главным объектом недооценки и критического отношения является русский народ, лучшие государственнические инстинкты которого объявляются проявлением рабской психологии. Неверие в Россию проявляется и в виде запрета на поиски самостоятельного пути, который постоянно звучит в высказываниях либералов, ухитряющихся сегодня заявлять, что они тоже патриоты. Не о них ли говорил в своё время Достоевский: «Тот патриотизм, который в са-

мостоятельность русского развития не верит, может быть искренний, но, во всяком случае, смешной патриотизм» [3, с. 337]?

Немалое число политиков и публичных личностей в России занимают очень гибкую позицию. С одной стороны, они поддерживают официальный российский курс, а с другой стороны, аккуратно обходят опасные места (принадлежность Крыма или отношение к событиям в Донбассе), как бы оставляя для себя возможность при смене политической команды продемонстрировать свою либеральную ориентацию. А некоторые высокие госслужащие, сочетающие свою работу с бизнесом, даже позволяют себе говорить, что Крым – это часть Украины. Потому нельзя однозначно сказать, что патриотизм остаётся до конца выгодным предприятием.

Сохранится ли у нас тренд патриотизма долгоиграющим? Если посмотреть в глубину проблемы, то эта тенденция неустойчива, и никто не может сказать со стопроцентной убежденностью, что сегодняшний курс России с жесткой антизападной риторикой сохранится на долгие годы.

Сегодня большинство экспертов утверждают, что ресурс мощного патриотического подъёма, охватившего страну в марте 2014 г., в значительной степени растрочен. Настроение людей при дальнейшем ухудшении уровня жизни и полном идеологическом вакууме рискует от восторгов качнуться в иную, негативную сторону. Причём мы сейчас находимся в такой фазе истории, которую можно назвать манипулятивной, когда настроение масс может смениться на прямо противоположное достаточно быстро. К со-

жалению, патриотические симпатии не всегда устойчивы. Сто лет назад, в далёком августе 1914 г. рейтинг Николая II зашкаливал. Но уже через три года совокупность ошибок, сделанных последним русским императором, настолько достала все слои населения, что страна практически не заметила царского отречения.

Роль и значение патриотизма возрастают, когда развитие общества сопровождается повышением напряжения сил его граждан (война, конфликты, обострение кризисных явлений, дестабилизация жизни в стране и т. п.). Такой этап общенационального испытания переживает нынешнее российское общество. Возникла обострённая необходимость в его возрождении, выздоровлении и нормальном развитии.

Сегодня Россия оказалась в ситуации предвоенного характера, когда практически со всех сторон на неё надвигаются серьезные угрозы и опасности. В этих обстоятельствах запрос на патриотизм существенно вырос, да и народ его требует всё больше. Ведь то, что на кону судьба Отечества, – реально.

Ожидает ли нас горячая или затяжная «Холодная война», её не выиграть без патриотизма. В своё время это очень хорошо понимал Сталин, постепенно заменивший ценности пролетарского интернационализма и мировой революции на любовь к социалистическому Отечеству. Он понимал, что патриотизм опирается на архетипические ценности, и потому реставрировал многое из дореволюционной России, включая обычаи, традиции, литературу, военную форму, институт патриаршества и т. п. В частности, «реальная действитель-

ность заставила И. Сталина, руководство ВКП(б) осуществить пересмотр своей религиозной политики, перейти к диалогу во имя единства верующих и атеистов в борьбе с общим врагом государства» [1, с. 70]. В результате мы подошли к войне, несколько не успев осуществить перевооружение армии, но зато сумев духовно мобилизовать население, которое было стопроцентно готово к войне идеологически, психологически и морально.

Таким образом, с точки зрения стратегической выгоды патриотизм не просто некая нравственная категория, но условие выживания, выгодное для любого жителя России, связывающего с ней своё будущее. Поэтому именно сейчас идея патриотизма может и должна быть тем стержнем, вокруг которого формируются готовность и способность граждан к активным действиям на благо Отечества, в том числе и для его вооруженной защиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков Б.Л., Коннов А.Д., св. Алексей Яковлев. Православные корни российской государственности (философско-акмеологический взгляд на проблему) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 2. С. 68–78.
2. Галкин С.А. Воспитание. Личность. Общество. Дубна: Феникс, 2006. 144 с.
3. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 11. СПб.: Наука, 1993. 571 с.
4. Лутовинов В.И. Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления [Электронный ресурс] // Киберленинка: научная электронная библиотека URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-rossiyskiy-patriotizm-suschnost-osobennosti-osnovnye-napravleniya> (дата обращения: 31.03.2017).
5. Равочкин Н.Н. Проблема восприятия идеологии как типа духовного освоения действительности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 1. С. 61–67.
6. Распутин В. Время и бремя тревог. М.: Литрес, 2017. 290 с.
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. Т. 13. М.: Художественная литература, 1965. 798 с.
8. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Книжный клуб КниговеК, 2015. 544 с.

REFERENCES

1. Belyakov B.L., Konnov A.D., the Reverend Alexei Yakovlev. Orthodox roots of Russian statehood (philosophical-acmeological approach to the problem). In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 2, pp. 68–78.
2. Galkin S.A. *Vospitanie. Lichnost'. Obshchestvo* [Education. Personality. Society]. Dubna, Feniks Publ., 2006. 144 p.
3. Dostoevskii F.M. *Sobranie sochinenii. T. 11* [Collected works. Vol. 11]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 571 p.
4. Lutovinov V.I. Modern Russian patriotism: the nature, characteristics. In: *Kiberleninka: nauchnaya elektronnoy biblioteka* [Cyberleninka: Scientific Digital Library]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-rossiyskiy-patriotizm-suschnost-osobennosti-osnovnye-napravleniya> (accessed 31.03.2017).
5. Ravochkin N.N. The problem of perception of ideology as a type of spiritual assimilation of the reality. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosof-*

- skie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2015, no. 1, pp. 61–67.
6. Rasputin V. *Vremya i bremya trevog* [Time and Burden of Concerns]. Moscow, Litres Publ., 2017. 290 p.
7. Saltykov-Shchedrin M.E. *T. 13* [Coll. works. Vol. 13]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965. 798 p.
8. Trubetskoi E.N. *Smysl zhizni* [The Sense of Life]. Moscow, Knizhnyi klub KnigoveK Publ., 2015. 544 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горячев Анатолий Иванович – кандидат философских наук, профессор, доцент кафедры философии и религиоведения Военного университета Министерства обороны РФ;
e-mail: Angor1947@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoliy I. Goryachev – PhD of Philosophy, Professor, Associate Professor at the Department of Philosophy and Religious studies at Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation;
e-mail: Angor1947@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горячев А.И. Патриотизм как феномен современного российского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 31-38.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-31-38

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Goryachev A.I. Patriotism as a Phenomenon of Modern Russian Society. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 2, pp. 31-38.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-31-38

УДК 316.776.4

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-39-47

ФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Кафтан В.В.*Финансовый университет при Правительстве РФ**125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49, Российская Федерация*

Аннотация. В статье раскрываются основные философские позиции концепта «информационное общество», которые могут выступать в роли его парадигм. Проводится анализ предпосылок и признаков развития информационного общества. Особое внимание уделяется выявлению вызовов и угроз информационного общества, различным аспектам социальной действительности. Указывается, что современный этап развития информационного общества характеризуется «властью коммуникаций» и становлением общества знаний.

Ключевые слова: информационное общество, информационные технологии, Галактика Гутенберга, номадология, цифровое неравенство, гиперреальность, симулякр, символический капитал.

THE PHILOSOPHY OF MODERN INFORMATION SOCIETY

V. Kaftan*Financial University under the Government of the Russian Federation**49, Leningradskiy ave., Moscow, 125993, Russian Federation*

Abstract. The article reveals the basic philosophical aspects of the concept of “information society” which can act as its paradigm. The premises, signs of the information society development are analyzed. Particular attention is paid to the identification of threats and challenges of the information society to various aspects of social reality. It is stated that the current stage of the information society development is characterized by “the power of communication” and the emergence of a knowledge society.

Keywords: information society, information technologies, the Gutenberg Galaxy, nomadology, digital divide, hyper-reality, simulacrum, symbolic capital.

Бурное развитие средств массовой коммуникации, в особенности визуальных, создание и широкое распространение персональных компьютеров, построение информационных связей глобального характера, разработка новейших технологий социальных сетей, виртуальной реальности коренным образом меняют социальное бытие человека и требуют осмысления информационного общества в рамках философского знания.

Классическое определение общества состоит в том, что это «особая надприродная реальность, включающая человека, целесообразную деятельность людей,

её результаты и складывающиеся между ними отношения» [20, с. 390], связанные с производством и потреблением материальных и духовных благ.

Однако значительные изменения в современном социуме вызывают необходимость уточнения этого определения в рамках концепта «информационное общество».

Понятие «*информационное общество*» появляется в начале 60-х гг. почти одновременно в Японии и США как попытка выявить новую роль знания в прогрессе человечества. В научный оборот оно было введено Ю. Хаяши, Т. Умесао и Ф. Махлупом. В качестве самостоятельной сферы, наряду с экономической, политической, социальной и духовной, в их трудах выделяется особая информационная сфера, развитие которой определяется ростом числа информационных взаимодействий и усилением потока данных. Она начинает рассматриваться как доминирующая и определяющая все аспекты жизни общества.

К предпосылкам возникновения информационного общества следует отнести: ресурсные, технологические, информационно-коммуникативные. Рассмотрим их более детально.

Ресурсные предпосылки. Д. Белл полагал, что ранее жизнь общества основывалась на трудоёмкой и капиталоемкой деятельности по добычанию и обработке ресурсов: в прединдустриальную эпоху главным производственным ресурсом считалось *сырьё*, а в индустриальную эпоху – *энергия*. В информационную эпоху хозяйственная деятельность человека в основном связана с *разработкой информации*.

Технологические предпосылки. Согласно мысли М. Маклюэна, тип обще-

ства определяется господствующим в нём типом коммуникации, а человеческое восприятие – скоростью передачи информации. Фонетический алфавит и печатное слово взорвали племенной мир и превратили его в книжную «*галактику Гутенберга*» (по имени немецкого купца – изобретателя книгопечатания И. Гутенберга), «открытое» общество, культурным символом которого выступал книгопечатание и печатное слово; с помощью этих знаково-символических фрагментов человек, опираясь на свой разум, выстраивал реальную действительность [16].

Начиная с 60-х гг. XX в., на первый план выходят визуально- и аудиально-образные технологии: телевидение, кино, радио («*электрическая галактика*»), – которые меняют сам способ восприятия, человек получает теперь готовые образы, создаваемые другими.

С конца XX в. происходит становление «*галактики Интернета*», вхождение в обиход электронных средств массовой коммуникации, что привело к принципиально новой форме передачи данных, созданию нелинейных, многомерных форм текста – гипертекста, который помогает с помощью гиперссылок мгновенно перемещаться из одного пространства текста в совершенно иное.

«Галактика Гутенберга» имеет свои чёткие границы и территории подобно оседлым народам, постгутенберговская вселенная описывается Ж. Делезом и Ф. Гваттари как «*номадология*» – степь, по которой перемещаются в произвольных направлениях кочевники-номады, реализуя тем самым гипертекстовую сеть, создающую эффект интертекстуальности: децентрирован-

ность, «Смерть Автора», бесконечное цитирование созданных в разное время и в разных странах отрывков текстов.

Информационно-коммуникативные предпосылки. Ю. Хабермас считал, что ведущую роль в развитии общества играют средства массовой информации. «СМИ могут быть окном в мир, расширяющим наше видение и позволяющим нам лицезреть происходящее собственными глазами, без постороннего вмешательства или предвзятости» [1, с. 65]. Но всё чаще их называют *интерпретатором реальности*, с различной степенью объективности объясняющим и растолковывающим разрозненные и непонятные события, происходящие в современном мире, а также *ширмой, барьером*, скрывающим правду в целях пропаганды или увода от этой самой реальности.

Информационное общество крайне противоречиво по отношению к человеку: с одной стороны, оно позволяет получить больше сведений, больше знаний о любых вещах и процессах, однако, с другой, как предостерегал С. Лем [15, с. 41], избыток информации может стать опасным для сознания, и тогда она трансформируется в *эксформацию*¹, разрушающую само пространство общения и социального взаимодействия.

Как отмечал Ж. Бодрийяр, сегодня массам преподносят смысл, а они жаждут зрелища. «Массы – это те, кто ослеплён игрой символов и порабощён стереотипами, это те, кто воспримет всё, что угодно, лишь бы это оказа-

лось зрелищным ... Бомбардируемые рассчитанными на ответную реакцию сигналами, забрасываемые посланиями, атакуемые тестовыми испытаниями массы оказываются теперь лишь непрозрачным, непроницаемым образованием...» [3, с. 14].

Рассмотрим некоторые *признаки информационного общества*, к которым следует отнести:

- увеличение роли информации и знания в жизни общества и появление фрагментарного мышления и клипового сознания;

- доминирование доли информационных коммуникаций, товаров и обслуживания и появление практически не связанной с реальным хозяйствованием виртуальной экономики;

- доступ к необходимой информации для каждого члена общества и в то же время отчуждение от наиболее необходимых данных значительной части общества;

- способность общества производить и СМИ распространять жизненно необходимую для него информацию и манипуляция общественным сознанием с помощью масс-медиа [9, с. 80];

- развитие электронной демократии, информационной экономики, электронного государства, электронного правительства, цифровых рынков, электронных социальных, хозяйствующих сетей и усиление возможностей организации виртуального насилия;

- создание глобального информационного пространства, в котором будет обеспечена эффективная информационная взаимосвязь и, возможно, утрачена ценностная идентичность.

Для выявления сущности информационного общества необходимо по-

¹ Эксформация (от лат. *ex formation* – расформирование) – намеренное удаление или искажение информации в целях манипулирования массами [13, с. 226].

казать имеющиеся его смысло-образы, которые можно воспринимать в качестве различных парадигмальных¹ подходов.

Постиндустриальная парадигма разрабатывалась американскими мыслителями Д. Беллом [2] и Э. Тоффлером [19]. Основными идеями являются их убеждения в том, что:

- новые информационные технологии стали тем же, чем механизация в эпоху индустриального общества, и выступают главным двигателем социальных изменений;

- объём технологических новаций должен привести к социальному переустройству, значительно улучшающему жизнь людей;

- появление символических аналитиков (или символических манипуляторов) – политиков, интеллектуалов, специалистов в области PR и рекламы, медиаактивистов, колумнистов и блогеров, способных эффективно воздействовать на общественное мнение и даже осуществлять власть над коммуникациями [6, с. 119].

В *неомарксистской парадигме* Г. Шиллером утверждается, что информация и коммуникация – лишь основные составляющие нового этапа развития капиталистической формации – *технокапитализма* [21]. В отличие от классического коммунизма, товаром является не труд, а сама информация, следовательно, тот, в чьих руках она находится, и осуществляет своё господство (информация превращается в *товар*, и её получение всё

чаще будет возможно только на коммерческих основаниях; распространение информации, доступ к ней и право её создавать осуществляются на основе *классового неравенства*; характер современного капитализма определяют корпорации, которые развивают информационные технологии в интересах *частного бизнеса*, а не в интересах общества в целом).

В информационном обществе более интенсивно, чем в индустриальном обществе, происходит распадение общества на классы информационных богачей, имеющих полный доступ к базам данных, и информационных бедняков, имеющих избыток ненужной информации, трансформирующейся в «белый шум», возникает проблема «*цифрового неравенства*» [21, с. 88–90].

В рамках *синергетической парадигмы* И.Р. Пригожин формулирует мысль, что информация связана с функционированием самоорганизующихся (синергетических) систем [17]. На основе принципов самоорганизации объясняется *возникновение порядка из хаоса*, а также переход от одного уровня организации к другому. В синергетике мерой неорганизованности выступает понятие «энтропия» (от греч. *εντροπία* – превращение), а мерой организованности – понятия «негэнтропия» или «информация». Процессы возникновения упорядоченных пространственно-временных структур могут происходить спонтанно вблизи особых *точек бифуркации*, в окрестности которых поведение системы становится неустойчивым. Сложная система под влиянием самых незначительных воздействий (флуктуаций) может резко изменить своё состояние (эффект бабочки). Дальней-

¹ Парадигма (от греч. *παράδειγμα* – «пример, модель, образец») – совокупность фундаментальных научных установок, представлений и терминов, принимаемая и разделяемая научным сообществом и объединяющая большинство его членов [20, с. 412].

шее развитие коллективной памяти и знаний, рост сложности связей и взаимодействий должны привести к бифуркации, следствием которой будет возникновение нового качества – *ноосферы* информационного общества.

Постмодернистская парадигма определяет информационное общество как реконструкцию структур традиционного общества, которая приводит к децентрализованности социальных структур, разрушению иерархической системы ценностей, разрушению социальных связей. Информация создает мир гиперреальности.

Гиперреальность – это пространство ложных знаков (симулякров¹), оторванных от соответствующих им реальных объектов и событий. [18, с. 83].

Ж. Бодрийяр утверждал, что «мы производим в изобилии образы – симулякры, которые не передают никакого смысла. Большинство образов сегодня, которые доносят до нас телевидение, живопись, пластические искусства, образы аудиовизуальные или синтетические образы – все они не значат ничего <...> в мире, где доминируют искусственные модели, не делается различий между «словами» и «вещами». Человеческая жизнь становится призрачной, неаутентичной, вызывает ощущение пустоты и бессмысленности, хаоса и отсутствия гармонии, нестабильности и всеобщей дезорганизованности мира» [4].

Симулякры перестают выступать

в качестве символического отображения реального, приобретают автономный смысл и тем самым превращаются в подделки, фальсифицированные копии, не соответствующие оригиналу.

В своей *тектурной парадигме* В.А. Кутырёв заявляет, что информационное общество *поглощает естественное искусственным*, превращаясь в *тексту* (от лат. *tegere* – покрывать). Идёт процесс усиления отчуждения человека, дегуманизации общественных отношений, культивируется засыле постмодернистских ценностей. Если Ф. Ницше заявил о «Смерти Бога», то сейчас следует заявить об «умирании человека». Возникло философское направление трансгуманизма, которое под видом улучшения человеческих возможностей, «выноса разума» за пределы «бренного тела», киборгизации на самом деле формирует постчеловека. Для выживания человечества необходимо бороться с машинной экспансией, защищать сознание человека [14, с. 15].

Сетевая парадигма связана с растущим значением коммуникаций, образованных по сетевому принципу. М. Кастельс указывает на то, что прежде основу сообщества составляла привязанность человека к месту жительства и работы, сегодня – ослабление этой привязанности и переход к более слабым экстерриториальным социальным связям. Сетевое общество формирует в глобальном масштабе социальную структуру, которая характеризуется не информацией или знаниями, а изменением направления их использования, в результате чего главную роль в жизни людей обретают глобальные сетевые структуры, вытесняющие прежние формы личной и

¹ Симулякр (от лат. *simulacrum* – притворяться) – по-Бодрийяру, «копия», не имеющая оригинала в реальности, репрезентация чего-то, чего на самом деле не существует [5, с. 17–21].

вещной зависимости [12, с. 221, 222].

Власть такого рода в обществе базируется на контроле за коммуникацией и информацией, опираясь на медиа-бизнес и информационную политику государства. «Если фундаментальная битва за определение норм в обществе и применение этих норм в повседневной жизни происходят вокруг формирования человеческого сознания, то коммуникация является эпицентром этой битвы. Поскольку именно через коммуникацию человеческое сознание взаимодействует с его социальным и естественным окружением. Этот процесс коммуникации происходит в соответствии со структурой, культурой, организацией и технологией коммуникации в данном обществе» [11, с. 19].

Символическо-пространственная парадигма базируется на идеях П. Бурдьё, который, заимствуя из физики и географии пространственный принцип, понимает общество как особое социальное пространство, которое «представляет собой совокупность агентов, наделенных различными и систематически взаимосвязанными свойствами...» [7, с. 194]. Вместе с тем социальное пространство – это связи и взаимодействия, которые устанавливаются этими агентами в пределах различных социальных полей: экономического, политического, религиозного и др.

Структура такого рода полей включает в себя различные группы капитала: *экономический* (товары и деньги), *культурный* (образование и культурный уровень) и *социальный* (общественные связи). Наиболее важным является обладание *символическим* (интеллектуальным) капиталом, который может быть конвертирован в лю-

бой из других его видов, что, собственно и означает приобретение власти. Особое место в современном обществе занимают «поля журналистики» и «поля СМИ», активная деятельность которых способствует «медиатизации реальности».

Когнитивная парадигма на практике реализует лозунг Ф. Бэкона: «Знание – сила!». Сегодня именно знания, по мнению П. Друкера, становятся производительным ресурсом личности, общества, государства и человечества в целом. Они начинают превышать по масштабам многие другие традиционные ресурсы: людские, природные, материальные и даже капитал [10, с. 359–365].

К основным чертам общества знаний следует отнести:

- преобладающую роль нематериального труда;
- пересмотр категории времени как критерия измерения и стоимости труда;
- выведение труда за отведенные ему пределы «рабочего времени», он теперь завязан на всё время жизни;
- становление живого труда в преобладающей степени языковым и коммуникационным;
- стремление интеллектуальной и нематериальной рабочей силы к автономии от контроля государства (создание автономных зон).

В 2005 г. ЮНЕСКО опубликовал Всемирный доклад «К обществам знания», в котором ведущие мыслители из разных стран, такие как М. Кастельс, Ж. Деррида, Б. Латур, С.П. Капица, попытались обозначить кардинальные изменения в науке и образовании, информационные вызовы и угрозы обществу и призвать к необходимости их

совместного преодоления [8].

В этом докладе содержатся следующие тезисы, актуальные и сегодня:

- знание представляет собой общественное достояние, которое должно быть доступным для каждого;

- общества знания подразумевают расширение прав и возможностей, включают в себя интеграцию, солидарность, участие («гуманизацию процесса глобализации»);

- необходимость всемерно способствовать тому, чтобы каждый мог ориентироваться в потоке информации, формировать критический ум, позволяющий отличать полезную информацию от бесполезной;

- расширение базовых прав человека в информационной сфере и соединение этики и информатизации;

- преобладание одного языка. 75% страниц в сети на английском языке, поэтому половина из существующих в настоящее время 6 тыс. языков мира могут исчезнуть до конца XXI в., языки, не используемые в киберпространстве, делают маргинальными и культуры, носителями которых они являются;

- открытие новых широких возможностей для самовыражения, творчества, но Интернет может стать как инструментом для построения об-

ществ знания, так и лабиринтом, который может завести социум в пропасть общества развлечений;

- преодоление опасностей «цифрового разрыва» и усугубляющегося дисбаланса информации и знаний, защиту свободы выражения мнений, обеспечение безопасности от тотального наблюдения и контроля, противодействие угрозе манипулирования информацией с политическими целями.

К сожалению, спустя десятилетие после издания Доклада следует констатировать, что этот призыв не был услышан, о чём свидетельствуют активизация новых форм информационных войн, реализация на практике принципа разделения людей на классы информационных богачей и бедняков, масштабное инициирование в современном мире масс-медиа искусственно созданных фейковых новостей.

Таким образом, философия позволяет понять концептуальную природу информационного общества как одного из проявлений социальной действительности, осмыслить основные формы воздействия на массовое и личностное сознание людей, а также возможные последствия влияния информационно-коммуникативных и сетевых технологий на общественные отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакулев Г.П. Массовая коммуникация: западные теории и концепции. М.: Аспект Пресс, 2005. 176 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 1999. 944 с.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 96 с.
4. Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было // Художественный журнал. 1994. № 3. С. 43–44.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
6. Боков Д.Ю. Философско-правовые основания информационного общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2011. № 2. С. 116–121.

7. Бурдьё П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
8. К обществам знаний: всемирный доклад ЮНЕСКО Париж: Издательство ЮНЕСКО, 2005. 240 с.
9. Горбунов А.С. Проблема институционализации средств массовой коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 2. С. 79–86.
10. Друкер П. Энциклопедия менеджмента. М.: Вильямс, 2004. 432 с.
11. Кастельс М. Власть коммуникаций. М.: Высшая школа экономики, 2016. 564 с.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Высшая школа экономики, 2000. 606 с.
13. Кафтан В.В., Щербина Д.Н. Военная информационно-коммуникативная операция в информационном пространстве современного общества // Пространство и Время. 2013. № 4 (14). С. 224–230.
14. Кутырёв В.А. Бытие или ничто. СПб.: Алетейя, 2009. 496 с.
15. Лем С. Тайна китайской комнаты. пер. с пол. В. Луневича // Лем С. Молох. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. С. 37–342.
16. Маклюэн Г.М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005. 496 с.
17. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
18. Строева О.В. Пиктография в эпоху медиаккультуры: разрушение Логоса? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 1. С. 78–85.
19. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.
20. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. 719 с.
21. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980. 325 с.

REFERENCES

1. Bakulev G.P. *Massovaya kommunikatsiya: zapadnye teorii i kontseptsii* [Mass Communication: Western Theories and Concepts]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2005. 176 p.
2. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo* [The Coming of Post-Industrial Society]. Moscow, Academia Publ., 1999. 944 p.
3. Baudrillard J. *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konets sotsial'nogo* [In the Shadow of Silent Majority, or the End of the Social]. Ekaterinburg, Publ. of Ural's university Publ., 2000. 96 p.
4. Baudrillard J. The Gulf War Did Not Take Place. In: *Khudozhestvennyi zhurnal* [Moscow Art Magazine], 1994, no. 3. pp. 43–44.
5. Baudrillard J. *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and Simulation]. Tula, Tul'skii poligrafist Publ., 2013. 204 p.
6. Bokov D.Yu. Philosophical and legal foundation of the information society. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2011, no. 2, pp. 116–121.
7. Bourdieu P. *Nachala* [In Other Words]. Moscow, Socio-Logos Publ., 1994. 288 p.
8. *K obshchestvam znaniy: vsemirnyi doklad YUNESKO* [To Knowledge Societies: the UNESCO World Report]. Paris, YUNESKO Publ., 2005. 240 p.
9. Gorbunov A.S. The problem of institutionalization of mass communication. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 2, pp. 79–86.

10. Drucker P. *Entsiklopediya menedzhmenta* [Encyclopedia of Management]. Moscow, Vil'yams Publ., 2004. 432 p.
11. Castells M. *Vlast' kommunikatsii* [The Power of Communication]. Moscow, High School of Economics Publ., 2016. 564 p.
12. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, High School of Economics Publ., 2000. 606 p.
13. Kaftan V.V., Shcherbina D.N. Military information and communication operation in the information space of modern society. In: *Prostranstvo i Vremya* [Space and time], 2013, no. 4 (14), pp. 224–230.
14. Kutyrev V.A. *Bytie ili nichto* [Genesis or Nothing]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2009. 496 p.
15. Lem S. Secret of Chinese Room. In: *Molokh* [Moloch]. Moscow, AST Publ.; Tranzitkniga Publ., 2005. pp. 37–342.
16. McLuhan H.M. *Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayushchego* [The Gutenberg Galaxy. The Making of Typographic Man]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ.; Fond «Mir» Publ., 2005. 496 p.
17. Prigogin I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa. Novyi dialog cheloveka s prirodoi* [Order out of Chaos. Man's New Dialog with Nature]. Moscow, Progress Publ., 1986. 432 p.
18. Stroeve O.V. Pictography in the age of media culture: the destruction of Logos? In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 1, pp. 78–85.
19. Toffler A. *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow, AST Publ., 1999. 784 p.
20. Frolov I.T., ed. *Filosofskii slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow, Respublika Publ., 2001. 719 p.
21. Shiller G. *Manipulyatory soznaniem* [The Mind Managers]. Moscow, Mysl' Publ., 1980. 325 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кафтан Виталий Викторович – доктор философских наук, доцент, профессор департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ; e-mail: kaftanvit@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaliy V. Kaftan – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor at the Department of Political Science at Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: kaftanvit@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кафтан В.В. Философия современного информационного общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 39–47.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-39-47

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Kaftan V.V. The Philosophy of Modern Information Society. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 2, pp. 39–47.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-39-47

УДК 1 (092)

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-48-54

ЗАПАД И РОССИЯ: ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Курабцев В.Л.*Московский государственный областной университет**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются черты онтологических аспектов непонимания Запада и России. Обращение к благу христианских ценностей стало логическим продолжением духовных и философских исканий России. Гуманистический характер христианской морали проявляется в признании ценностей, стоящих выше материальных интересов Западной цивилизации. В статье рассматриваются исключительность и деградация западной души и цивилизации. Статья содержит описание природы непонимания и неведения России. В статье рассматривается идеологическое противостояние духа человеческого разума (Запад) и духа христианских ценностей (Россия). Автор подчёркивает необходимость радикального христианского переосмысления ценностных установок современной России и Запада. Вывод: необходимы не эмоциональные феномены отношений Запада и России, а постоянный диалог цивилизаций ради мира и процветания на планете.

Ключевые слова: непонимание России, неведение России, Западная и Русская цивилизации, западная и русская душа, дух человеческого разума, онтологический аспект русских христианских ценностей и ценностей Запада, духовные искания России, мораль Запада.

RUSSIA AND THE WEST: CONFRONTATION OF CIVILIZATIONS

V. Kurabtsev*Moscow Region State University**10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract: The article studies the ontological aspects of the Russia-West misunderstanding. Adoption of Christian values became logical continuation of Russia's spiritual and philosophical search. The humanistic character of Christian morality is revealed in recognition of the absolute values standing above material interests of the Western civilization. The article analyses the exceptionality and degeneration of the Western soul and civilization. The article describes the roots of misunderstanding and ignorance concerning Russia. The author analyses the ideological opposition of the spirit of human reason (the West) and the spirit of Christian values (Russia). The author also argues the necessity for radical (Christian) rethinking of the accepted values of the modern Russia and the West and makes a conclusion that Russia-West relationships should avoid emotions and be based on a continuous dialog of civilizations for the sake of peace and prosperity in the world.

Key words: the misunderstanding of Russia, the ignorance of Russia, Western and Russian civilizations, Western and Russian souls, the spirit of human reason, ontological aspect of Russian Christian and Western values, Russia's spiritual search, the morality of the West.

Запад и Россия на протяжении всех своих культурно-исторических встреч противостояли друг другу – прежде всего, *цивилизационно*. Это зачастую плохо понималось теоретически, но практически, психологически, этнокультурно, философски было понятно: мы – разные, мы – в противоречии, т.е. в единстве и борьбе противоположностей. Похоже, что **смысл** друг друга нам, скорее всего, не предстоит освоить. И не получится устроиться в мире по-настоящему гармонично.

Фундаментальность нашего противоречия касается уже истины души: как написал О. Шпенглер, «истина для магического человека (человека иудаизма, ислама и христианства – В.К.) – нечто совершенно иное, чем для нас» [7, с. 242]. Она во многом трансцендентна, **религиозна**. А истина и мотивация западного человека – скорее рациональны, скорее научны. А в современном мире – ещё и с «тотальным обесцениванием и обесмысливанием всех известных человеческих мотиваций, кроме **экономической** (выделено – В.К.)» [4, с. 22]. «Самочинная» воля человека, о которой писал С.Л. Франк, в Западном мире становится акцентуированной и при этом «онтологически беспочвенной» [2, с. 48].

Как написал Шпенглер, в магической душе есть и **дух**, по-еврейски – *руах*, и **дыхание**, по-еврейски – *нефеш*. «Нефеш всегда каким-то образом связана с телом, с земным, с нижним, злым, с тьмою» [7, с. 241]. В фаустовской (западной) душе, согласно Шпенглеру, наличествует только онтологически слабое *нефеш*, с его достоинствами и недостатками.

Мы (западные народы и славяне) – и родственники (индоевропейские кор-

ни, близость языков, особенно наших древних языков) и *соседи* (географически), и **друзья-враги** – известны древнейшие военные конфликты с первых веков нашей эры, но особенно памятливы две мировые войны XX в., по преимуществу, с Германией. С 1950 г. (уже 67 лет!) – неявные военные конфликты и неявные войны с США, особенно в Корею, Вьетнаме и Афганистане.

Как оказалось, Запад и Россия – это всё-таки не противоборство «буржуазной» и коммунистической идеологий. **Это духовное, геополитическое, военное, экономическое, ценностное, культурное противостояние двух великих цивилизаций – Западной и Русской**. Распад СССР и Югославии обнажил «цивилизационную суть глобального конфликта, прежде идеологически стилизованного» [3, с. 50]. Даже термин «тоталитаризм», согласно А.С. Панарину, на Западе сопрягается с русской ментальностью, культурой, Православием.

Были, конечно, и союзы с Западом, правления немецких императоров и императриц, коалиция против Гитлера; культурные и экономические обмены и диффузии; существование страны ГДР и т. д. Но очевидны и тайные антироссийские планы, и устрашающая (СССР) ядерная атака на города Японии, и опека бандеровцев после Второй мировой войны.

СССР и православная Россия часто воспринимались как *чужой и враждебный мир*. Нас мощно разлучила середина одиннадцатого века – разделение единого христианства на Католицизм и Православие. Эпоха Нового времени задала Западу принципиально **новую парадигму развития, по сути, постхристианскую и нехристианскую**. И

Запад стал, по преимуществу, безбожным, либеральным и рациоцентричным.

Корни Западной цивилизации – «иудеохристианская духовность, греческий логос и римский правовой порядок» [4, с. 10]. Символически – **Иерусалим, Афины и Рим**. У Русской цивилизации свои особые корни – тоже **Иерусалим** (но другой – византийское Православие), **Москва** (древнерусская и великорусская история и культура) и **Европа** (особенно, с периода европеизации Петра Великого). И реальна **русская парадигма** развития с опорой на Православие, его религию и мораль.

Как же понять восприятие России со стороны Запада? Анализируя, прежде всего, тексты О. Шпенглера, пытаемся понять причины непонимания России. Интеллигенция Запада, усвоившая **свободное мышление, интеллектуальную всеядность и субъективное высокомерие**, плохо понимает «магические» души и своё внедуховное состояние. Пример – «шутливые» карикатуры на пророка Мухаммеда; насмешки Шпенглера над «братской любовью» русских и др.

И первая причина очень проста: **мы – разные**. Как непреодолимо различны мужчина и женщина. Шпенглер об этом различии гениально сказал так: «потайная протовойна полов, длящаяся вечно» [7, с. 341]. За нею – метафизическая разность, разность души, биологии, судьбы и всей жизнедеятельности.

Шпенглер по-своему осознал этот факт: «Насколько чужда нам всем (западным людям – В.К.) внутренняя жизнь Иисуса (горькая истина для западного христианина, который бы с радостью оперся на Него в своем бла-

гочестии)» [7, с. 245]. Т. е. Христос – (изначально?) чужд Западу? А вот неоязычество, в духе философии жизни, очень понятно: в истории «всегда» побеждала «жизнь и раса» [7, с. 538, 539].

Вторая причина – западные этнофобии и стереотипы, а также социокультурная традиция, связанные со **славянофобией и русофобией**. Вероятно, ещё более глубокая причина – чувство **исключительности (в том числе расовой)** отдельных народов.

Не поэтому ли Шпенглер, например, говоря о войне 1812 г., взятии Парижа, пишет: русский народ вне истории (по предназначению) и ему «была навязана искусственная и неподлинная история, постижение духа которой прарусскостью – вещь абсолютно невозможная» [7, с. 198]. Каковы непонимание и презрение!

Этого же порядка высказывание о «примитивном московском царизме» (а в Петербурге он был «*фальсифицирован*» (выделено В.К.) в династическую форму Западной Европы). Или ещё хлеще: «У Москвы никогда не было собственной души» [7, с. 199]. Какая уж тут объективная научная мысль!

Третья причина – **незнание и недомыслие** в отношении России и всего русского. Одна из ошибок Шпенглера – это смешение в нечто единое иудаизма, ислама и христианства. Их «единство» (по духу ислама, покорности) «нераздельно». Конечно, специфика Православия сразу ступшевывается.

Не отсюда ли **примитивизация** представлений о России? «Русская, безвольная душа (вариант Шпенглера – «примитивная русская душа» – В.К.), прасимволом которой предстает бесконечная равнина, самоотверженным служением и анонимно тщится

затеряться в горизонтальном братском мире» [6, с. 489]. Русские – это «не знающий городов народ, тоскующий по своей собственной жизненной форме, по своей собственной религии, по своей собственной будущей истории» [7, с. 201].

Неужто нужно доказывать, что Киж и непредугаданные полёты в космос – это «вертикальная тенденция»? Что покорение Сибири и победа над Наполеоном или Гитлером – это феномены не «безвольной души»? Что и «собственная жизненная форма», и «собственная религия», и «собственная история» – давно уже в основном *найденны*.

Шпенглер увидел Россию явно не-научно и не слишком сочувственно, с националистической установкой. И почти ничего хорошего не обнаружил. Получилась **примитивизация исторической, политической, социальной, религиозной и другой русской реальности**.

С этим же связана и *недооценка русской культуры и её потенциальности* в сочетании с горделивой переоценкой «фаустовской» культуры и души. Пра-символом фаустовской души, согласно Шпенглеру, является «безграничное пространство», а отсюда – «сугубо западноевропейские в этой своей форме структуры мифа души: “воля”, “сила” и “действие”» [6, с. 524]. А вот несчастная русская душа, «русскость», страдает ненавистью к Европе. «Настоящая апокалиптическая ненависть направляется против Европы» [7, с. 198].

Такое непонимание явно присутствовало и у национал-социалистов Германии, объявивших о ничтожной ценности русских церквей и многих культурных артефактов.

Важна и четвёртая причина непонимания России со стороны Запада. Это **недуховная оценка России** и почти всего русского. У Шпенглера – это убеждённость в *исключительности* «фаустовского» человека, бравирование своим «бесценным» индивидуализмом, своим Я. «Я» не хочет смириться перед Богом и другим человеком. Святые отцы не в почёте. Он «критикует» даже русское сострадание: «С русским состраданием, типа сострадания Раскольникова, дух исчезает в братской массе; с фаустовским он выделяется на её фоне» [6, с. 535].

Бедная «братская масса»! Бедный Раскольников! Вот метафизика несо-впадения и непонимания друг друга! Нехристианская оценка, которая, возможно, и не может быть другой. Моральная ценность оказывается только у фаустовского человека – с его «уважением Ты в ближнем ради собственного Я и его блаженства» [6, с. 489].

Шпенглер, тем не менее, своё знаменитое «фаустовское» сочинение назвал симптоматично: «Закат Европы» (бук-вальный перевод – «Гибель Западного мира»).

Всё – от «благодетеля» антихриста, и ничего – от «исправителя» Христа. Гей-парады, рекламируемые трансген-деры, однополые браки с усыновлен-ными детьми, проституция как «чест-ный» бизнес и другое стали живой реальностью и знаком разложения. *Запад действительно духовно-нрав-ственно «гниёт»*. Хотя в отношении материальной культуры – на первых ролях. Либерализация оборачивается деградацией.

Пятая причина непонимания – **мо-ральное противостояние** Запада и России. Шпенглер пишет о «фаустов-

ской этике», связанной в том числе с именами Мальтуса, Дарвина, Ницше. Западные люди хотят дать свои миллионы «не на удовлетворение безбрежной благотворительности в отношении мечтателей, «художников», слабаков и недоносков; они употребляют их ради тех, кто пригоден в качестве материала для будущего» [6, с. 526]. Похоже, что это социал-дарвинизм, ведущий к разорению путём глобализации, как полагал А.С. Панарин, более слабых экономик, культур, этносов.

Откуда эта нехристианская беспощадность? Эта плохо прикрытая *безжалостность*? Не похож ли Запад на упоминаемую Шпенглером ибсеновскую женщину, которая хочет «принадлежать сама себе» (без самоотдачи семье, без материнского инстинкта)?

Неужели «стратегический союзник “демократической России”» вёл во времена Горбачева и Ельцина «игру на прямое и окончательное уничтожение нашей страны» [4, с. 229]? Не стремится ли Запад сделать из традиционно православной России «ценностный конгломерат» (Панарин)? А также территориальный и этнический конгломерат?

Россия – не элемент «мировой варварской периферии» (Панарин), а Запад – не единственный центр мировой цивилизации и культуры. Русская цивилизация с православной парадигмой состоялась и явно альтернативна Западу: она способна **«заново утвердить приоритеты культуры и морали»** (выделено – В.К.)» [3, с. 63], защитить слабых и позвать в более удачное будущее. Согласно тому же Шпенглеру, у русских – «братская любовь, всесторонне излучающаяся в человеческой плоскости» [6, с. 368].

Мы как-то ближе к **христоцентризму**, вероятно, даже в силу своей славянской природы и культуры, в силу византийского архетипа. А Запад ближе к этике разумного эгоизма и личного успеха, т. е. к этике современного гуманистического **антропоцентризма**.

Шпенглер неоднозначен и антиноmicен в своих удачных и неудачных мыслях. Он порой и восхищается, и ненавидит. Например, он величает Достоевского «почти святым», но в целом русский человек, в его понимании, примитивнее и ниже «фаустовского» человека. Он и третирует «примитивную» русскую религию (она подобна христианству в раннесредневековом государстве Каролингов), и глубоко сожалеет о том, что «передовое» фаустовское человечество не с Христом, не с богатствами Церкви. И при этом вдруг заявит, что Христос – всего лишь «гениальная религиозная личность» [7, с. 247].

Таким образом, в силу столь сложного и во многом инвариантного непонимания Запада и России, нам придётся *постоянно и сообща* искать мир и консенсус. Никуда не уйти от главных причин непонимания и неприязни – чувства **нехристианской исключительности** (особенно у США) и **невежества** в отношении России. А также от давнишнего желания покорить и переделать под себя.

Хотя Хайдеггер мог бы Запад кое-чему научить: нельзя «позволять всякий раз догадкам и расхожим понятиям диктовать себе предвзятие <...> и предрешение, но в их разработке из самих вещей обеспечить научность темы» [5, с. 153].

Т. е. нужен трудный и честный путь к адекватности *понимания друг дру-*

га. Чтобы духовный *руах* встретился с земным *нефеш*. Пророк Иезекииль по этому поводу сказал так: «*Обратитесь – и живите!*». «*И зачем вам умирать, дом Израилев?*» (Иез. 18, 31–32) [1, с. 623].

Зачем враждовать с очень нужным Западу Русским миром? Зачем поддаваться «закату»? Разве не нужен всем нам (хотя бы как идеал) прекрасный и справедливый мир?

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2008. 967 с.
2. Бондарева Я.В. Отечественная религиозно-философская антропология: антиномия свободы и детерминизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 1. С. 47–53.
3. Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.
4. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Издательство Московского государственного университета, 1999. 288 с.
5. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
6. Шпенглер О. Закат Европы в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1993, 672 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1998, 606 с.

REFERENCES

1. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta* [The Bible. The Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Moscow, AST Publ., St. Petersburg, Polygon Publ., 2008. 967 p.
2. Bondareva Ya.V. Domestic religious-philosophical anthropology: the antinomy of freedom and determinism. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2014, no. 1, pp. 47–53.
3. Panarin A.S. *Pravoslavnyaya tsivilizatsiya* [Orthodox Civilization]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2014. 1248 p.
4. Panarin A.S. *Rossiya v tsiklakh mirovoi istorii* [Russia in the Cycles of World History]. Moscow, Moscow State University Publ., 1999. 288 p.
5. Heidegger M. *Bytie i vremena* [Being and Time]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 452 p.
6. Spengler O. *Zakat Evropy. T. 1* [The Decline of Europe. Vol. 1]. Moscow, Mys' Publ., 1993, 672 p.
7. Spengler O. *Zakat Evropy. T. 2* [The Decline of Europe. Vol. 2]. Moscow, Mys' Publ., 1998, 606 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курабцев Василий Леонидович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета; e-mail: kurabtsev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kurabtsev Vassilii L. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor at the Department of Philosophy at Moscow Region State University;
e-mail: kurabtsev@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Курабцев В.Л. Запад и Россия: цивилизационное противостояние // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 48-54.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-48-54

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Kurabtsev V.L. Russia and the West: Confrontation of Civilizations *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 2, pp. 48-54.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-48-54

УДК 130.122

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-55-63

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Петрий П.В.

*Военный университет Министерства обороны РФ,
123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14, Российская Федерация*

Аннотация. В статье раскрываются предназначение, сущность и особенности общественного идеала как ценности социокультурного развития общества. Выделен ряд принципов методологического характера, с помощью которых анализируется роль и значение общественного идеала в проведении национальной модернизации России в условиях глобализации, а именно: преемственности, целостности, антропоцентризма, деятельности, феноменологический и др. Подчеркивается, что общественный идеал как духовный феномен может и должен формироваться и функционировать в соответствии с принципами ориентированной на науку философской системы.

Ключевые слова: общество, идеал, общественный идеал, ценность, глобализация, модернизация, принцип.

PUBLIC IDEAL AS A FACTOR OF MODERNIZING RUSSIA IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

P. Petriy

*The Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation
14, Bolshaya Sadovaya st., Moscow, 123001, Russian Federation Military*

Abstract. The article reveals the purpose, essence and peculiarities of the social ideal as a value of sociocultural development of the society. A number of methodological principles were identified to examine the role and importance of the social ideal in the modernization of Russia in the conditions of globalization, namely: continuity, integrity, anthropocentrism, principle of activity, phenomenological principle, etc. It is emphasized that the social ideal as a spiritual phenomenon can and should be formed and function in accordance with the principles of a science-oriented philosophical system.

Keywords: society, ideal, social ideal, value, globalization, modernization, principle.

Процесс поиска и развития цивилизационной идентичности современной России, сопровождающийся активным противодействием западной социокультурной среды восстановлению имиджа страны как мировой державы, настоятельно выдвигает на первый план проблему исследования изменений во всех областях жизнедеятельности российского общества и человека, особенно в духовной сфере. Решение этой проблемы, в свою очередь, предполагает уточнение

содержания и специфики базовых понятий и категорий социальной философии, позволяющих адекватно определить суть и направленность происходящих социокультурных процессов и явлений, обосновать перспективы и приоритетные направления развития российской государственности. В ряду таких базовых понятий социально-гуманитарной сферы выделяется понятие «общественный идеал», которое благодаря своей значимости и универсальности сегодня прочно вошло в лексикон как научной, так и обыденно-практической сфер познания. Всестороннее исследование указанного понятия предполагает выделение некоторых принципов и подходов, которые, как представляется, могут и должны выступить в качестве методологических ориентиров уяснения ценностно-практической направленности общественного развития российской действительности с позиций социально-философского анализа.

К числу таких основных принципов, способствующих раскрытию роли и значения общественного идеала в проведении национальной модернизации России в условиях глобализации, относятся:

а) *принцип преемственности*, который предполагает всестороннее и объективное изучение основных идей, взглядов, подходов, концепций, выдвинутых в прошлом и настоящем. При этом ничто из духовного наследия не может быть оценено с формально-логической точки зрения как верное или неверное;

б) *принцип целостности*, предполагающий показ имеющихся знаний о содержании и специфике духовных явлений, особенностях их проявления в

жизнедеятельности общества и личности в обобщенном и целостном виде;

в) *принцип антропоцентризма*, который указывает на уникальность человека и его главенствующую роль в социокультурном пространстве, а также на его включённость в динамику социальных изменений, особенно духовной сферы общества;

г) *феноменологический принцип*, направленный на понимание и уяснение личностью ценностных духовных основ культуры, общества, а также социальных процессов и явлений посредством сведения детализированного знания к обобщенному. Этот принцип направлен на поиск ответов на животрепещущие вопросы человеческого бытия, а именно: каким образом новые понятия, включаемые в сознание россиян, ими осознаются и соответствуют ли реальным социальным изменениям? Какова направленность изменений социокультурной среды обитания русского человека, его духовного мира и ценностных предпочтений в современных условиях? и многие др. На этот счёт французский философ М. Фуко писал, что «основополагающие коды любой культуры, управляющие её языком, её схемами восприятия, её обменами, её формами выражения и воспроизведения, её ценностями, иерархией её практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться» [6, с. 33];

д) *принцип соответствия развития духовного мира личности целям и задачам общественной практики*. Следование этому принципу предполагает соотнесение общих возможностей развития духовного мира лич-

ности с масштабами, особенностями и направленностью изменений содержания общественного процесса, с историческими ценностями, традициями и нормами и возникающими проблемами жизнебытия современного российского общества и человека;

е) принцип соотношения объективного и субъективного компонентов в содержании общественного развития, который обусловлен спецификой общественного развития, процессом формирования духовного мира человека при учёте беспристрастного изучения социокультурного пространства;

ж) принцип взаимосвязи сущего (реального) и должного (желаемого) в исследовании духовных процессов, который предполагает учёт общественно и личностно значимых ценностей, приоритетов и предпочтений в развитии содержания духовного мира гражданина, а также сложность и разноплановость их проявления в общественной практике;

з) принцип социокультурной опосредованности методологических регулятивов, позволяющий учитывать разное содержание предметного содержания общественных и духовных явлений социокультурной среды. Согласно этому принципу явления духовного мира одновременно принадлежат к различным областям жизни общества. Поэтому социокультурная опосредованность средств их осмысления представляет собой специфическую форму выражения содержания интеграционных социокультурных механизмов, которые представлены в духовной сфере;

е) принцип деятельности, который означает, что рассматриваемые социальные и духовные явления настоя-

тельно требуют своего осознания и изучения в контексте цивилизационного развития современной России. Этот процесс обусловлен необходимостью выработки приоритетных направлений и обоснования механизмов реализации поступательного движения страны к формированию гражданского общества.

На наш взгляд, названные методологические принципы могут активно использоваться в исследовании проблем общественного развития в целях обоснования роли и значения общественного идеала в современных условиях модернизации российской государственности. Обращение к этим принципам в конечном счёте способствует философской рефлексии понятия «общественный идеал» как ценностной характеристики и направленности развития современного российского общества.

Предваряя анализ роли и значения общественного идеала в развитии современного российского общества, кратко обозначим подходы к пониманию указанного духовного явления.

Интерес к проблеме общественного идеала как фундаментального духовного образования в структуре мировоззрения личности и поведения различных социальных групп был и остаётся предметом пристального внимания многих мыслителей прошлого и настоящего, что определило появление различных подходов к пониманию обозначенного феномена. Так, по мнению античных мыслителей (Гесиод, Сократ, Платон, Аристотель), идеал общественного устройства предполагал защиту экономических и политических интересов каждого свободного гражданина, доступность вла-

сти народу как важное условие устойчивости государственного устройства, создание идеального государства и т. д.

В рамках средневековой философии (Августин Блаженный, Фома Аквинский) представления об общественном идеале развиваются в контексте линейного понимания истории и принимают теократическую окраску. Эсхатологизм христианского представления об общественном идеале был связан с идеей Страшного суда, после которого грядёт тысячелетний паралич злой силы на земле.

Представители эпохи Возрождения и Нового времени (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др.) выдвинули принципиально новое понимание общественного идеала, обосновав концепцию общественного договора на основе понимания человека как природного существа и как творца своей судьбы.

Весомый вклад в развитие общественного идеала внесли немецкие философы И. Кант и Г. Гегель. Согласно Канту, процесс реализации общественного идеала внутренне противоречив, и его осуществление возможно лишь в бесконечности. В философии Гегеля утверждалась мысль о том, что исторический процесс находит своё завершение в наилучшем идеале общественного устройства – Прусской конституционной монархии времен Фридриха Вильгельма III.

Свою лепту в разработку концепций общественного идеала внесли и представители марксизма. Так, марксистское учение о смене общественно-экономических формаций в ходе исторического развития рассматривало в качестве вершины общественного развития коммунизм, который и стал

интерпретироваться как искомый общественный идеал.

В отечественной философской мысли (В. Барулин, А. Гулыга, В. Давидович, Д. Дубровский, Э. Ильенков, Ю. Крючков, Е. Осипова, И. Сиземская, С. Туманов и др.) проблема общественного идеала также получила своё достойное развитие. В частности, общественный идеал трактуется как отражение коренных закономерностей и реальных возможностей общественного развития, подчеркивается социальная обусловленность общественного идеала, выделяется его ценностный аспект и т. д.

Методологическое значение для уяснения специфики общественного идеала имеет ряд аспектов, раскрывающих содержательные стороны понимания этого духовного феномена, который именно в социальном плане задает нормы и регулирует поведение человека и социальных общностей [7, с. 24, 25]:

- во-первых, идеал может формироваться в процессе жизни общества и отражать необходимую для его жизнедеятельности духовную ценность (например, патриотизм, коллективизм, соборность и др.). Именно этот аспект отражает «идеальный тип», где социальное и историческое диалектически взаимосвязаны;

- во-вторых, идеал может представлять собой субъективный образ, созданный творческой личностью, как собирательный тип высоконравственного человека, отражающего дух эпохи (например, Павлик Корчагин – настоящий человек). В этом случае социальный идеал принимает форму морального долженствования и может вступать в противоречие с историче-

ским сущим (например, современное российское общество идеализирует образ успешного, предприимчивого, т. е. богатого человека, в то время как военнослужащий в своей жизнедеятельности ограничен только определённым, зачастую небольшим денежным довольствием);

– в-третьих, идеал может представлять собой идеологический заказ определённых социальных групп («толерантность» – не в смысле веротерпимости, а применительно к различным половым извращениям: гомосексуализму, лесбиянству и др.), чем определяется формальность социального бытия, лишаящего человека протестной формы самовыражения, и также противоречивости бытия исторического с внесением в него искусственных, а не естественных для общественного развития ориентиров;

– в-четвертых, идеал может принимать виртуальный образ, симулякр¹ (например, «гламур» – образ сытой, довольной, безмятежной и «тусовочной» жизни), который вызывает интерес у определённой социальной прослойки и не имеет никакого исторически значимого содержания и значения. Подобное проявление идеала можно отнести скорее к антидуховному (бездуховному), которое деформирует духовный мир человека и выражается в отсутствии высших смыслов и целей, как господство примитивных, плотских интересов и влечений.

В целом, анализ различных подходов к указанной проблеме позволя-

ет заключить, что понимание идеала как образца, прообраза, высшей цели устремлений, совершенного воплощения именно в плане социального устройства позволяет говорить об общественном идеале. **Общественный идеал** – это совокупность представлений и понимания о совершенном общественном устройстве, в котором отражаются тенденции и закономерности общественного развития с точки зрения определённого социального субъекта в естественно-исторических условиях. В общественном идеале аккумулированы высшие ценности общества, его традиции и культура, которые вместе регулируют деятельность, взаимоотношения и поведение людей, являются главным мотивом их практически преобразующей деятельности. И в этом ключе общественный идеал имеет позитивный вектор направленности, так как позволяет соотнести помыслы и действия человека с высшими духовно-нравственными критериями общественного характера. В конечном итоге, общественный идеал даёт существенный импульс общественному и личностному развитию, обнажая и способствуя разрешению противоречий между должным и реальным в процессе социального устройства.

В недалёком прошлом большинство теорий общественного развития дали все основания для конструирования единой (однолинейной) модели современного общества, согласно которой общественное развитие представало как движение к определённой цели в различных модификациях: общества всеобщего благосостояния, социально ориентированного общества, технократического общества, общества потребления, информационного

¹ Симулякр (франц. *simulacres* – симуляция) – термин философии постструктурализма, обозначающий внепонятийное средство фиксации переживаемого состояния (по Платону, «копия копии») [5].

общества, гуманного капитализма, реального социализма и т. д. [1, с. 117–119].

Современное развитие общества в качестве альтернативы однолинейной модели выдвигает идею многолинейной (или параллельного развития) концепции эволюции социума, выделяя в ней в качестве детерминирующего фактора культуру соответствующего общества. Данная концепция развития в качестве базисного фактора социального устройства и благополучия утверждает систему исторически сложившихся и культивируемых в настоящий период времени ценностей и традиций. Любая социальная система, по утверждению приверженцев многолинейной концепции развития, является результатом взаимодействия различных социальных сил, опирающихся на различные ценностные системы и порой преследующих прямо противоположные цели. И, как результат, создавалось общество или общественная система, хотя и включающая некоторые основные ценности более влиятельной общественной силы, но далёкая от её же собственных идеалов.

Именно таким образом осуществлялась и осуществляется национальная модернизация современной России. Провозглашенные реформаторами и активно насаждавшиеся такие компоненты общественного идеала, как демократия, свободная рыночная экономика, социально ориентированное государство, свобода слова, достоинство личности и др., претерпели столь значительные содержательные изменения, что превратились в свою прямую противоположность. В частности, демократия свелась к чисто формальному своему воплощению – к

выборам, что привело в конечном счёте к стагнации избирательной системы на различных уровнях. О свободном рынке в условиях господства коррумпированности госчиновников и монополизма крупных корпораций не может быть и речи. Государство почти полностью утратило свои социальные функции и превратилось благодаря действиям своих чиновников в силу, практически недружелюбную народу. Как результат – системный кризис становления и функционирования российской государственности, проблемы практически во всех областях жизнедеятельности общества и человека, последствия которых нынешнее поколение россиян до сих пор испытывает на своей шкуре.

Вновь сегодня перед страной стоят проблемы: какой общественный идеал должен быть принят в качестве образца, каково его предметное содержание и что надо делать для воплощения его в жизнь? Предлагаются самые различные варианты, начиная с социализма «с человеческим лицом», или гуманного социализма, и кончая капитализмом с «человеческим лицом», или гуманным капитализмом. Парадокс ситуации заключается в том, что «одни предлагают страну вернуть назад к социализму, а другие двигать вперёд к капитализму. Для одних «светлое будущее» – это социализм, а для других – капитализм. И в этом проявляется, на наш взгляд, очень печальный аспект российского менталитета. То есть русский человек (например, в отличие от жителя любой западноевропейской страны) нередко оказывается способным любить только «Россию будущего», где от нынешнего русского не останется и следа, будь то Россия коммунистическая или

капиталистическая» [1, с. 119, 120].

Тем не менее, для России сегодня нет необходимости искусственно выдумывать общественный идеал и в соответствии с этим искусственно конструировать некую определенную модель общественного устройства. Для российского общественного идеала всегда были характерны основные черты менталитета, которые определяли отношение русского человека к обществу, государству и другим людям: высокая духовность, ориентация на народовластие и отношение к своему государству как к мощной державе. Это те константы, которые необходимо сохранять и соблюдать, поскольку величие и зрелость каждого народа определяются тем, во что он верит, как понимает и сохраняет предмет своей веры и что делает для её реализации.

Человек всегда, даже в самых сложных обстоятельствах, живёт надеждой, которая в то же время является идеалом, ориентиром духовного самосовершенствования. Сегодня для многих людей пока не потеряли своего истинного значения понятия патриотизма, чести и достоинства, верности гражданскому долгу, самопожертвования во имя Отечества, милосердия и др. Поскольку сегодня практика чаще, чем ранее, ниспровергает или обесценивает идеалы, их необходимо формировать на основе гармоничного соотношения личностных и общественных интересов. Как отмечает В.А. Славина, «проблема идеала в общественной жизни <...> всегда выходила на первый план в критические эпохи исторического развития России. Так было во время великих реформ XIX в., связанных с отменой крепостного права, когда рушились традиции

патриархальной жизни, так было в период революционных преобразований действительности в начале XX в.» [3, с. 5]. Ценностное значение при этом имеют потребности, интересы, вкусы и другие компоненты духовного мира человека или социальной группы (общности). К примеру, важный ценностный смысл приобретают духовно-нравственные принципы поведения человека: сочетание коллективизма и индивидуализма, обязательность, добропорядочность, самокритичность и принципиальность, социальная активность и др.

В конечном итоге идеал должен овладеть сознанием масс, превратиться в материальную силу, способную увлечь большинство граждан к патриотическим действиям, героизму, подвигу. Вспомним слова русского поэта С. Есенина, который на заре советской власти писал: «Я завидую тем, кто жизнь отдал в бою, сражаясь за великую идею» [2]. И сегодня героизм, подвиги находят своё место в жизни российского общества, несмотря на множество неблагоприятных условий его существования. Их сила состоит в том, что многие идеалы лежат в основе подвижничества людей [3, с. 134–136].

Бытие современного российского общества богато примерами подвижничества учёных и космонавтов, военнослужащих и спасателей, учителей и писателей и многих др., которые своими делами и поступками заботятся о величии Родины и укоренении в жизни идеалов социальной справедливости и гуманизма. Идеалы человечности и заботы об Отечестве движут теми, кто совершает подвиги в борьбе с терроризмом. Всем россиянам памятен подвиг в феврале 2000 г. псковских

десантников из 76-й воздушно-десантной дивизии. В ходе 19-часового боя против чеченских боевиков погибло 84 военнослужащих из 90. Но, проявив героизм, совершив бессмертный подвиг во имя идеалов человечества, во имя национальных интересов страны, во имя целостности и независимости государства, военнослужащие навсегда остались в памяти народа как подвижники бессмертных идеалов свободы и величия своей страны. И таких беспримерных примеров героизма и патриотичности весьма много.

Таковы некоторые аспекты актуальности и значимости общественно-

го идеала России в условиях глобализации. В ходе модернизации основных сфер жизнедеятельности общества необходимо учитывать и воссоздавать не мнимые, а подлинные духовные, социальные, экономические и иные ценности для их научной интерпретации и использования в повседневной жизни россиян. Только на основе объективного содержания основных компонентов, свободных как от былой политической апологетики, так и от сегодняшнего примитивного нигилизма, можно и понять время, прожитое страной, и определить приоритетные направления её развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Духовное измерение современной политики: коллективная монография / под ред. В.Н. Шевченко. М.: Институт философии РАН, 2003. 190 с.
2. Есенин С.А. Русь уходящая [Электронный ресурс] // Lib.ru: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/text_0260.shtml (дата обращения: 31.03.2017).
3. Петрий П.В. Духовные ценности российского общества и армия: монография. М.: Военный университет, 2001. 229 с.
4. Славина В.А. В поисках идеала: литература, критика, публицистика первой половины XX века: монография. М.: Прометей, 2005. 248 с.
5. Философский словарь [Электронный ресурс] // Энциклопедии и словари: [сайт]. URL: <http://enc-dic.com/philosophy/Simuljakr-3500> (дата обращения: 31.03.2017).
6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
7. Шевченко О.В. Духовные традиции военнослужащих Российской армии: сущность, содержание и проявление в современных условиях: социально-философский анализ: монография. М.: Военный университет, 2011. 141 с.

REFERENCES

1. Shevchenko V.N., ed. *Dukhovnoe izmerenie sovremennoi politiki* [The Spiritual Dimension of Modern Politics]. Moscow, Institute of Philosophy RAS Publ., 2003. 190 p.
2. Esenin S.A. Disappearing Russia. In: Lib.ru [Lib.ru]. Available at: http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/text_0260.shtml (accessed 31.03.2017).
3. Petrii P.V. *Dukhovnye tsennosti rossiiskogo obshchestva i armiya* [The Spiritual Values of the Russian Society and the Army]. Moscow, Military University Publ., 2001. 229 p.
4. Slavina V.A. *V poiskakh ideala: literatura, kritika, publitsistika pervoi poloviny XX veka* [In Search of the Ideal: Literature, Criticism, Journalism of the Early Twentieth Century]. Moscow, Prometei Publ., 2005. 248 p.
5. Philosophical Dictionary. In: Entsiklopedii i slovari [Encyclopedias and Dictionaries]. Available at: <http://enc-dic.com/philosophy/Simuljakr-3500/> (accessed 31.03.2017).
6. Foucault M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archaeology of Humanities]. St. Petersburg, A-cad Publ., 1994. 408 p.

7. Shevchenko O.V. *Dukhovnye traditsii voennosluzhashchikh Rossiiskoi armii: sushchnost', sodержanie i proyavlenie v sovremennykh usloviyakh: sotsial'no-filosofskii analiz* [The Spiritual Traditions of the Russian Army: Nature, Content and Manifestation in the Modern Context: Social and Philosophical Analysis]. Moscow, Military University Publ., 2011. 141 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петрий Петр Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и религиоведения Военного университета Министерства обороны РФ;

e-mail: PVPetriy@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pyotr V. Petriy – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Religious Studies at the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation;

e-mail: PVPetriy@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Петрий П.В. Общественный идеал как фактор модернизации России в условиях глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 55-63.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-55-63

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Petriy P.V. Public Ideal as a Factor of Modernizing Russia in the Context of Globalization. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 2, pp. 55-63.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-55-63

УДК 316:1

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-64-71

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕЁ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ГРУППИРОВКОЙ ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО (ИГ) ДЛЯ СОБСТВЕННОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В МУСУЛЬМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ (УММЕ)

Сурина В.А.

*Балтийский государственный технический университет имени Д.Ф. Устинова
190005, г. Санкт-Петербург, 1-ая Красноармейская ул., д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются социально-философская концепция исламского (салафитского) государства, исторически сложившаяся в рамках уммы, и её использование запрещенной в России террористической группировкой Исламское государство (ИГ) в целях привлечения новых сторонников и собственного позиционирования в умме как единственного ныне существующего «истинного халифата», идеального салафитского государства. Автор выявляет сходства и различия между идеальной моделью исламского государства, сформулированной мусульманскими богословами-правоведами на основе Корана и хадисов, и реальной политической практикой ИГ, известной широкой общественности по свидетельствам очевидцев, а также из документов этой террористической группировки. Автор приходит к выводу, что популярность террористической группировки Исламское государство и созданного ею квазигосударства в значительной степени обуславливается умелым использованием террористическими лидерами социально-философской концепции исламского государства, его идеальной модели.

Ключевые слова: исламское государство, ИГИЛ, салафизм, ислам, Ближний Восток.

THE SOCIO-PHILOSOPHICAL CONCEPT OF ISLAMIC STATE AND ITS USE BY ISLAMIC STATE TERRORIST GROUP (ISIS) FOR SELF-POSITIONING IN THE MUSLIM SOCIETY (UMMAH)

V. Surina

*Baltic State Technical University "VOENMECH" named by D.F. Ustinov
1, 1-aya Krasnoarmeiskaya st, St. Petersburg, 19005, Russian Federation.*

Abstract. The article analyzes the socio-philosophical concept of Islamic (Salafi) State historically developed within the ummah and its use by the banned in Russia Islamic State terrorist group (ISIS) to attract new supporters and self-positioning in the ummah, as the only currently existing "true caliphate", perfect Salafi state. The author detects the similarities and differences between the ideal model of Islamic state articulated by Muslim theologians and jurists based on the Quran and the hadith on the one hand and the real political practice of ISIS known to general public through eyewitnesses' evidence as well as from the documents. The author concludes that the popularity of the ISIS terrorist group and its quasi-state is due to the skillful use of socio-philosophical concept of Islamic state and ideal Islamic state model by terrorists.

Keywords: Islamic state, ISIS, Salafism, Islam, the Middle East.

Исламское государство (ИГ), запрещенная в России террористическая группировка, представляет собой не только политический феномен, но и чрезвычайно значимый фактор угрозы международной безопасности, природа которого ещё не изучена в достаточной мере. Исламское государство позиционирует себя в мусульманском обществе как единственный истинный халифат и стремится осуществлять свою организацию по нормам шариата и по модели государства праведных халифов. Таким образом, ИГ, безусловно, представляет интерес для исследования с точки зрения социальной философии, в частности, в аспектах соответствия исторических концепций исламского государства и реальной политической практики квазигосударства, созданного этой террористической группировкой.

После провозглашения себя халифатом [8], а своего лидера, Абу Бакра аль-Багдади, – халифом, Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ) было переименовано в Исламское государство (ИГ). Это событие в глазах многих исследователей окончательно превратило ИГ из террористической группировки в теократическое квазигосударство, в СМИ даже появились предположения о возможном международном признании Исламского государства в течение ближайших десятилетий [2].

Представляя собой новую форму государства, ИГ между тем опирается на хорошо известные способы и практики политического бытия. ИГ не только обладает монополией на насилие на подконтрольных ему территориях

и осуществляет защиту своих границ военными средствами, но и выполняет функции административного управления, ведения финансово-экономической и торговой деятельности, входит в открытые и тайные дипломатические сношения с различными государственными и негосударственными образованиями, активно присутствует в медийном пространстве [4].

Кроме того, Исламское государство, в отличие от иных террористических группировок, не только существует за счёт пожертвований сочувствующих и влиятельных спонсоров, но и в значительной степени вышло на уровень самоокупаемости, осуществляя торговлю нефтью, оружием и людьми, чем демонстрирует активное, хоть и весьма своеобразное, включение в мировую экономику, а также оказывает существенное влияние на её функционирование.

Из вышенаписанного следует, что на сегодняшний день ИГ обладает в той или иной степени практически всеми признаками государства за исключением международного признания, документально закреплённого гражданства и чётко установленных границ. Это, в свою очередь, даёт все основания считать Исламское государство квазигосударством.

Доподлинно известно, что теократическое суннитское квазигосударство ИГ стремится функционировать на основе норм шариата [1]. Однако у исследователей нет единого мнения о том, какого именно течения в исламе придерживаются сторонники Исламского государства. В то же время деятельность этой группировки позво-

ляет соотнести их при определенных допущениях с салафитами.

Салафизм – это общее название для всех суннитских течений в исламе, стремящихся к восстановлению первоизданного ислама в том виде, в котором он существовал при Пророке и праведных халифах, включая воссоздание истинного халифата [5]. Как следствие, в парадигме данного исследования особый интерес представляет изучение религиозно-философских оснований исламского халифата, а также использования этих оснований ИГ для собственного позиционирования.

Для мусульман-фундаменталистов понятия «религия», «государство», «политика» нерасторжимы. Пророк Мохаммед и праведные халифы, его наследники, были одновременно и духовными, и политическими лидерами сначала небольшой мусульманской общины, а затем и всего Арабского халифата.

Все государственные и политические концепции ислама, в том числе и салафитская, базируются на том, что власть в государстве существует благодаря Божественной справедливости, артикулированной в законах шариата и обеспечиваемой богобоязненным правителем. При этом, согласно социально-философским положениям ислама, суверенитет в государстве принадлежит общине. Этот суверенитет является отражением Божественного суверенитета и выражается прежде всего в праве выбора правителя (халифа). Мусульманское государство – это де факто двусторонний договор между общиной и властью имущими. Народ обязуется быть верным однажды избранному халифу вплоть до его смерти. Однако если правитель приказыва-

ет поданным делать то, что запрещено шариатом, они имеют право свергнуть его, поскольку порочность и несправедливость такого правителя не даёт народу возможности жить праведно, а значит, лишает их права на рай. Впрочем, непослушание и восстание народа – крайняя мера, которая может быть рекомендована только в том случае, если иные способы воздействия на правителя не произвели должного эффекта.

Халиф в салафитском государстве избирается не непосредственно общиной, а её особыми представителями – муджтахидами, людьми, наделёнными справедливостью, мудростью и умением самостоятельно решать теолого-правовые вопросы, не урегулированные Кораном и Сунной [9]. Правил отбора этих лиц на практике не было предусмотрено, да и сами выборы никогда в Арабском халифате не проводились, поскольку предполагалось, что выдающиеся муджтахида в силу своих личных достоинств и так были известны всей общине.

Муджтахида, являясь связующим звеном между правителем и простыми членами общины, осуществляли также контроль над халифом. Из муджтахидов создавался консультационный совет при халифе, к которому тот обязан был прислушиваться. Такой совет – обязательное условие функционирования суннитского (салафитского) государства, поскольку в Коране отдается предпочтение совещательной форме правления перед индивидуальной (принцип шура) [3, с. 465–470].

Террористическая группировка ИГ провозглашает, что стремится к созданию государства по описанной выше идеальной модели. Такая политика

привлекает в группировку множество сторонников, исповедующих ислам, как из немусульманских стран, так и из стран с преимущественно мусульманским населением. Это объясняется тем, что на данный момент существует только одна Исламская республика, полностью основывающаяся на коранических нормах – Исламская республика Иран. Однако это шиитское государство, а в суннитских государствах если и реализуются нормы шариата, то только в повседневной юридической практике, но не в области государственного строительства.

Иллюзия формирования идеального исламского государства на территориях, подконтрольных ИГ, создается прежде всего с помощью внешнего соблюдения террористами основных принципов, заложенных в Коране. Так, например, несмотря на то, что большинство западных и российских политологов и СМИ титулуют главу Исламского государства Абу Бакра аль-Багдади как «самопровозглашенного халифа», из-за строгой конспирации в этой террористической организации нельзя с уверенностью утверждать, что в её рамках не происходил выбор халифа муджтахидами согласно принятым процедурам и правилам. Более того, есть все основания полагать, что такие выборы проводились, пусть даже и формальным образом, поскольку, как уже говорилось выше, ИГ критически важно создавать видимость соответствия выбранной модели.

В остальном же структура ИГ почти полностью повторяет структуру исторического халифата. Доклад Ричарда Барретта, старшего вице-президента международной фирмы стратегическо-

го консультирования The Soufan Group, (TSG) «Исламское государство» [11] сообщает, что Абу Бакр аль-Багдади, как и полагается халифу, не управляет общиной единолично, а опирается на помощь ряда советов. Ключевыми советами Исламского государства являются Совет Шура (или просто Совет) и Совет Шариата. Шура – это фактически правительство Исламского государства, отвечающее за связь халифа с общиной и промежуточными управленческими звеньями, а также за имплементацию его решений [11, 29, 30]. Совет Шариата призван контролировать халифа, проверяя его действия, действия Шуры и принимаемые ими законы на соответствие Корану и Сунне. Кроме того, считается, что именно Совет Шариата избирает нового халифа, а сегодня, судя по всему, играет роль коллективного халифа, поскольку есть основания полагать, что Абу Бакр аль-Багдади был парализован в результате ранения при атаке войск антитеррористической коалиции в марте 2015 г. [12]. Таким образом, ИГ, очевидно, соблюдает принцип «шура», заложенный в Коране и Сунне.

Что касается законов, которые Исламское государство устанавливает для своего населения, то о них известно только из редких документов, появляющихся в СМИ, и из рассказов беженцев и перебежчиков. Таким образом, достоверные сведения о правовой практике в Исламском государстве практически отсутствуют. Однако всё увеличивающийся поток беженцев с подконтрольных ИГ территорий, возникновение на этих территориях бунтов и восстаний, редкие съемки повседневной жизни в Исламском государстве, а также ролики о массовых

казнях, создаваемые самими террористами, позволяют с уверенностью говорить о жестоком тоталитарном режиме, функционирующем в этом квазигосударстве.

В то же время ИГ хотя бы внешне стремится соответствовать нормам шариата даже в отношении представителей иных конфессий, если они покорны. Так, например, в прессу попал документ Исламского государства, регламентирующий положение христиан в сирийском городе Эль-Карьятейн. Согласно этому документу, христианам хоть и запрещалась любая публичная демонстрация приверженности своей вере, включая строительство новых церквей, им всё же гарантировалась «государственная» защита при условии выполнения всех правил и после уплаты специального налога [6]. Впрочем, недавнее освобождение Эль-Карьятейна продемонстрировало, что даже столь «привлекательные» с точки зрения ИГ условия не могли устроить христиан, и все они покинули город.

Что до ситуации в Ираке, то, по сообщениям местного беженца, опубликованным в Independent, ИГ на захваченных территориях, населенных преимущественно суннитами, восстанавливает больницы, подключает генераторы и ремонтирует инфраструктуру, которая была разрушена ещё во время американского вторжения и которую не восстанавливали официальные шиитские власти страны [13].

Таким образом, ИГ старается полностью реализовывать все функции халифата на подконтрольных территориях, при этом блага предоставляются в первую очередь радикальным мусульманам-суннитам, тогда как

остальное население преследуется по религиозному признаку в той или иной форме, вплоть до физического уничтожения с особой жестокостью, что вовсе не предусмотрено шариатом. Кроме того, в выступлениях и заявлениях Абу Бакра аль-Багдади постоянно звучит, что ИГ является единственным истинно исламским государством [10], а потому должно быть прекращено функционирование эмиратов (временных государственных образований, предвосхищающих создание халифата [7, с. 54]), включая все ныне существующие мусульманские страны. Образ Исламского государства как истинного халифата, формируемый PR-специалистами ИГ, активно транслируется в подконтрольных группировке СМИ и мировых социальных сетях.

По мнению автора, умелое использование салафизма в сочетании с профессиональным пиаром Исламского государства в значительной мере объясняет чрезвычайную успешность группировки и её поддержку со стороны определённых суннитских групп населения Ирака, Сирии, Ливии, Египта, а также со стороны различных исламистских террористических группировок, действующих в Африке, Средней Азии, на Кавказе и т. д. Руководство ИГ, предлагая мусульманам салафитскую социально-политическую концепцию, удовлетворяет их потребность в сильном государстве, отстаивающем интересы мусульман, чьи страны подверглись иноземным вторжениям различного характера и фактически лишены права на государственный суверенитет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евсеев В., Зинин Ю. «Исламское государство». История возникновения и прогноз [Электронный ресурс] // Институт геополитики профессора Дергачева: [сайт]. URL: http://www.dergachev.ru/geop_events/170315.html#.VjXpuFVOJnw (дата обращения: 29.01.2017).
2. Желенин А. Интервью с Галкиной Е.: «Исламское государство имеет шанс на признание» [Электронный ресурс] // Росбалт: [сайт]. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2015/02/05/1365157.html> (дата обращения: 29.01.2017).
3. Коран / под ред. Б.Я. Шидфара. М.: Умма, 2003. 658 с.
4. Ларина Е. Анатомия ИГИЛ [Электронный ресурс] // Информационное агентство "Regnum": [сайт]. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1879554.html> (дата обращения: 29.01.2017).
5. Машков И.Г. Салафизм [Электронный ресурс] // Южный федеральный университет. Наука и образование против террора: [сайт]. URL: <http://scienceport.ru/library/liball/4989-salafizm> (дата обращения: 29.01.2017).
6. Нофал Ф. ИГ огласило правила проживания христиан на подконтрольных территориях [Электронный ресурс] // Православие.ru: [сайт]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/81903.htm> (дата обращения: 29.01.2017).
7. Пашков Р. Доктринальные основы исламского государства // Вопросы гуманитарных наук. 2011. № 1(51). С. 50–65.
8. СМИ: «Исламское государство Ирака и Леванта» создает «Исламский халифат» [Электронный ресурс] // ТАСС: Международная панорама: [сайт]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1287124> (дата обращения: 29.01.2017).
9. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер: [сайт]. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Islam/Syk_Pravo/02.php (дата обращения: 29.01.2017).
10. Тлисова Ф. ИГИЛ возрождает «халифат» [Электронный ресурс] // Голос Америки: [сайт]. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/ft-isil-is/1948818.html> (дата обращения: 29.01.2017).
11. Barrett R. Islamic state. New York: The Soufan Group, 2014. 60 p.
12. Chulov M. Isis leader incapacitated with suspected spinal injuries after air strike [Electronic Source] // The Guardian: [site]. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/may/01/isis-abu-bakr-al-baghdadi-incapacitated-suspected-spinal-injuries-iraq> (request date: 29.01.2017).
13. Cockburn P. Isis, a year of the caliphate: Day-to-day life in the 'Islamic State' – where any breach of restrictive, divinely inspired rules is savagely punished [Electronic Source] // Independent: [site]. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/isis-a-year-of-the-caliphate-day-to-day-life-in-the-islamic-state-where-any-breach-of-restrictive-10348151.html> (request date: 29.01.2017).

REFERENCES

1. Evseev V., Zinin Yu. "Islamic State". History and Forecast. In: *Institut geopolitiki professora Dergacheva* [Dergachev Geopolitics Institute]. Available at: http://www.dergachev.ru/geop_events/170315.html#.VjXpuFVOJnw (accessed 29.01.2017).
2. Zhelenin A Interview with Ye.Galkina: "Islamic State has a Chance for Recognition". In: *Rosbalt*. Available at: <http://www.rosbalt.ru/main/2015/02/05/1365157.html> (accessed 29.01.2017).
3. Shidfar B.Ya., ed. *Koran* [The Quran]. Moscow, Ummah. Publ., 2003. 658 p.

4. Larina E. The Anatomy of ISIS. In: *Informatsionnoe agentstvo Regnum* [News Agency Regnum]. Available at: <http://www.regnum.ru/news/polit/1879554.html> (accessed 29.01.2017).
5. Mashkov I.G. Salafism. In: *Yuzhnyi federal'nyi universitet. Nauka i obrazovanie protiv terror* [Southern Federal University. Science and Education against Terror]. Available at: <http://scienceport.ru/library/liball/4989-salafizm> (accessed 29.01.2017).
6. Nofal F. ISIS Announced Policies for Christians on the Territories under Their Control. In: *Pravoslavie.ru*. [Orthodoxy.ru]. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/news/81903.htm> (accessed 29.01.2017).
7. Pashkov R. Doctrinal Foundations of the Islamic State. In: *Voprosy gumanitarnykh nauk* [Humanitarian Issues], 2011, no. 1(51), pp. 50–65.
8. Mass Media: Islamic State of Iraq and the Levant Creates “Islamic Caliphate”. In: *TASS: Mezhdunarodnaya panorama* [TASS: International Panorama]. Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1287124> (accessed 29.01.2017).
9. Syukiyainen L.R. The Muslim Law. Issues of Theory and Practice. *Biblioteka Gumer* [Gumer's Library]. Available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Islam/Syk_Pravo/02.php (accessed 29.01.2017).
10. Tlisova F. ISIS Revived the Caliphate. In: *Golos Ameriki* [Voice of America]. Available at: <http://www.golos-ameriki.ru/content/ft-isil-is/1948818.html> (accessed 29.01.2017).
11. Barrett R. Islamic State. New York, The Soufan Group Publ., 2014. 60 p.
12. Chulov M. ISIS Leader Incapacitated with Suspected Spinal Injuries after Air Strike. In: *The Guardian*. Available at: <http://www.theguardian.com/world/2015/may/01/isis-abu-bakr-al-baghdadi-incapacitated-suspected-spinal-injuries-iraq> (accessed 29.01.2017).
13. Cockburn P. ISIS, a Year of the Caliphate: Day-to-Day Life in ‘Islamic State’ – Where any Breach of Restrictive, Divinely Inspired Rules is Savagely Punished. In: *Independent*. Available at: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/isis-a-year-of-the-caliphate-day-to-day-life-in-the-islamic-state-where-any-breach-of-restrictive-10348151.html> (accessed 29.01.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сурина Виктория Алексеевна – соискатель учёной степени кандидата наук кафедры философии Балтийского государственного технического университета им. Д.Ф. Устинова;
e-mail: victoria-sur@ya.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria A. Surina – Postgraduate Student at the Department of Philosophy at Baltic State Technical University “VOENMECH” named by D.F. Ustinov;
e-mail: victoria-sur@ya.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сурина В.А. Социально-философская концепция исламского государства и её использование террористической группировкой Исламское государство (ИГ) для собственного позиционирования в мусульманском обществе (Умме) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 64–71.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-64-71

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Surina V.A. The Socio-Philosophical Concept of Islamic State and Its Use by Islamic State Terrorist Group (ISIS) for Self-Positioning in the Muslim Society (Ummah). *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 2, pp. 64-71.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-64-71

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091) (44) «20»

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-72-81

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В РАБОТАХ МИШЕЛЯ ФУКО

Глинский А.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В этой статье осуществляется попытка раскрыть и проследить генезис понятия "власть" через призму истории социальных отношений внутри европейской культуры в интерпретации французского философа постмодернистского направления Мишеля Фуко на примере таких его произведений, как «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» и «Omnes et singulatim: к критике политического разума», с тем, чтобы показать специфику рассмотрения феномена власти французским мыслителем XX в. Автор обозначает принадлежность Фуко к определённой традиции мышления, что в достаточной мере обуславливает концепцию власти французского мыслителя. Осуществляется попытка рассмотреть в работах Фуко, избранных автором, исследуемый феномен с тем, чтобы выявить неопределенность феномена власти. Анализируются такие работы Фуко, как «К критике политического разума» и «Надзирать и наказывать». Автор приходит к выводу, что понятие "власть" у Фуко раскрывается посредством анализа властных отношений и что французский мыслитель исследует феномен власти номиналистически.

Ключевые слова: структурализм, постструктурализм, власть, наказание, знание, истина, генеалогия, дискурс.

THE PROBLEM OF POWER IN MICHEL FOUCAULT'S WORKS

A. Glinsky

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. This article is an attempt to reveal and trace the genesis of the concept of power through the prism of the history of social relations within European culture interpreted in such works by the French postmodernist Michel Foucault as "Discipline and Punish. The Birth of

© Глинский А.В., 2017.

the Prison” and “Omnes et Singulatim: Towards a Criticism of ‘Political Reason’” to show the philosopher’s specific vision of the concept. This vision can be related to a certain tradition of thinking that determines it. Based on the analysis of the above mentioned works the author of the article comes to the conclusion that Foucault’s vision of power is quite uncertain and rendered nominalistically through power relations.

Keywords: structuralism, post-structuralism, power, punishment, knowledge, truth, genealogy, discourse.

Мишель Фуко – один из первых французских философов, проделавших путь от структурализма к постструктурализму, по сути, распространивший новое умонастроение за пределы Франции.

Известно, что постструктурализм был распространен главным образом во Франции и США. Постструктурализм – это и выявление скрытого в структурализме, и следствие внутреннего изменения в структурализме, и его «вторая волна». Постструктурализм – это безусловная реакция на структурализм [1, с. 300]. Собственно, когда обозначились способы, при помощи которых было возможно помыслить «изнанку» структуры, тогда и были заданы конкретные возможности постструктурализма [1, с. 300]. Под «изнанками» структуры здесь понимается то, что «в структуре подвергается отрицанию» [1, с. 300]. Так, по мысли Н.С. Автономовой, у Фуко из структуры мы выпадаем в послеструктуру – социально-политическое пространство игр власти [1, с. 300]. Постструктурализм возможен как воплощение духа противоречия (в противоположность духу гармонии, который воплощает в себе структурализм); в нём мы находим абсолютизацию различия как такового, которое было изъято из системы противопоставлений, придающей структурализму смысловую нагрузку. По сути, творчество

таких мыслителей, как Делёз, Лиотар, Бодрийяр, рождало совершенно неожиданные, яркие сочетания (в числе их и Фуко). Это была философия, которая не пыталась превзойти метафизику и в то же время не отбрасывала её [7, с. 60, 61]. Фуко в своих исследованиях механизма власти и нормирующих практик, порождающих знание, формирует идеи, характерные для постструктурализма [1, с. 300], которые, в свою очередь, объединяют «эмоция сомнения, критика субъекта, присутствия (наличия), представления, элементы релятивизма и скептицизма» [1, с. 300]. Как пишет Н.С. Автономова, «абсолютизация «различия» позволяет назвать всё в постструктурализме в том или ином смысле интертекстуальным – цитатным, аллюзивным, перекликающимся через голову эпох и веков» [1, с. 300]; и наиболее привлекательным интертекстуальным взаимодействием становится пересечение литературных текстов с философскими. Постструктуралистский подход также позволяет скрестить такие области, как политэкономия, социология, антропология, психоанализ, а значит, становится возможно рассмотреть столь сложное междисциплинарное явление, как власть.

Генеалогия «власти–знания» представлена двумя главными работами М. Фуко: «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975; рус. пер.

1999) [10] и «Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности» («История сексуальности», т. 1, 1976; рус. пер. 1996) [9], где Фуко раскрывает технику воспроизведения власти. Отношения господства – подчинения воспроизводятся на уровне отношений языковых выражений к обозначаемым объектам власти. Любой коммуникационный акт, по мнению Фуко, пронизан властными отношениями, поскольку коммуникация, даже в самом упрощенном варианте – как акт прямой передачи информации, предполагающий, по крайней мере, двух участников, – асимметрична. Используя гегелевскую диалектику взаимоотношений раба и господина, что мы встречаем не только у Фуко, изображенную Гегелем в его «Феноменологии духа», французский мыслитель показывает неуничтожимость и неустранимость этой асимметрии и генетическую связь асимметричных властных отношений с асимметрией по отношению к знанию. Однако, как писал французский мыслитель-эссеист Морис Бланшо, «Фуко <...> пишет очень щедро», но «является существом молчаливым» [2, с. 15]

В своих исследованиях Мишель Фуко опирается прежде всего на Ф. Ницше, который, как известно, олицетворяет «воинствующий политический аморализм» [4, с. 36]. Если в 1960-е гг. Фуко разрабатывает оригинальную концепцию европейской науки и культуры, основу которой составляет «археология знания», то в 70-е гг. в исследованиях французского мыслителя на передний план выходят отношения «знания–насилия» и «знания–власти». Развивая известную идею Ницше о «воле к власти», неот-

делимой, мотивирующей, по Ницше, также и стремление к знанию от «воли к знанию», Фуко значительно усиливает её и доводит до своеобразного «панкратизма» (всевластия). Но в отличие от иррационалиста и нигилиста Ницше Фуко не утверждает, что «неистина есть одно из условий существования человека» [3, с. 124]. В то же время мыслитель не «удовольствуется такими немудреными понятиями», как власть и знания, и их «напрашивающимися связями» [2, с. 26]. Как пишет в своей работе Бланшо, «власть – термин, удобный для полемики, но <...> непригодный, пока анализ не избавит его от <...> мешанины» [2, с. 26], что и пытается осуществить Фуко. Власть в теории Фуко перестает быть «собственностью» того или иного класса, которую можно «захватить» или «передать». Она не локализуется в одном только государственном аппарате, но распространяется по всему «социальному полю», пронизывает всё общество, охватывая как угнетаемых, так и угнетающих. Такая власть становится анонимной, неопределённой и неуловимой.

Французский мыслитель обращает внимание на изменение модели власти: в прежние времена власть суверена воплощалась в его личности и являлась безграничной властью над жизнью и смертью подданных. В Новое время изменяется система функционирования власти: она требует непрерывного и эффективного контроля и усиления роли юридических норм. Главным принципом реализации власти становится принцип анонимности, и осуществляется власть внутри общества, а не независимо от него. Такая власть тесно связана со знанием.

Знание – власть определённых индивидов, и определённые типы деятельности конституируют этих индивидов. «Власть всюду, – пишет Поль Вен, коллега Фуко и толкователь его работ, – тому, что признают истинным, нужно подчиняться» [3, с. 125], и, добавляет французский историк и археолог, если не сводить власть к государству, то «её можно обнаружить практически везде» [3, с. 126].

Власть, по Фуко, в качестве познания сама формирует свой предмет. Она осуществляет свои функции путём изучения своих объектов, их классификации, установления определённых соответствующих норм в рамках определенных дисциплинарных институтов. Истина, Разум и Субъективность раскрываются как стратегии развертывания власти.

В своей статье «*Omnes et singulatim* (Всех вместе и каждого в отдельности – А.Г.): к критике политического разума» (1979) [11] Фуко рассматривает историю возникновения понятия власти, а также предлагает своё видение возникновения и функционирования государства. Роль разума или, наоборот, нехватка разумного начала в политических структурах в XIX в. всегда, согласно Фуко, критиковалась, и, таким образом, одной из задач Просвещения было приумножение политической власти посредством разума. Рациональность, понятие, которое с первых страниц статьи Фуко фигурирует как основополагающий принцип функционирования власти, требует своей расшифровки. Рациональность, по мысли философа, пришла к власти благодаря философии.

После Канта, который «воспрепятствовал выводу разума за преде-

лы того, что дано в опыте» [11, с. 285], вместе с развитием современных государств и политически организованного общества роль философии, согласно Фуко, заключалась в надзоре за злоупотреблениями политической рациональности со стороны власти, что, в свою очередь, «придало философии поразительное долголетие» [11, с. 285].

Фуко в этой работе устанавливает взаимосвязь между рационализацией и злоупотреблениями политической властью, анализирует столкновения с бюрократией и факт появления концентрационных лагерей. Философ предлагает следующие способы исследования взаимосвязей между рационализацией и властью, такие как:

1) рассмотрение того, как рационализуется общество в целом и культура в целом, исследуя при этом опыт безумия, болезни, смерти, преступления, сексуальности и т. д.;

2) раскрытие того, каким именно типом рациональности воспользовались рационализаторы;

3) обращение к тем временам, которые предшествовали эпохе Просвещения, несмотря на то, что последняя была «крайне важной фазой в нашей истории в целом и в развитии политической технологии в частности» [11, с. 287].

Фуко трактует проблему «идентичности» в контексте проблемы «индивидуализирующей власти» [11, с. 287]. Тем самым для Фуко важно показать, как развиваются технологии власти, «обращенные к отдельному индивиду» [11, с. 287] и предназначенные «управлять им последовательно и непрерывно» [11, с. 287]. Отсюда, по Фуко, мы подходим к пастырству как к выражению «индивидуализирующей власти»,

если под государством мы понимаем выражение централизованной и централизующей власти.

Затрагивая основные исторические сюжеты, типичные для пастырской власти, французский мыслитель отмечает то, что в древнегреческую и древнеримскую эпоху, по крайней мере, в политических текстах, отсутствует представление о том, что божество, царь и вождь – это пастух. Иное дело обстоит с ближневосточными цивилизациями древности: Египтом, Ассирией и Иудеей. Там, по мысли Фуко, мы встречаем «пастыря человека» [11, с. 294] – это либо Бог, либо божество, либо фараон, царь, вождь. И естественна ассоциация между Богом и верховным правителем: «у них одно и то же стадо, за которым они наблюдают» [11, с. 288]. Иудейская трактовка пастырской власти проработана глубже и основательнее: «Бог и только Бог является пастырем народа своего» [11, с. 288].

В этом месте своей работы французский философ подводит к выявлению различий, которые мы находим, сравнивая древнегреческую и древневосточную трактовки власти:

1) «Пастырь властвует скорее над стадом, чем над землей» [11, с. 289]; у греков же «боги владели землей, и взаимодействие между людьми и богами определяла изначальность владения» [11, с. 289];

2) для осуществления пастырской власти необходимо постоянное присутствие его носителя; в государственной же сфере правителю достаточно создать правильные законы, которые позволили бы существовать полису в дальнейшем и без правителя [11, с. 289].

3) различаются также способы спасения подданных: Бог-пастырь участвует в жизни каждого пасомого, он «бдит за тем, чтобы все без исключения овцы были накормлены и целы» [11, с. 289], у богов же Олимпа «не просили поддержания паствы день ото дня» [11, с. 289], но плодородной почвы и богатого урожая. Фуко здесь приводит талмудическое толкование Исхода: почему бог Яхве избрал Моисея как пророка и спасителя еврейского народа – Моисей оставил свое стадо ради одного-единственного заблудшего агнца. Вот пример участия пастыря: все без исключения овцы должны быть накормлены и целы. Похожий эпизод пастырской любви, но уже в Новом завете, мы встречаем в притче о блудном сыне, в котором реализуется принцип *last but not least*¹. Пастырский замысел относительно паствы заключается, по Фуко, в следующем: «её надо либо привести к хорошему пастбищу, либо вернуть в овчарню» [11, с. 289].

4) и, наконец, различие, связанное с идеей власти как «долга». В греческом полисе правитель принимает решение, учитывая всеобщий интерес, но при этом его жертва щедро вознаграждалась. Так, если он пал в бою смертью храбрых, то ценным даром было бессмертие. Пастырское же служение, по сути, близко, как пишет Фуко, к самоотверженности. Отсюда и тема «бдения»: пастырь «действует, трудится и входит в расходы ради своих спящих питомцев» [11, с. 290]. Здесь Фуко опять приводит пример из талмудического текста, в котором говорится о том, как Моисей кормил баранов своего стада: отпускал по возрастному

¹ «Последнее по порядку, но не по важности» [11, с. 289].

критерию с тем, чтобы молодые пощипали «самую нежную травку», а более взрослые и совсем старые «самую жесткую траву» [11, с. 290].

Как далее отмечает Фуко, это важно в связи с тем, что феномен «индивидуализирующей власти» проник в плоть и кровь христианской европейской культуры и прослеживается вплоть до современности. По мысли Фуко, европейские общества, возникшие на заре христианской эры, оказались наиболее агрессивными и захватническими, создав тем самым «странную технологию власти, признающую подавляющее большинство людей стадом, управляемым горсткой пастырей» [11, с. 291].

Фуко пытается определить генеалогию пастырства в древнегреческой мысли. Впервые, по мысли философа, модель пастырства мы встречаем в пифагорейских текстах. Как пишет Фуко в своей работе, «политическая метафора пастуха не возникает ни у Исократа, ни у Демосфена, ни у Аристотеля» [11, с. 292]. Идея правителя-пастуха у Платона обстоятельно критикуется Фуко. Последним предлагается то, что идея пастырства более или менее развита Платоном как пифагорейский сюжет. «Политика» Платона является, по мысли Фуко и по сути, рефлексией античности по поводу пастырства, одновременно, как полагают современные исследователи, это и литературное произведение наряду с «Государством», в котором «выделяются и обосновываются основные признаки идеального государства» [8, с. 31]. Пастырями можно назвать, по Платону, лишь музыканта, врача, педагога и т. п., но не политика, т. к. где он найдёт время для того, чтобы посещать каждого в отдельности, улаж-

дать каждого музыкой или заботиться о каждом в случае болезни [11, с. 295]. Задача политика – это создание и упрочение единства государства. Так, делает вывод Фуко, проблема политики у Платона – это проблема отношений между единством и множеством в рамках полиса и его граждан, а проблема пастырства касается жизни индивидов [11, с. 296]. Отсюда и современное растождествление власти политической и власти пастырской. Под первой Фуко понимает правовые рамки сообщества, а под второй – способность обеспечивать жизнедеятельность всех и каждого, изменяя их удел к лучшему [11, с. 296].

В дальнейшем в своей работе французский философ пытается проследить эволюцию пастырства или, что то же самое по Фуко, технологию власти на всём протяжении христианства. Так, он приходит к выводу, что во всех своих различного рода взаимопереплетениях практика (безумие, болезнь, преступление, сексуальность, идентичность), знания (психиатрия, медицина, криминалистика, сексология и психология) и власть порождают нечто демоническое и невероятное. Для Фуко все вышеперечисленные опыты-практики являются основополагающими, которые, по его мнению, должны быть в какой-то степени связаны с познанием и властью [11, с. 300].

Наряду с пастырской властью, в качестве следующего этапа в развитии «политической рациональности» [11, с. 317] автор «*Omnes et singulatim...*» выдвигает доктрину *государственного интереса* (*raison d'Etat*), включающую в себя принципы и методы государственного управления и *теорию политики*, которая определяет природу

объектов рациональной деятельности государства.

В целом, Фуко в своей работе «К критике политического разума» [11] выводит следующее:

1) власть – это «всего лишь частный тип отношений между индивидами» [11, с. 315]; этот частный тип Фуко отличает от торговых и производственных отношений, от коммуникации вообще. Речь идёт о различной степени контроля поведения других людей. «Не существует власти без потенциального отказа или сопротивления» [11, с. 315], без принуждения и насилия. И власть существует лишь при наличии потенциального отказа или сопротивления;

2) власть предполагает «определённую форму рациональности» [11, с. 316], исключая тем самым физическое насилие;

3) критика власти не должна ограничиваться критикой соответствующих институтов, а «необходимо поставить под вопрос соответствующую форму рациональности» [11, с. 316];

4) государство есть самая примечательная и самая страшная форма управления людьми [11, с. 317].

В другой своей работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975) [10], исследуя кратко историю практики отправления наказания, Фуко замечает, что «знание, методы, “научные” дискурсы формируются и постепенно переплетаются с практикой власти наказывать» [10, с. 19]. Философ стремится показать, как «власть наказывать находит себе основания, обоснование и правила, благодаря которым она расширяет свои воздействия и маскирует своё чрезмерное своеобразие» [10, с. 19]. Карательные техники суть часть методов отправления

власти, а наказание выступает определенной политической тактикой [5, с. 199]. Технология власти лежит в основании гуманизации уголовного права и познания человека.

Исследуя микрофизику власти, Фуко определяет власть через стратегию, а это значит, что речь идёт о механизмах, манёврах, тактиках и т. д., и т. п. Там, где есть напряжение, наблюдаются столкновения, налицо опасная ситуация «временного изменения соотношения сил» [10, с. 40], в так называемой точке бифуркации Фуко постулирует властные отношения. Знание и власть непосредственно предполагают друг друга – власть порождает знание, знание образует отношения власти. Посредством борьбы, которая пронизывает отношения власти–знания, возникают соответствующие формы и области знания [10, с. 43]. Именно карательные практики порождают знание, которое становится субстанцией власти. Так, пытки, практикуемые в уголовно-судебной системе, раскрывали истину и демонстрировали действие власти. Вплоть до наших дней, пишет Фуко, отношение «истина–власть» остаётся в центре всех карательных механизмов.

Человек также становится мерой власти. В настоящее время, по Фуко, мы сталкиваемся с настоящей «экономией власти», когда речь идёт о её более или менее равномерном распределении так, чтобы она «могла действовать повсюду и непрерывно, вплоть до мельчайшей частицы социального тела» [10, с. 116], и это достигается путём снижения «её экономической и политической себестоимости» [10, с. 117]. Экономия власти проявляется в практике отправления наказания, и Фуко приводит следующие правила:

1) с идеей преступления связывалась идея невыгоды;

2) «боль» от идеи «боли»;

3) наказание воздействует на тех, кто ещё не совершил поступка;

4) мысль неразрывно связана с мыслью о наказании;

5) принцип верификации преступлений – презумпция невиновности;

6) ясная кодификация преступлений и наказаний.

Так рождается тюрьма – место, где формируется покорный субъект, подчинённый власти; предпочтение в организации власти отдаётся «муштруемому телу» [10, с. 193]. И это было связано с тем, что оказалось возможным детально контролировать действия тела, подчинение его сил и навязывание телу отношений послушания-полезности. С экономической стороны силы тела увеличиваются, а с точки зрения политики – уменьшаются. Индивиды распределяются в пространстве, их действия контролируются, тем самым возникает новый объект-тело власти, что требует новых форм его познания.

В заключение можно сказать, что в своей работе «Надзирать и наказывать» [10] Фуко рассматривает власть в качестве надзорной иерархии, действующей как механизм. К ранее существовавшим властям: Закона, Слова

и Текста, Традиции – присоединяется Наказание. Вездесущность власти опосредована её отовсюдностью (а не всеохватностью).

Итак, мы можем сказать, что у Фуко отсутствует обстоятельное и завершенное рассмотрение власти как таковой. По сути, Фуко интересуется не то, что такое власть, а то, как она функционирует. Ибо метафизика власти – это тоже часть властного воздействия [6, с. 482]. Некоторые исследователи предполагают, что в рамках концепции власти Фуко следует говорить не о власти, а о властных отношениях [6, с. 483]. Фуко жестко разграничивает власть и физическое насилие, а значит, любое восстание против власти есть её продолжение. Более продуктивной, по мысли французского мыслителя, является критика самих основ политической рациональности. Невозможна, по Фуко, и теоретизация власти, но лишь по поводу власти. С другой стороны, важен сам процесс концептуализации, без которого невозможна аналитическая работа. И, наконец, мы можем сказать, что Фуко, исследуя феномен власти, отказывается от универсальной нормативности и использует принцип номинализма, т. к. власть представляет собой, по мысли философа, многообразную реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н.С. Постструктурализм // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 299–301.
2. Бланшо М. Мишель Фуко, каким я его себе представляю / пер. с фр. и послеслов. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2002. 96 с.
3. Вен П. Фуко. Его мысль и личность / пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: Владимир Даль, 2013. 195 с.
4. Глинский А.В. Проблема соотношения политики и морали // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 3. С. 32–39.

5. Грицанов А.А., Абушенко В.Л. Мишель Фуко. Минск: Книжный Дом, 2008. 320 с.
6. Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя, 2010. 672 с.
7. Иванова А.С. Социально-антропологическая проблематика в философии постмодернизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 3. С. 54–63.
8. Песоцкий В.А. Философема в структуре философского знания: опыт классификации философем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 2. С. 22–35.
9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет / пер. с франц. С. Табачниковой общ. ред. А. Пузырея. М.: Касталь, 1996. 448 с.
10. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem Press, 1999. 478 с.
11. Фуко М. Omnes et singulatim: к критике политического разума // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3 ч. Ч. 2 / пер. с фр. И. Окуневой, общ. ред. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2005. С. 285–317.

REFERENCES

1. Avtonomova N.S. *Poststructuralism. Novaya filosofskaya entsiklopediya. T. 3* [Poststructuralism. New encyclopedia of philosophy. Vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., pp. 299–301.
2. Blansho M. *Mishel' Fuko, kakim ya ego sebe predstavlyayu*. [Michel Foucault as I Imagine Him]. St. Petersburg, Machina Publ., 2002. 96 p.
3. Veyne P. *Fuko. Ego mysl' i lichnost'*. [Foucault. His Thought and His Character]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2013. 195 p.
4. Glinskii A.V. The problem of the relation of politics and morality. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 3, pp. 32–39.
5. Gritsanov A.A., Abushenko V.L. *Mishel' Fuko* [Michel Foucault]. Minsk, Knizhnyi Dom Publ., 2008. 320 p.
6. D'yakov A.V. *Mishel' Fuko i ego vremya* [Michel Foucault and His Time]. St. Petersburg, Ale-teiya Publ., 2010. 672 p.
7. Ivanova A.S. Socio-anthropological problematics in the philosophy of postmodernism. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 3, pp. 54–63.
8. Pesotskii V.A. Philosopheme in the Structure of Philosophical Knowledge: the Experience of Philosopheme Classification. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 2, pp. 22–35.
9. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti: raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of different years]. Moscow, Kastal' Publ., 1996. 448 p.
10. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish. The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 1999. 478 p.
11. Foucault M. Omnes et Singulatim: Towards a Criticism of 'Political Reason'. In: *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. Ch. 2*. [Foucault M. Intellectuals and Power: Selected political articles, speeches and interviews. P. 2]. Moscow, Praksis Publ., 2005, pp. 285–317.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глинский Андрей Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: a.v.glinsky@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Glinsky – PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy at Moscow Region State University;
e-mail: a.v.glinsky@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Глинский А.В. Проблема власти в работах Мишеля Фуко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 72-81.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-72-81

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Glinsky A.V. The Problem of Power in Michel Foucault's Works. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 2, pp. 72-81.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-72-81

УДК 1(091)+13+123+128

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-82-93

ЛИЧНОСТЬ РАННЕГО ЛОСЕВА – ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ

Колесниченко Ю.В.*Институт деловых коммуникаций**125080, г. Москва, ул. Кипренского, д. 10, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлен опыт философского портретирования личности великого русского философа А.Ф. Лосева на основе положения формирования ментальности учёного в казачьей среде. В процессе исследования автором применяется методика портретирования русской философско-психологической школы (П.А. Флоренский, А.Ф. Лазурский, С.Л. Франк, М.М. Бахтин, Г.Г. Шпет, Л. Карсавин, М.М. Рубинштейн, С.Л. Рубинштейн, Н.С. Трубецкой, А.А. Ухтомский). Доказывается положение, что ментальные особенности личности Лосева как философа сформировались под влиянием казачьего менталитета.

Ключевые слова: А.Ф. Лосев, казачество, казачий менталитет, философский портрет, русская философско-психологическая школа, символ, образ, личность.

A. LOSEV'S EARLY YEARS – AN EXPERIENCE OF PHILOSOPHICAL PORTRAYING

Yu. Kolesnichenko*Institute of Business Communications**10, Kiprenskogo st., Moscow, 125080, Russian Federation*

Abstract. The article presents an experience of the philosophical portraying of the great Russian thinker Alexey Losev in respect to his mental growth in the Cossack environment. In the study the author uses a methodology of the Russian philosophical-psychological school (P. Florensky, A. Lazursky, S. Frank, M. Bakhtin, G. Shpet, L. Karsavin, M. Rubinstein, S. Rubinstein, N. Trubetskoy, A. Ukhomsky) and proves that the features of Losev's philosophical personality were formed under the influence of the Cossack mentality.

Keywords: Alexey Losev, the Cossacks, the Cossack mentality, philosophical portrait, Russian philosophical-psychological school, symbol, image, personality.

В России никогда не угасал интерес к научному освоению реалистичных и целостных образов великих исторических фигур. В различных областях человеческого знания и деятельности довольно часто используется ряд понятий, в которых ключевым является слово «портрет». Сам термин «психологический портрет» указывает на существенный аспект его содержания – субъективную, личностную характеристику отображаемого человека.

Психологический портрет как метод представляет собой средство интеграции сведений о качествах исторической личности в их связи с её объективными биологическими основаниями и социальной историей. Наряду с этим он является инструментом системной психологической интерпретации. Портрет как результат отражает духовный мир личности, её содержание, ментальные отличия, когнитивные, эмоциональные, мотивационные и волевые свойства, а также особенности её деятельности и поведения. Таким образом, портрет создаётся как интегративная модель личности, как сочетание его базовых личностных оснований.

Психологический портрет в мировой культуре и науке получил своё развитие в XIX в. В России, равно как и на Западе, психологическое портретирование имеет свои теоретико-методологические традиции.

В Европе начала XX в. портретирование личности приобрело известность благодаря популярности теории психоанализа З. Фрейда.

В России портретирование исторически значимых деятелей зарождалось во второй половине XIX в. У его истоков стоял В.О. Ключевский [9]. В этом начинании у него были предшественники – Н.М. Карамзин и Н.И. Костомаров. К окончанию столетия стала складываться отечественная традиция портретирования исторически значимой личности.

Портрет значимой исторической личности, создаваемый посредством любой методологии, по своей природе контекстуален и всегда создаётся на фоне многомерной среды. Портрет существует в определённом историче-

ском, физическом, культурном, ментальном, политическом и, наконец, духовном и философском пространстве. Он связан с этими пространствами и имплицитно или эксплицитно включает в себя эти пространства, отражает и выражает их. Портрет связан с авторами и пользователями, при этом он связывает первых и вторых. В этом смысле, следуя за У. Джеймсом [7], мы можем говорить о законе контекста, в соответствии с которым глубинное понимание личности, осуществление её изучения и портретирования невозможно без учёта и осмысления контекстов, в которых происходит её развитие и бытие.

Портрет деятеля культуры живёт в реальном времени и во времени историческом. Он всегда воссоздает дух своей эпохи, отражает философию понимания сути человека и в этом смысле интересен людям будущего. Опираясь на идею *хронотопа* М.М. Бахтина [2, с. 9], мы можем говорить о том, что портрет всегда хронотопичен, в нём важно выражение неразрывности пространства, смыслового, духовного и онтологического наполнения времени той или иной эпохи, которую отражает человеческая личность. В этом смысле портрет философичен, онтологичен.

Портретирование в традициях русской философско-психологической школы с опорой на теорию образности использует каноны иконописного творчества. В своих главных принципах: целостности отражаемого объекта, иерархическом выстраивании описательной композиции – целостность структуры превалирует над аналитической установкой. Изначальный смысл, идея, тон и методы портретирования задают алгоритм заключи-

тельного синтеза как итогового содержания портрета. Аналитическая составляющая носит здесь всегда подчиненный характер и не стремится к самодостаточной полноте [15].

Отечественная философская портретология изначально базируется на идее внутреннего *эйдоса* Платона. Его *внутренний эйдос*, или, по В.В. Бычкову, *визуализированная идея архетипа*, работает на выявление сущностной основы конечного результата портретирования, условно законченного портрета. Изображение и архетип подобны друг другу по форме, но отличаются от него по сути. Изображение тождественно образу, но отличается по значению сущности [5, с. 198]. Поэтому в византийской традиции, в частности, у Феодора Студита (759–826), это есть идея *онтологического портрета* человека, «а не сиюминутное состояние его внешности, отражающего, в частности, и душевные движения» [5, с. 202].

Истинное портретирование должно с необходимостью строиться на теории образности, т. е. на предпосылке целостного схватывания идеи портретируемого прежде детализации его характерных личностных черт. Образность как предустановленный синтез, *синкретия* идеи портретируемого есть основополагающее качество, условие портрета, принципиально отличающее его от иных, дискретных аналитических практик прикладной психологии.

Портретирование с необходимостью истолковывает личность по *аксиологическому принципу* по мере разворачивания портрета во времени, что выражается в символизме форм. Символическое по внутреннему призыванию своему – ресурс теургический, божественный, который реализуется

как некое магическое искусство.

Портретирование возможно только в области *личностного*, высшего, т. е. философско-психологического бытия. *Индивиды* и *субъекты* как структурные компоненты личности *Я* [1] портретированию, как правило, не подлежат. Портрет – это наглядное *бытие* личности в её внутренней и внешней социальной значимости и ответственности.

Возможны различные типы портретирования личности. Первый тип – *понижающий* уровень символического отражения портретируемого до уровня характерологии, по А.Ф. Лазурскому [13]. Здесь портретирование переходит от личности, взятой в своём социальном значении, к индивиду, который проявляется в первичных, естественных, исходных особенностях человеческой природы.

Второй тип – портретирование *возвышающего* типа как **идеализация** личности вплоть до символизации этой личности, придания ей статуса символа. «Портрет, фотография, снимок могут быть как знаком-представлением, так и знаком-символом (воплощением)» [8, с. 18]. Отсюда – «духоподъёмная значимость, гуманитарная значительность» [8, с. 18] портрета.

Личность, в отличие от субъекта [1, с. 68, 75], является в мир своей предельной социальностью, в своём высшем индивидуальном предназначении. Личность есть портрет *Архиличности* [10], её лик: она сама портретирует собой Архи-личность Христа, она не изображает её и не отображает, она *являет*, являет через себя социальную, ответственную сущность «Я», сущность индивидуальную.

Портрет может стать законченным образом личности тогда, когда он проявляет в себе свою *высшую социально значимую идею*. «Портрет <...> обязательно имеет некоторую временную глубину личности, временную амплитуду внутренних движений», – пишет П. Флоренский [21, с. 244]. Философ отмечает необходимость учитывать общую траекторию, по которой смещается и реформируется дуга личностных временных изменений, так как «есть общий путь внутреннего роста личности, рассматриваемой как связанное во времени целое» [21, с. 245].

Если *временной* портрет «задаётся охватить и выразить типическую форму отдельной волны, мало изменяющуюся на сравнительно узком промежутке биографии», то «безмерно более значащей задачей портретиста было бы изображение личности в этом её общем течении» [21, с. 245].

В том случае, когда попытки охватить это «большое движение» удавались, «они выводили портрет на путь иконописи», придавая портретируемой личности *символический статус* [21, с. 244].

Портретирование есть проникновение в сущностные глубины постижения смысла деятельности личности, выстраивание целостной картины личности при условии соблюдения определенных правил органичного сочетания анализа и синтеза, при ведущей роли последнего.

Портрет исторически значимой личности всегда есть некая *идеологема*. Отсюда с необходимостью вытекают идеологическое и воспитательное свойства портрета. Портрет может стать законченным образом личности тогда, когда он проявляет в себе свою

высшую социально значимую идею. По мере усиления значимости символа в иерархии символов, заложенных в системе ценностных кодов данной цивилизации, возрастает и рассматриваемой роль конечного итога портретирования.

В методологии портретирования имплицитно содержится идея принципиального *недораскрытия* сущности портретируемой личности, но также кроется однозначное стремление к полноте осуществления этой задачи.

Портретирование личности зиждется на *законе единства сознания и деятельности*. Ф.Е. Василюк замечает, что «М.М. Бахтин, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев подчеркивали решающую роль не просто деятельности, а поступка на пути становления личности, приобретения разных степеней личности» [6, с. 161]. При этом портретирование предполагается с опорой на «пиковые поведенческие точки»: поступки, решения, конкретные проявления ценностных установок и ориентиров.

Портрет как символ философски *психологичен*, так как несёт ярко выраженную смысловую и эмоциональную нагрузку. Он призван передавать смыслы и соответствующие символические чувства, а именно те, что свойственны символической реальности в целом – способность возвышать. Портретирование рациональное, прагматическое, прикладное есть оформление портрета, своего рода его рама. Но не сам портрет. Портрет как феномен принадлежит области метафизической.

Методология герменевтического дискурса – эмпатия по отношению к объекту исследовательского инте-

реса – неотъемлемая часть процесса портретирования как особой формы эвристической деятельности. Поскольку портретирование эмпатийно, оно предполагает не беспристрастное исследование объекта субъектом, но превращение себя в другого: портретирующего в портретируемого – при соблюдении исследовательской дистанции.

Имя Алексея Федоровича Лосева, великого русского философа, рожденного 10 сентября 1893 г. в Новочеркасске, известно далеко за пределами Области Войска Донского. Сын потомственного казака, музыканта, и дочери протоиерея, мальчик с детских лет стремился к знаниям в самых различных естественно-научных и гуманитарных областях, глубоко интересовался вопросами веры. Духовное навсегда вошло в его творчество, стало стречнем его жизни, смыслом его личностного существования. Он, как и Владимир Соловьёв, не мыслил свою философию вне религиозного подвижничества, сверяя правду своей жизни с истиной религиозного знания.

Жизнь Лосева протекала в сложнейших условиях становления советской власти и её карательной идеологии, в периоды гонений и ссылок, запретов и ограничений. Учёный пережил Великую Отечественную войну и период сталинских репрессий, проведя 5 лет в лагерях, в результате чего полностью ослеп. Но воля его сломлена не была. Сам мыслитель так говорил о своей жизни: «У меня <...> целую жизнь горе: голова полна идей, а чтобы осуществить – надо было бороться и драться до крови» [4, с. 28].

А.Ф. Лосев, по своему психологическому типу являясь классическим

пассионарием, принадлежал к классу людей с необузданной энергией. Портретируя метафизику воли Алексея Федоровича, без преувеличения можно отнести его жизнь и творчество к категории подвига. Волевые качества Лосева по «психологическому контуру» относят его к «людям длинной воли» или «свободного состояния» (Л.Н. Гумилев).

Применяя вышеозначенную философско-психологическую методику портретирования относительно становления личности Алексея Федоровича Лосева в казачьей среде, выскажем следующие принципиальные соображения.

Итак, «этническая картина мира <...> – это представления человека о мире, сформировавшиеся на основании определенных культурно-ценностных доминант. Представления эти отчасти осознаваемые, отчасти бессознательные. В целом этническая картина мира есть проявление защитной функции в её психологическом аспекте. Ментальность, таким образом, выступает как совокупность бессознательных комплексов, складывающихся в процессе адаптации человеческого коллектива (этноса) к окружающей природно-социальной среде и выполняющих в этнической культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса к окружающей среде» [18]. По мнению А.В. Сопова, «бессознательные образы, включенные в систему этнических констант тем или иным образом, определяют характер действия человека в мире <...> Ментальность – это система этнических констант, которая является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир» [18]. Н.М. Раки-

тянский полагает, что ментальность заключается «в единстве эмоциональной, познавательной, волевой и духовной деятельности» [16, с. 206].

Таким образом, ментальность, в отличие от менталитета, есть матрица взаимодействия *индивида* с окружающей средой, «психический инструментарий», тот способ существования в ней, который был усвоен личностью в уникальном этническом пространстве. При смене жизненных обстоятельств устойчивая ментальность индивида манифестирует похожим образом, являясь определяющим фактором его субъектности, выступающей в качестве личностного самосознания и поведения, жизненной самодетерминации. Вырванный из социального контекста формирования субъект и в новых для себя обстоятельствах продолжает практиковать привычный, усвоенный в традиционном этническом обществе способ взаимодействия со средой. Этот факт отчётливо демонстрирует жизненный путь Алексея Федоровича, выросшего в казачьей среде.

Ментальность есть этнически детерминируемая *воля* субъекта действия. Как отмечает А.В. Сопов, «важным компонентом традиционного сознания казаков является представление о личной свободе <...> Особое место занимают представления казаков о своих традициях, среди которых они выделяют, прежде всего, свободолюбие...» [18]. Отмечается также имеющая для нашего исследования первостепенное значение «хроническая оппозиционность и противопоставление себя государству» [18].

В связи с этим интересны замечания Л.Н. Столович о том, что «Лосев своими работами 20-х гг. “вызвал огонь на

себя” [19; с. 402]. Дело не только в том, что молодой философ не проявил никакого желания и намерения приспособиться в господствующей тогда идеологии <...> Он вступил в, казалось, донкихотскую схватку с этой идеологией...» [19; с. 402].

П.Н. Лукичев и А.П. Скорик (Новочеркасск, родина А.Ф. Лосева) считают определяющим качеством ментальности казачества некую суперпассионарность, которую они определяют, как свершение действия, вплоть до самопожертвования, ради отвлеченной идеи [14, с. 44]. Что касается А.Ф. Лосева, то он относится именно к пассионарному (по П.Н. Лукичеву и А.П. Скорик – суперпассионарному) психологическому типу личности. Подтверждением истинности этого утверждения является история создания и, что ещё более важно, издания основного философского труда раннего А.Ф. Лосева «Диалектика мифа» (1930). На этапе цензурирования из работы было выброшено множество смысловых частей, имевших неоднозначное идеологическое содержание. Работа должна была выйти в свет в усечённом виде. В ночь перед выходом книги Лосев принимает решение тайно вставить в основной текст работы все вычеркнутые пролетарским цензором абзацы. Книга была напечатана в своем первоизданном виде. За непослушание властям, выраженное в столь дерзновенной форме, Алексей Федорович получил 10 лет лагерей, но никогда не раскаивался в содеянном. Учёный писал в письме к жене от 22 марта 1932 г., что задыхался от невозможности высказаться и выразиться. Он знал, что это опасно, но желание выразить себя, свою расцветавшую

индивидуальность для него, как для философа и писателя, превозмогло всякие соображения об опасности.

По мнению ученых, полиэтническое казачество вбирало в себя пассионариев со всех краёв, областей и кочевий, а это обуславливало становление суперпассионарного психологического склада характера и развитие способностей этих людей к сверхнапряжению [14, с. 44].

Вспомним о том, как работал Лосев на протяжении всей своей жизни. Супруга и соратница философа А.А. Тахо-Годи вспоминает о том, что «за кратчайший срок с 1927 по 1930 гг. (т. е. в возрасте 34–37 лет – Ю.К.) Алексеем Федоровичем было издано восемь книг <...> Это были: в 1927 году “Античный космос и современная наука” (550 стр.), “Музыка как предмет логики” (262 стр.), “Философия имени” (254 стр.), “Диалектика художественной формы” (250 стр.); в 1928 году – “Диалектика числа у Платона” (194 стр.); в 1929 году – “Критика платонизма у Аристотеля” (204 стр.); в 1930 году – первый том «Очерков античного символизма и мифологии» (912 стр.) <...> И, наконец, <...> “Диалектика мифа” (тоже 1930 г., 250 стр.)» [20, с. 8]. Работоспособность А.Ф. Лосева была колоссальной, о чём высказывался и сам философ, говоря, что этого у него не отнять.

Ментальности казаков, как подчёркивают исследователи, соответствуют такие характеристики, как культ воинственности, удалства и молодечества. Так, А.В. Сопов подчеркивает, что «стержневой казачьей ментальной идеей является отождествление мужчины и воина <...> Для представителей современной цивилизованной Европы

и Америки война – это беда, несчастье. Для казака – неустрашимый момент бытия, религиозное действие, своеобразная инициализация [18]. Ментальные исследования «горячих точек» также подтверждают основные положения о суперпассионарной природе казачьей ментальности. Отмечается, что “экспессы поля боя” русских и казаков <...> не совпадают с подобными стереотипами других этнических групп. И те, и другие <...> принимали условия боя в качестве нормальной среды обитания, демонстрируя пароксизмы безумной храбрости» [3, с. 24]. Пароксизмы храбрости отчетливо демонстрировал и Лосев. Воспитанный в казачьей среде, он искренне считал свою жизнь уникальной, наполненной смыслом и непримиримо бился за такое понимание жизни до конца. Как подчёркивала супруга Лосева А.А. Тахо-Годи, всей своей жизнью Алексей Фёдорович доказал, что «один в поле тоже воин».

Одним из ярко выраженных ментальных компонентов казачества, проявлявшихся в личности А.Ф. Лосева, являлась патриотичность его сознания.

Понятие Родины у Лосева носит отчетливо феноменологический характер, она есть выражение тотальности, являет собой онтологический топос социального, личностного бытия, бытия индивидуального. По мнению Лосева, бытие личности, вне значимости её месторазвития, есть пустой философский знак, есть олицетворение бытия обезличенного [12].

«Родина, – пишет философ в своей знаменитой автобиографической книге «Жизнь», – есть общее, но не мыслительно, не логически только общее,

а физически и социально общее. Родина не есть то общее, которое только формулировано в голове, занумеровано и зарегистрировано в науке. Родина есть *реальное общее* (курсив наш – Ю.К.), которое меня реально породило с моим человеческим телом и с моей человеческой душой» [11, с. 40].

Учёный делает важный вывод относительно объективной значимости философского знания вообще: «Всякая философия, которая не питается учением о Родине, есть наивная и ненужная философия. Её “обобщения” слишком узки и ничтожны; её “познание” слишком нежизненно, её “мир” и “бытие” – пустота и тюрьма, всезловное иступление рассудка, безличное раскаяние живого духа на Голгофе собственного жалкого обожествления» [11, с. 40].

Чрезвычайно важной метафизической компонентой знания А.Ф. Лосева выступает онтологическая эстетика, лежащая в основе миропостижения через приобщение к прекрасному, через аксиологическое постижение бытия. Лосев стремится подчеркнуть, что человека, личность нельзя рассматривать исключительно в парадигме причинно-следственных отношений. «Человек имеет не только физическое тело, но и личность, сознание, самосознание (т. е. личность, понимаемую именно деятельно, через принцип субъектности – Ю.К.). Куда деть человеку его собственное «я»? Это «я» нельзя уничтожить или растворить в процессах физико-химических или биологических. Это – элементарная социальная клетка великого социального организма...» [11, с. 38].

Мыслитель подчёркивает момент *конкретности* личностного бытия:

«... и для личности, для «я», для сознания, для субъекта *тоже есть свой род* и свои родственные отношения» [11, с. 38]. Их казак Лосев понимает в *евразийской парадигме*, а именно так, что указанные отношения «вытекают из факта совместного происхождения на одной и той же почве, из одних и тех же корней <...> духовное «я» человека точно так же, как и субъект его, его социальная личность порождается в той социальной атмосфере, которая ему родная» [11, с. 38]. Стихия, в которой личность содержится «в своей последней интимной сущности» [11, с. 38], по Лосеву, и есть Родина. Она – «величайшая категория человеческого разума вообще». Родина – «месторазвитие» социально значимого индивида [11, с. 38].

Философия Лосева жизненна, конкретна. Отвлечённые философские начала, в том числе и горячо любимой им онтологической эстетики, не заменяют в его душе любви к ещё большей философской ценности – самой жизни, которая несравнимо богаче «расслабляющего центры нашей души и развращающего волю» [11, с. 33] созерцания красоты.

Религиозность Лосева, при всей её неисчерпаемой глубине, имела специфически манифестируемую суть, характерную для казачьего типа ментальности в целом. «Это была пассионарная религиозность, не требующая внешних форм – обязательных и строго соблюдаемый ритуалов культовой обрядности. Она не нуждалась в опоре на воспроизводство культовой знаковой системы <...> Данная религиозная пассионарность проявлялась не во внешних церковных ритуалах, а носила характер ощущения внутренней

связи с Богом, неритуализированной, нерегламентируемой связи» [14, с. 44].

Вспомним, что большую часть своей жизни профессор Лосев прожил монахом в миру, исповедуя религию ежедневным внутренним подвигом. С момента принятия тайного пострига в 1929 г. и до самой кончины в 1988 г. философ был предан идее глубочайшей внутренней религиозности (исихазм), идее божественной предопределенности человеческой жизни, человеческой судьбы.

В связи с вышесказанным, следует согласиться с Ю.А. Ростовцевым, сказавшим о Лосеве следующее: «Никакие разговоры о оставляющих личности не дадут ничего, если мы не примем во внимание самого человека, его характер, навык трудиться, его волевую, целеустремленную натуру. Вот где все начала – в нём самом, в интересе к жизни и духовному напряжению, в его желании быть тем, кем он стал» [17; с. 364]. Добавим, что одним из важнейших факторов формирования уникального склада личности Лосева явился казачий менталитет.

Подчеркнем, что философско-психологическое портретирование личности А.Ф. Лосева в связи с тра-

диционной методикой русской исследовательской школы носит *возвышающий характер*, с необходимостью содержит идеологический, патриотический заряд. А.Ф. Лосева можно смело отнести в категории самых патриотичных русских мыслителей современности. Мировая известность Лосева – результат манифестирующей пассионарной ментальности его личности, взращённой казачьей средой.

В заключение хотелось бы отметить, что без понимания сути философско-психологического портрета Лосева невозможно постичь уникальность способа его философствования, особенности постижения им жизни и бытия в целом. Для философа Лосева, равно как и для казака Лосева, жизнь представляла собой главную ценность, данную человеку Богом. Страстное патриотическое отношение к Родине, невероятная работоспособность, великое напряжение жизненных и творческих сил, горение, любовь к справедливости, удасть, неустанная воля к свободе суть сущностные качества казачьей ментальности, которые определили психологический склад личности Лосева, обеспечили уникальное своеобразие его жизни и творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
2. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
3. Бахтияров О. Повстанец // Родина. 1988. № 4. С. 21–24.
4. Биbihин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. 416 с.
5. Бычков В.В. Древнерусская эстетика. М.: Храм Татианы (Святой мученицы) при МГУ, 2012. 832 с.
6. Методология психологии: проблемы и перспективы. / Ф.Е. Василюки др. под общей редакцией В.П. Зинченко. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 509 с.
7. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. 432 с.
8. Ильин В.В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: Издательство Московского университета, 2013. 562 с.

9. Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1991. 624 с.
10. Колесниченко Ю.В. Философия личности как преодолённая феноменология. Вл. Соловьёв и М.М. Бахтин // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 105–116.
11. Лосев А.Ф. Жизнь. Повести, рассказы, письма. СПб.: Комплект, 1993. 377 с.
12. Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв и его время. М.: Молодая гвардия, 2009. 617 с.
13. Лазурский А.Ф. Очерк науки о характерах. М.: Наука, 1995, 271 с.
14. Лукичев П.Н., Скорик А.П. Казачество: историко-психологический портрет // Возрождение казачества: история и современность: сб. науч. стат. V Всероссийской (международной) научной конференции. Новочеркасск, 26–29 сентября 2015 г. Новочеркасск: Новочеркасский государственный технический университет, 1995. С. 31–55.
15. Ракитянский Н.М., Колесниченко Ю.В. Философско-психологическое измерение проблемы портретирования личности политика // Конфликтология / Nota bene. 2015. № 2. С. 218–233.
16. Ракитянский Н.М. Категория менталитета в пространстве психологии веры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009, № 4. С. 205–210.
17. Ростовцев Ю.А. Марафонец (Слово о Лосеве): послесловие // Лосев А.Ф. Держание духа. М.: Политиздат, 1998. С. 340–365.
18. Сопов А.В. Некоторые особенности ментальности казаков [Электронный ресурс] // Русская традиционная культура: [сайт]. URL: <http://www.ru.narod.ru/bks/problem/mentaln.htm> (дата обращения: 20.02.2017).
19. Столович Л.Н. История русской философии: очерки. М.: Республика, 2005. 495 с.
20. Тахо-Годи А.А. Алексей Федорович Лосев. Краткое жизнеописание // Алексей Федорович Лосев. Из творческого наследия. Современники о мыслителе / подгот. А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкий. М.: Русский мир, 2007. С. 5–39.
21. Флоренский П. Собрание сочинений. История и философия искусства. М.: Мысль, 2000. 444 с.

REFERENCES

1. Anan'ev B.G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as an Object of Cognition]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 288 p.
2. Bakhtin M.M. *Epos i roman* [Epic and Novel]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 304 p.
3. Bakhtiyarov O. Rebel. In: *Rodina* [Homeland], 1988, no. 4, pp. 21–24.
4. Bibikhin V.V. *Aleksei Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averintsev* [Alexei Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averintsev]. Moscow, Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas Publ., 2004. 416 p.
5. Bychkov V.V. *Drevnerusskaya estetika* [Ancient Aesthetics]. Moscow, The Church of Tatiana (Holy Martyr) at Moscow State University Publ., 2012. 832 p.
6. Vasilyuk F.E. and oth. *Metodologiya psikhologii: problemy i perspektivy*. [Methodology of Psychology: Problems and Prospects]. St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2013. 509 p.
7. James W. *Mnogoobrazie religioznogo opyta* [The Varieties of Religious Experience]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 432 p.
8. Il'in V.V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form* [The Theory of Cognition. Symbolology. The Theory of Symbolic Forms]. Moscow, Moscow University Publ., 2013. 562 p.

9. Klyuchevskii V.O. *Istoricheskie portrety. Deyateli istoricheskoi mysli* [Historical Portraits. Historical thinkers]. Moscow, Pravda Publ., 1991. 624 p.
10. Kolesnichenko Yu.V. The philosophy of the individual as overcome phenomenology. VL. Solov'ev and M.M. Bakhtin. In: *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2012, no. 1, pp. 105–116.
11. Losev A.F. *Zhizn'. Povesti, rasskazy, pis'ma* [Life. Novels, Stories, Letters]. St. Petersburg, Komplekt Publ., 1993. 377 p.
12. Losev A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Soloviev and His Time]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2009. 617 p.
13. Lazurskii A.F. *Ocherk nauki o kharakterakh* [Essay on Science about Characters]. Moscow, Nauka Publ., 1995, 271 p.
14. Lukichev P.N., Skorik A.P. Cossacks: historical and psychological portrait. In: *Vozrozhdenie kazachestva: istoriya i sovremennost': sb. nauch. stat. V Vserossiiskoi (mezhdunarodnoi) konferentsii. Novochoerkassk, 26–29 Sentyabrya, 2015 g.* [The Revival of the Cossacks: History and the Present: a Collection of Research Articles. The 5th All-Russian (International) Conference. Novochoerkassk, September, 26–29, 2015]. Novochoerkassk, Novochoerkassk State Technical University Publ., 1995, pp. 31–55.
15. Rakityanskii N.M., Kolesnichenko Yu.V. Philosophical and Psychological Dimension of the Problem of Portraying Politician's Personality. In: *Konfliktologiya. Nota bene* [Conflictology. Nota Bene], 2015, no. 2, pp. 218–233.
16. Rakityanskii N.M. Category of mentality in the area of psychology of faith. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogics], 2009, no. 4, pp. 205–210.
17. Rostovtsev Yu.A. Marathon Man (A Word about Losev): the epilogue. In: *Losev A.F. Derzanie dukha* [The Daring of the Spirit]. Moscow, Politizdat Publ., 1998. pp. 340–365.
18. Sopov A.V. Some of the features of the mentality of the Cossacks. In: *Russkaya traditsionnaya kul'tura* [Russian Traditional Culture]. Available at: <http://www.ru.narod.ru/bks/problem/mentaln.htm> (accessed 20.02.2017).
19. Stolovich L.N. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, Respublika Publ., 2005. 495 p.
20. Takho-Godi A.A. Alexei Fedorovich Losev. Brief Biography. In: *Aleksei Fedorovich Losev. Iz tvorcheskogo naslediya. Sovremenniki o myslitele* [Aleksey Fedorovich Losev. Abstracts from His Works. The Contemporaries about the Thinker]. Moscow, Russkii mir" Publ., 2007. 776 p.
21. Florenskii P. *Sobranie sochinenii. Istoriya i filosofiya iskusstva* [Collected Works. History and Philosophy of Art]. Moscow, Mysl', 2000. 444 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Юлия Викторовна – кандидат философских наук, заведующая кафедрой философии Института деловых коммуникаций;
e-mail: Julikol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Kolesnichenko – PhD in Philosophy, Head of the Department of Philosophy at the Institute of Business Communications;
e-mail: Julikol@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесниченко Ю.В. Личность раннего Лосева – опыт философского портретирования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 82-93.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-82-93

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Kolesnichenko Yu.V. A. Losev's Early Years – an Experience of Philosophical Portraying. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 2, pp. 82-93.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-82-93

РАЗДЕЛ IV.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 174.4

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-94-99

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Оборский А.Ю.

Военный университет Министерства обороны РФ

123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14, Российская Федерация

Аннотация. В этой статье рассматривается проблема необходимости повышения значимости морали в обществе. Значительное внимание уделяется возрастающей потребности в восстановлении роли профессиональной этики субъектов государственного управления, в обязательном учёте этических норм в ходе осуществления экономических преобразований в современных условиях. Автором проанализированы сходства и различия «нравственной допустимости» и «нравственной оправданности» в профессиональной этике субъектов управления экономикой и бизнесом. По итогам исследования автором сделан вывод о необходимости морального возрождения российского общества.

Ключевые слова: этика, профессиональная этика, нравственная допустимость, нравственная оправданность, моральные нормы.

ETHICAL ISSUES OF ECONOMIC REFORMS IN MODERN RUSSIA

A. Oborskiy

The Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

14, Bolshaya Sadovaya st., Moscow, 123001, Russian Federation

Abstract. The article considers the need for increasing the importance of morality in the society. It is focused on the growing demand to restore the role of professional ethics of the subjects of government management, compulsory accounting ethical standards during the implementation of economic reforms in modern conditions. Similarities and differences of moral permissibility and moral justification in management subjects in economics and business are analyzed. The conclusion about the need for moral revival of the Russian society is made.

Keywords: ethics, professional ethics, moral permissibility, moral justification, moral norms.

Современное состояние российского общества характеризуется беспрецедентным столкновением различных ценностных оснований в экономической, политической и особенно духовной сфере жизни общества. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [7, ст. 13] утверждается, что ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции. Наиболее ожесточённые споры ведутся относительно модели экономического развития государства. Дdiamетрально противоположные модели развития, представляющие весь спектр идеологий хозяйствования – от либерализма до консерватизма и социализма, предъявляют свои требования и к сфере морали субъектов экономического процесса.

Этика представляет собой науку о морали, исследующую процесс мотивации поведения, подвергающую критическому рассмотрению общие ориентации жизнедеятельности, обосновывающую необходимость и наиболее целесообразную форму правил совместного общежития людей, которые они готовы принять по взаимному согласию и реализовывать на основе добровольного намерения. Мораль появляется в истории именно тогда, когда возникает свобода выбора, когда человек может предпочесть одну из нескольких систем ценностей. При этом этика помогает соотнести применение норм морали в конкретный момент времени с историческим контекстом, в котором они были сформулированы, а в ряде случаев приводит к их уточнению.

Не является исключением и сфера экономики. Недостаточность соблю-

дения этических правил в экономике является одной из причин непростого положения экономики современной России. Со временем стало понятно, что одна «невидимая рука» рынка не в состоянии должным образом организовать экономику, необходим возврат в её сферу этических и моральных норм, игнорирование которых может стать причиной не только социально-экономических, но и негативных политических последствий.

Очевидно, что в российских властных структурах не сложилось окончательного понимания, что проводимые по направлению к рыночной экономике экономические преобразования должны осуществляться и с видоизменением морали [1, с. 32–39].

Перед Россией стоит задача изменить менталитет людей, соединить этику с бизнесом и сформировать поколение, которое способно идти на сознательный риск в бизнесе, но при этом нести ответственность за принятие решений, а потом использовать для общества результаты своей деятельности, зачастую не связанные с вопросом об увеличении общественного блага.

Возникла существенная потребность в постановке ориентиров и обосновании нравственных принципов функционирования экономики, в определении институциональных (рамочных) ограничений участников экономического процесса, играющих основополагающую роль в этизации рыночных отношений современного общества.

Речь идёт в том числе и о профессиональной этике государственных управленцев, которая представляет со-

бой исторически сложившуюся совокупность нравственных предписаний, норм, оценок, кодексов и научных теорий о должном поведении личности в определённой сфере профессиональной деятельности, вытекающих из социальных функций и обусловленных спецификой профессии. Она теснейшим образом связана с повседневной практикой человека, так как именно через профессиональную нравственность, в конечном счете, утверждаются духовно-нравственные ценности, повышается общая и нравственная культура граждан страны, реализуются права и свободы человека, его относительная автономность и самостоятельность наряду с возросшими требованиями и ответственностью за деятельность специалиста. [2, с. 57]

Наибольший интерес для анализа этических проблем развития современной экономики вызывает существенное различие в поведении и деятельности субъектов управления между исторически сложившимися общечеловеческими нормами, т.е. «должным», и реально существующими, т.е. «сущим».

Следует отметить, что существуют требования к идеальному поведению, зачастую не имеющие условий реализации на практике в массовом масштабе. Подобное поведение становится должным (желательным). Современное общество не может требовать от людей постоянного подобного поведения, но может ориентировать их на него, создавать условия для его реализации.

Система моральных ценностей не статична, а динамична, изменчива и внутренне противоречива. Характер её изменения и развития зависит в

первую очередь от социальных факторов и условий.

Возникает вопрос: если моральные нормы и принципы не могут реализоваться в современных условиях в полной мере, в массовых масштабах, означает ли это, что всё остальное поведение руководителей и организаторов экономических преобразований должно быть отнесено к безнравственному?

Очевидно, что речь должна вестись о нравственно допустимых поступках и поведении субъектов экономических преобразований. В современных условиях возникают определённые различия между категориями «нравственная допустимость» и «нравственная оправданность». Эти понятия зачастую представляются тождественными, однако между ними есть существенное различие [6, с. 262, 263].

Нравственная оправданность носит в большей степени субъективный характер. Она предполагает, что оправдываются аморальные, выходящие за рамки нормы поступки или поведение, на совершение которых человека вынудили обстоятельства. Так, дезинформация в определенной ситуации может быть безнравственной, хотя и с позиций защиты национальных интересов вполне оправданной.

В отличие от нравственно оправданного поведения, нравственно допустимое поведение укладывается в рамки нравственности, но вследствие действия объективных обстоятельств не является идеальным и желательным с точки зрения обычной морали. При нежелательном характере поступка мы признаем его нравственным.

Так, с точки зрения прав и свобод личности идеалом мог бы стать пол-

ный отказ от принуждения нарушителей закона, который будет, несомненно, безнравственным к остальным гражданам, поскольку открывает простор преступности.

В этом контексте следует согласиться с Дж.С. Миллем, который в работе «О свободе» утверждает, что «единственная цель, ради которой сила может быть применена к одному из членов цивилизованного общества против его воли, – это предотвращение вреда другим. Его собственное благо, физическое или моральное, не является достаточным основанием» [9, р. 13].

Однако если человек живет по принципу «прибыль любой ценой, деньги решают всё», то рано или поздно подобный руководитель или бизнесмен будет готов даже к выпуску опасной для здоровья людей продукции. Массовые отравления настойкой «Боярышник» в последние несколько месяцев подтверждают подобный тезис. Зачастую разговоры о нравственности только вносят сумятицу в умы подобных бизнесменов и дезорганизуют технологический процесс [8]. В подобных условиях абсолютное большинство граждан России считают нравственно допустимым жесткий контроль за качеством производимой продукции.

Другими словами, нравственно допустимое поведение – это поведение, хотя и отвечающее требованиям морали, но находящееся на границе нравственного и безнравственного, наиболее приемлемое в данных условиях с точки зрения всех критериев оценки. Несмотря на то, что допустимое поведение отступает от нравственного идеала, оно становится нормой в опреде-

лённых обстоятельствах.

Чаще всего оно возникает в условиях нравственных конфликтов и выражает меру возможного отступления от обычных моральных норм в случае их столкновения. Так, конфликтное столкновение двух нравственных норм – необходимости обеспечения экономического безопасности общества и государства от преступных посягательств и недопустимости ограничения личной свободы – порождает компромиссную норму, допускающую ограничения в определённых законом пределах.

Представляется важным заметить, что современные руководители должны чётко понимать, что понятие «свобода» в обязательном порядке должна сопоставляться с такими категориями, как «ответственность» и «необходимость». При этом ответственность не является отрицанием свободы, а есть её естественное дополнение и условие, отражающее объективный, исторически конкретный характер взаимоотношений между личностью, коллективом, обществом с точки зрения сознательного осуществления предъявляемых к ним взаимных требований. В идеальной ситуации свобода порождает ответственность, а ответственность направляет свободу.

При этом достаточно часто возникают конфликты между различными, зачастую взаимно противоположными мотивами поведения в рамках экономической деятельности. Критерием оценки в разрешении конфликтов, как правило, выступает практика. Именно в ходе практики субъекту экономической деятельности предстоит решать задачу по определению меры допустимого поведения в каждой ситуации.

Так, любой обман признаётся аморальным ещё со времен Августина Блаженного [3, с. 51–60]. Однако в ряде случаев обман признаётся необходимым. Если, например, речь идёт о неразглашении информации о предстоящей операции по раскрытию коррупционных деяний должностных лиц, то эти действия будут оценены положительно.

Единого правила, единственно верного правила поведения быть не может, следует всесторонне взвешивать последствия принимаемых мер и оценивать последствия.

Таким образом, одной из основных задач субъектов экономической деятельности всех уровней в современных условиях становится нрав-

ственное возрождение государства, включающее воспитание элиты, способной в своей управленческой деятельности создать необходимые условия для реализации общечеловеческих нравственных ценностей [5, с. 79–81] в конкретной исторической ситуации снижения уровня нравственной культуры, утраты нравственных идеалов.

В этой ситуации задача этики – сподвигнуть субъектов управления экономикой при размышлениях о будущем страны на решение вопроса о нравственной мотивации поведения и деятельности с использованием различных этических принципов, прежде всего таких, как идеи добра и добродетели [4, с. 46–53].

ЛИТЕРАТУРА

1. Глинский А.В. Проблема соотношения политики и морали // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 3. С. 32–39.
2. Корень В.Л., Петрий П.В. Этика военной деятельности: учебное пособие. М.: Военный университет, 2015. 226 с.
3. Лебедев А. Блаженный Августин и нравственные проблемы его эпохи // Духовный мир. 1994. № 1. С. 51–60.
4. Майкова В.П., Молчан Э.М. Духовность как фактор устойчивости социальных систем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 46–53.
5. Оборский А.Ю. О влиянии ценностей на экономический рост государства // В поисках утраченного роста: материалы II Международного форума Финансового университета. Москва, 24–26 сентября 2015 г.: сб. науч. ст. Т. 2: Социальные и гуманитарные факторы экономического роста / под. ред. А.В. Новикова, А.Ю. Оборского. М.: Финансовый университет, 2016. С. 79–81.
6. Профессиональная этика и служебный этикет: учебник для студ. юридич. Факультетов / под ред. В.Я. Кикотя. М.: ЮНИТИ–ДАНА: Закон и право, 2011. 559 с.
7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683) // Российская газета. 2015. 31 янв.
8. Фредерик Р., Петри Э. Деловая этика и философский прагматизм // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 72–74.
9. Mill J.S. On Liberty / ed. Currin V. Shields. Indianapolis: Hackett, 1956. 141 p.

REFERENCES

1. Glinskii A.V. The problem of the relation of politics and morality. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 3, pp. 32–39.

2. Koren' V.L., Petrii P.V. *Etika voennoi deyatel'nosti* [The Ethics of Military Activities]. Moscow, Military University Publ., 2015. 226 p.
 3. Lebedev A. Augustine and Moral Problems of His Era. In: *Dukhovnyi mir* [The Spiritual World], 1994, no. 1, pp. 51–60.
 4. Maikova V.P., Molchan E.M. Spirituality as a factor of stability of social systems. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 1, pp. 46–53.
 5. Oborskii A.Yu. On the impact of values on economic growth of the state. In: *V poiskakh utrachennogo rosta: materialy II Mezhdunarodnogo foruma Finansovogo universiteta. Moskva, 24–26 sentyabrya 2015 g. T. 2: Sotsial'nye i gumanitarnye faktory ekonomicheskogo rosta.* [In search of the lost growth: materials of II International forum of Financial University. Moscow, September 24–26, 2015. Vol. 2: Social and Humanitarian Factors of Economic Growth]. Moscow, Financial University Publ., 2016. pp. 79–82.
 6. *Professional'naya etika i sluzhebnyi etiket* [Professional Ethics and Business Etiquette]. Moscow, YUNITI–DANA Publ., Zakon i pravo Publ., 2011. 559 p.
 7. The National Security Strategy of the Russian Federation. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated 31.12.2015. No. 683. In: *Rossiyskaya gazeta*, 2015, 31 January.
 8. Frederik R., Petri E. Business Ethics and Philosophical Pragmatism. In: *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 1996, no. 3, pp. 72–74.
 9. Mill J.S. On Liberty. Ed. Currin V. Shields. Indianapolis: Hackett Publ., 1956. 141 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Оборский Алексей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и религиоведения Военного университета Министерства обороны РФ;
e-mail: oborski@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey Yu. Oborskiy – PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Philosophy and Religious Studies at Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation;
e-mail: oborski@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Оборский А.Ю. Этические проблемы экономических преобразований в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 94–99.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-94-99

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Oborskiy A.Yu. Ethical Issues of Economic Reforms in Modern Russia. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 2, pp. 94–99.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-94-99

УДК 101

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-100-107

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ФАШИЗМ – ВНЕ И ВНУТРИ НАС*

Калитин П.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация.*

Аннотация. В статье даётся особый, антиномический анализ современного феномена либерального фашизма на основе книги Дж. Голдберга «Либеральный фашизм», раскрываются «антифашистские» моменты этого парадоксального явления, прямо связанного с потребительской идеологией. Актуальное содержание этого материала подчёркивается его российской рецепцией. На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что для России необходим альтернативный духовный путь.

Ключевые слова: фашизм, «антифашизм», потребление.

OUTSIDE AND INSIDE LIBERAL FASCISM

P. Kalitin

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The paper presents a special antinomical analysis of the modern phenomenon of liberal fascism based on J. Goldberg's "Liberal Fascism: The Secret History of the American Left from Mussolini to the Politics of Meaning". The author of the article reveals 'anti-fascist' elements of this paradoxical event directly connected with the ideology of consumption. The topic is considered relevant for modern Russia, but some alternatives should be searched to pave Russia's way to spirituality.

Keywords: fascism, "antifascism", consumption.

Хочу начать с благодарности нашим так называемым «партнёрам», как их двусмысленно называет Президент (я имею ввиду Запад), за то, что именно благодаря Русской весне наступил момент истины. Речь идёт не просто о возобновлении «холодной войны» (на мой взгляд, это инерционно-поверхностная формулировка того, что сейчас в постсоветском мире происходит), а о процессе, обнажившем самую

© П.В. Калитин, 2017.

* Статья отражает точку зрения автора и публикуется как приглашение к научной дискуссии. – Ред.

сущность нынешнего Запада. Причём, хочет он того или нет, он её с объективной лихвой обнажил. Гламурные дипломатические маски оказались сброшены. И мы опять увидели – как в «старые, добрые времена» – честных врагов, честных противников, что, в общем-то, всегда было на руку нашему Отечеству. И, может, одна из причин множества проблем нынешней России, в том числе и на внешнем уровне, – это то, что наш враг очень хорошо последние четверть века «партнерски» мимикрировал. Но сейчас наступил-таки момент истины.

Запад обнажил свою внутреннюю сущность царства либерального фашизма. Причём я хочу подчеркнуть, что Запад **сам** стал себя так называть. Речь идет об интеллектуальном без преувеличения бестселлере автора Джона Голдберга, который так и называется – «Либеральный фашизм» (книга была переведена на русский язык в 2012 г.) [1]. Именно в нём дана аутентичная оценка современной духовной ситуации на Западе. С её «фашистским моментом», согласно американскому автору.

Немного из истории вопроса. Сам термин принадлежит Герберту Уэллсу. Он произнёс его впервые в июле 1932 г. на встрече с членами Национальной лиги молодых либералов в Оксфордском университете. Он синонимизировал это понятие с «просвещённым нацизмом». И за пример для подражания брал, с одной стороны, режим Муссолини, с другой – коммунистическую Россию. Для Уэллса было важно «заменить медленную, нерешительную демократию», сделав её более эффективной как раз при помощи оных политических образцов [1, с. 29, 144].

В связи с этим мне хотелось бы принципиально подчеркнуть, что раз-

говоры о том, что Сталин фашист, приравнивании его к Гитлеру и т. д. слишком наивны и близоруки. На самом деле всё гораздо сложнее. Я бы в несליянном триединстве обозначил органичный пучок интеллектуальных традиций: либерализма, фашизма (нацизма) и нашего коммунизма. Не случайно в книге Голдберга генеалогия и гитлеровского, и итальянского фашио идет непосредственно от Жан-Жака Руссо, от его концепции «общей воли» (которую американский автор знаменательно рассматривает в практическом приложении ... на примере Робеспьера). Мы же категорически отделяем французскую традицию от фашистской, не видим их общую генеалогию, общее древо познания добра и зла. Правда, относительно коммунизма проще: мы знаем, что Ленин не устал себя позиционировать, и справедливо, как продолжателя французской революции. Но надо понимать, что фашизм – также естественный плод древа французской революции. И прочих либерально-прогрессивных историй.

Вот почему политика Вудро Вильсона, по мнению Голдберга, – **первый** реализованный в мире фашизм, хоть сам американский президент называл себя «прогрессивистом». Вильсон буквально за несколько лет до победы Муссолини воплотил именно его идеи в жизнь: «поклонение государству», коллективизм как новую «свободу», культ «настоящего лидера» с массой людской как его «глиной», социальную евгенику. Особо выделим создание Вильсоном министерства пропаганды (во главе с Крилом) с его установкой на «сто процентную американизацию» в борьбе «за умы людей», по выражению предтеббельского министра.

От Вильсона Голдберг ведёт непосредственную генеалогию политики Ф. Рузвельта, затем Кеннеди, Джонсона и, наконец, «политики смысла» Хиллари Клинтон. То есть американский либеральный фашизм никуда не делся и продолжает своё существование в современном мире (в отличие от немецкого, итальянского и советского аналога).

Что же дало самое существенное право Джону Голдбергу называть политику Вудро Вильсона первым воплощённым в мире фашизмом? Конечно, конкретная организация единого духа, единой воли всей нации – определяющего признака всякого фашио! В результате американский президент вполне законно называл себя «правой рукой Бога», успешно осуществляя спасительную мобилизационную экономику, которая и позволила США получить максимальные дивиденды по итогам первой мировой войны.

Один из ключевых фашиствующих современников Рузвельта сенатор Хьюи Лонг, говорил, что в Америке победит фашизм как «антифашизм», разумеется, либерального толка. И он действительно точно так победил, используя всю мощь президентского института без оглядки на его конституционные и прочие формальные ограничения. Аккурат согласно духу и букве немецкого, итальянского и советского вождизма. Но, понятно, во славу уже своей «демократии» в её поуэллсовски решительном амплуа – которое, впрочем, легко превращается в неполиткорректный аналог европейского тоталитаризма, чему посвящён симптоматичный роман современного заокеанского писателя Ф. Рота «Заговор против Америки».

Здесь хотелось бы затронуть ещё один принципиальный момент: нынешняя **атрибутивная** связка холокоста, антисемитизма с тем же фашизмом-нацизмом и даже сталинизмом – просто идеологический фантом, потому что и американский, и итальянский фашизм сформировались задолго до прихода к власти Гитлера, до «Хрустальной ночи» 1938 г. Более того, режим Муссолини получил конкретное благословение не только главного раввина Рима, но и всего мирового еврейства. У большевиков же, как известно, антисемитизм стал даже государственным преступлением (как, кстати, и у нынешних российских «либералов»). И в США представители еврейской национальности принимали очень активное участие в проведении политики Вильсона, а затем Рузвельта. То есть нельзя сказать, что если либеральный фашизм не носит антисемитской направленности, то это не фашизм, ибо мировой фашизм **изначально, краеугольно** не основан на антисемитизме.

Что могло бы быть названо в качестве метафизического объединяющего начала для либерализма, фашизма, нацизма, большевизма, так это их мессианство, носящее секулярно-«спасительный» характер, где на месте Бога – мечта, народ, пролетариат. И пусть среди всех этих -измов либерализм закликает свой однозначно-положительный «антифашистский» статус. Мы добавим – как раз в духе Лонга, или Уэллса, или Х. Клинтон. И с «воображаемым» потенциалом Ф. Рота.

Уточним теперь, что к началу 2014 г. Россия увязла, мало сказать, в глобалистском болоте – она увязла именно в американском фашистском болоте

(по-укр. «майдане»). На **сырьёзных** основаниях его не атлантической «глины»-«массы»: «партнерского» атланта. Россия, в принципе «прогрессивистском», сравнялась с Европой в плане откровенного вассалитета по отношению к вашингтонскому \$. И вдруг Россия выбивается из этого тотально-либерального проекта, становясь, по ёмкому понятию Карла Шмитта [4], по-настоящему **суверенной**, т. е. имеющей не только формальное право решать свои проблемы, но и конкретно решающей их [2, с. 34, 35]. В первую очередь – в Крымском вопросе. Так, мы снова стали воистину **политической** державой, по определению того же немецкого автора. Реальным и победоносным субъектом исторического процесса, выбившись-таки из либерально-фашистского «комильфо». И тем «просвещённое» заверещали о нашем, естественно, изгойстве – из застенков этого глобалистского пучка: паучка!

Да, мы приняли от либерального фашизма его решительность. Прежде только американцы могли вне закона, т. е. вне всяких решений ООН, разбираться с Сербией, Ливией, Ираком. И вдруг Россия также берёт на себя функции мирового вождя, что аподиктически не может не создать конфликтную ситуацию – согласно поговорке: два медведя никогда не уживутся в одной берлоге. Нам этого несерьёзного равенства никогда не простят. Лично В.В. Путина никогда не простят, и я надеюсь, он не питает никаких «цивилизованных» иллюзий на сей счёт. Вслед за С. Милошевичем или М. Каддафи.

Однако после первого своего шага – решения Крымского вопроса вне международных соглашений о единстве Украины – второй наступательный шаг

В.В. Путин не сделал. Не здесь ли скрывается одна из главных причин «заморозки» Русской весны?! По К. Шмитту, второй шаг по обретению полноценной политической суверенности – чёткое выделение образа врага [2, с. 34, 35]. В нашем же случае мы получили совершенно парадоксальную ситуацию: у нас как бы этого врага нет, и мы даже не пытаемся его искать. **Почему?** По одной страшной, если не эсхатологической причине: мы по своим мировоззренческим ценностям ещё при Горбачеве, а многие и раньше, пришли к тому же либеральному фашизму. Мы также разделяем ключевую либерально-фашистскую ценность для «глины», народа: **потребление**. И, разумеется, при «спасительном» патронаже мессии-государства. Не забудем, что и Гитлер, и Муссолини, и Советский Союз, и, скажем, Ф. Рузвельт говорили всё время о повышении материального уровня своего, не важно как, «единого» народа, при этом делая акцент на насущных интересах «маленького человека», что индуктивно обобщено на десятках страниц голдбергского бестселлера. Это наглядно отразилось и в нашей «либеральной» конституции: «социальное государство».

Таким образом, уже на архетипичном уровне наших мировоззренческих ценностей мы вполне одинаковы с западным обществом потребления.

И вот тут у нас возникает патовая ситуация, или, в более оптимистическом варианте, – промежуточный финиш. В современной России нет никаких гуманно-антропоцентрических оснований для пассионарного усиления её суверенно-субъектного начала.

Весьма закономерно, что именно сейчас на Западе произошёл, я бы ска-

зал, водородный взрыв русофобии, которая «вдруг» приобрела, невзирая на всё своё явное человеконенавистничество, не менее откровенный политкорректный характер. Русских можно всякостно ругать, оскорблять, унижать. Самый банальный, до гоголевской миргородской скуки, пример тому: сегодняшняя «цивилизованная» Украина.

Казалось бы, русским людям! сам в руки плывёт искомый образ врага – как минимум в лице западного истеблишмента. Но приглядимся внимательней к предмету его «просвещённой» ненависти. И получим следующий удивительный вывод: эта русофобия касается русского только как суверенного субъекта, решительного творца именно своей эпохи: истории. На поверку – радикальное неприятие только того русского, который способен стать и быть самим собой, перестав служить сырьезным винтиком в либерально-фашистской машине. То-то подконтрольные ей СМИ постоянно и «естественно», «прогрессивистски» внушают нам: если вы опять будете для нас свободно-податливой «глиной», гумусом, отказавшись прежде всего от Крыма и Донбасса, и вернётесь под сень нашего материального попечения, то и к вам будут, право же, адекватно – **всырьёз**, т.е. потребительно, относиться. Короче, с лихвой «объективной» поймеют.

Итак, Запад весьма эффективно «ограничивается» «мирными» экономическими санкциями, «справедливо» надеясь, что нам как уже сложившимся мировоззренчески потребителям надоест неприятная санкционная ситуация – сродни агрессии. Тем более, для наших элитариев уже светит кон-

фискационный, тотально и ленински-троцкистски, час икс.

Меня, признаюсь, настораживает «патриотическая» эйфория вокруг феномена «Бессмертного полка», когда мы аж психологически **отождествили** себя с действительными героями на наших портретах. И особенно с их несомненной победоносностью. И как же нам – на историческую халяву двойничества – сразу стало хорошо! Но это же просто кощунственно! Ведь психология настоящего победителя – первый бросок из окопа, атака под крошечным огнём, постоянный смертельный риск с постоянным чудом спасения – разумеется, не для всех. Словом, речь здесь идёт о пассионарности в строго гумилевском – жертвенном смысле.

Никто не спорит, что отдать дань памяти 9 мая – нужное, необходимое дело. Но зачем доводить его до психологически-тождественного абсурда и дешёвого, паразитического бахвальства – мол, и мы пахали?! Ведь весь реальный результат нашей «бессмертной» «победоносности» к чему свёлся? К приятной прогулке по Тверской улице и Красной площади. И это достойно, конгениально той Великой Победе?! А ещё Н.Г. Чернышевский любил повторять, что политика – это не Невский проспект. Так что мы не продемонстрировали без кавычек бессмертное суверенное политическое дело **нашего** 9-го мая. И много ли из участников того «патриотического» променада отправились хотя бы добровольцами в Новороссию?! Как наши предки, скажем, в 1876–1877 гг. – тоже в связи с национально-освободительным восстанием немногочисленных братьев-славян?!

Да, мы приняли либеральный фашизм с его комфортным гуманитарным –

потребительством-«антифашизмом». И тотально нигилистической профанацией любого труда, который теперь превратился в одно официозно-официантское обслуживание; умопомрачительную мельтешню. Даже в сфере образования, при заключении договора с преподавателем говорится о предоставлении им потребительских услуг. И нас такое подЛИНное обывление вполне устраивает, по крайней мере, никто открыто и непосредственно **против неё, лакейской**, не выступает. Но контрольно-выстрельный ужас в том, что мы теряем всякое представление о настоящем, радостном труде с его действительно прогрессивным производством, технологическими прорывами, реальными инновациями. А обслуживание – это, мягко говоря, элементарный бег белки в колесе, когда не может быть в принципе никакого развития, а время циклически замирает, как в бесчеловечно-природных ритмах или «креативном» верчении, что «объективно» отбрасывает нас к некоему животнов-суетливому существованию: трепету в духе «офисного планктона» и без каких-либо «совковых», по-настоящему творческих трудовых позывов и тем более побед.

Так, четверть века мы были «свободно» выключены из культурно-исторического процесса, повторяясь всевозможными «мерседесами»: во славу нового либерально-фашистского порядка

Потребительская система приобрела у нас подЛИНно=тотальный размах и сделалась нашим обычным обывленным образом жизни. А в этих органичных, «мирных» условиях (я думаю, В.В. Путин это как никто понимает) достаточно что-то одно вроде бы для улучшения тронуть – и всё посыпется, как карточный домик. В том числе, лю-

бая справедливейшая подвижка в сторону смягчения нашего самого жуткого в мире социального неравенства (которое предполагает «рекордную» разницу, по некоторым подсчетам, в 100 (!!!) раз в доходах 10% самых богатых и самых бедных слоев россиян) – катастрофически нарушит сложившийся, понятно, отвратительный, но гомеостазный баланс. Вот и сейчас мы не можем ни на йоту изменить социальную систему, не разрушив её государственный костяк [3].

И что же дальше???

Будем трезвыми и здравомыслящими.

В рамках сегодняшней России у нас просто нет выхода: «победоносно», если не «бессмертно», шествует по нашему «просвещенному» кругу – услужливо устраивая всех: и богатых, и бедных – доподЛИНно тотальное потребление. Случись что с В.В. Путиным – и погибнет, окончательно погибнет наша прошлогодняя попытка стать политическим, историческим субъектом. К тому же с ней связано столько новых и без того немалых житейских хлопот. А в 1990-е гг. не было великой, воистину имперской и – напругающей «деспотически» – России, но зато было множество великих, воистину самодержавно-индивидуалистических и – слабительных – «демократических» «я» едва ли не каждого из нас. И этот, как минимум, психологически, обывленный комфорт умело и ловко дополняют ныне «патриотической» ностальгией по позднесоветскому («застойному») благополучию. Чтоб 1990-е гг. вернулись с милой успешной душевностью той же Кати Тихомировой (из кинофильма «Москва слезам не верит») или Жени Лукашина (из телефильма «Ирония судьбы»).

Как, как от уже воплощённого у нас тотально-демократически-потребительского «добра» и для «маленького человека» искать какое-то иное добро? Тем более «цивилизованный» западный вождь (дуче, фюрер, генсек) нас таким «новым» «свежачком» по отношению к нашей победоносной имперской истории примет. И не русофобски! Гуманусно.

Таким образом, альтернатива сейчас не просто между жизнью и смертью, как это было, например, в годы Великой Отечественной войны, когда «не было бы ничего удивительного, если бы вылетели из <...> облаков белые ангелы с серебряными трубами», согласно А.А. Фадееву [7, с. 48]. Нет, сейчас вопрос в том, будет ли Россия обычная, потребительски-нормальная, атлантно вписывающаяся податливым, мягкотелым пластом – в либерально-фашистскую систему глобалистского господства, или же, во что нельзя не верить вслед за Ф.И. Тютчевым [6], будет великая, вертикальная, суверенно, салютно торжествующая Российская империя. Будем ли мы всерьёз «креативным» быдлом или и «совковыми», и велико-петровскими, и московитскими, и древнерусскими творцами, естественно и сверх живущими своим умом – духом.

Одна из ключевых причин гибели СССР – это провокационный посыл Н.С. Хрущева: догнать и перегнать Америку, и в первую очередь по «коммунистическому» потреблению. Хотя И.В. Сталин уже нащупал в последние годы своей жизни прямо противопо-

ложную: **духовно-аскетическую** – основу русской и в целом советской культуры и цивилизации. Тем более в её пассионарном отказе от потребительских удовольствий есть не только великий созидательный смысл, но и великое удовольствие [5, с. 307–404]. Сродни 9-го мая 1945 г. Сродни 12 апреля 1961 г. Сродни Крымской весне 2014 г.

Налицо неслиянно-единый характер православно-советской аскезы, православно-советской традиции, конечно, победоносно имперского (=русофобского) образца, что и ознаменовалось по-настоящему патристическим отражением органично вдохновляющей «Сталинской иконы». Понятно, советская идеология и православие – это далеко не одно и то же, но есть кардинально ударное антропологическое сходство между их, если хотите, заведомыми крайностями, как раз связанное со всегдашним пассионарным самоотвержением настоящего русского человека. То-то Гитлер вполне правомерно завидовал И.В. Сталину по поводу житейской неприхотливости русского солдата, который мог спокойно спать даже в ледяном окопе. У европейских арийцев такое суперменство не практиковалось. Но ради Победы можно на многое органично антипотребительски? воистину антифашистски пойти. И совершенное Возрождение суверенной и творчески аскетично гедонистской России – уже серьёзная и – бессмертная: долу и горе! – мотивация к нашим конгениально свободным поступкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голдберг Дж. Либеральный фашизм. М.: Рид Групп, 2012. 512 с.
2. Бенуа А. Карл Шмитт сегодня. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013. 192 с.

3. Кризис России в контексте глобального кризиса: сб. научных статей. М.: Институт динамического консерватизма, 2013. 616 с.
4. Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». М.: Скимень, 2012. 192 с.
5. Мухин Ю.И. Убийцы Сталина: главная тайна XX века. М.: Эксмо: Яуза, 2011. 544 с.
6. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений / сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. Л.: Советский писатель, 1987. 448 с.
7. Фадеев А.А. Молодая гвардия // Фадеев А.А. Собр. соч. в 5 т. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 567 с.

REFERENCES

1. Goldberg J. *Liberal'nyi fashizm* [Liberal Fascism: The Secret History of the American Left from Mussolini to the Politics of Meaning]. Moscow, Read Group Publ., 2012. 512 p.
2. Benois A. *Karl Shmitt segodnya* [Carl Schmitt Today]. Moscow, Institute of General Humanitarian Studies Publ., 2013. 192 p.
3. Krizis Rossii v kontekste global'nogo krizisa [Crisis in Russia in the Context of the Global Crisis]. Moscow, Institute of Dynamic Conservatism Publ., 2013. 616 p.
4. Mier H. Karl Shmitt, Leo Shtraus i «Ponyatie politicheskogo» [Carl Schmitt, Leo Strauss and "Political Concept"]. Moscow, Skimen Publ., 2012. 192 p.
5. Mukhin Yu.I. *Ubiitsy Stalina: glavnaya taina XX veka* [Murderers of Stalin: the Major Mystery of the 20th Century]. Moscow, Eksmo Publ., Yauza Publ., 2011. 544 p.
6. Tyutchev F.I. *Polnoye sobraniye stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Leningrad: Soviet writer Publ., 1987. 448 p.
7. Fadeev A.A. *Molodaya gvardiya*. [The Young Guard]. In: *Sobr. soch. T. 2*. Coll. Works. Vol. 2. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo Khudozhestvennaya literatura Publ., 1959. 567 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калитин Пётр Вячеславович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета; e-mail: petr.kalitin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pyotr V. Kalitin – Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of Philosophy at Moscow Region State University; e-mail: petr.kalitin@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Калитин П.В. Либеральный фашизм – вне и внутри нас // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 100-107.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-100-107

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Kalitin P.V. Outside and Inside Liberal Fascism. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 2, pp. 100-107.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-2-100-107

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускаются десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте журнала www.vestnik-mgou.ru.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

2017. N 2

Над номером работали:

Литературный редактор Д.В. Дмитриев

Переводчик Е.А. Кытманова

Корректор И.К. Глузунов

Компьютерная вёрстка Д.А. Заботина

Отдел по изданию научного журнала

«Вестник Московского государственного областного университета»

Информационно-издательского управления МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru

сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 7, усл. п.л. 6,75.

Подписано в печать: 30.05.2017. Дата выхода в свет: 31.05.2017. Заказ № 2017/05-04.

Отпечатано в ИИУ МГОУ.

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А.